

ОГОНЁК

№ 43 ОКТЯБРЬ 1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ОГОНЁК

Основан
1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

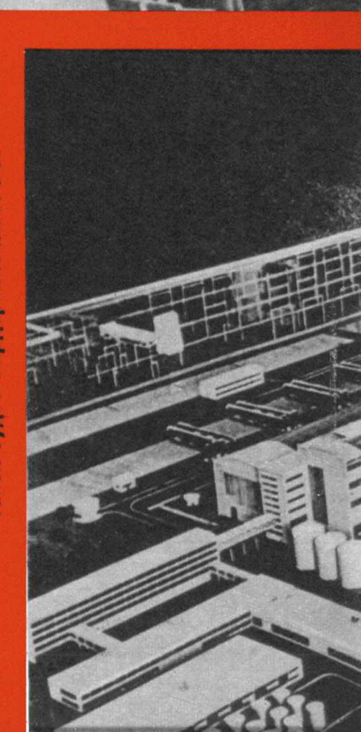
№ 43 (2364)

21 ОКТЯБРЯ 1972

...А такая она сейчас.

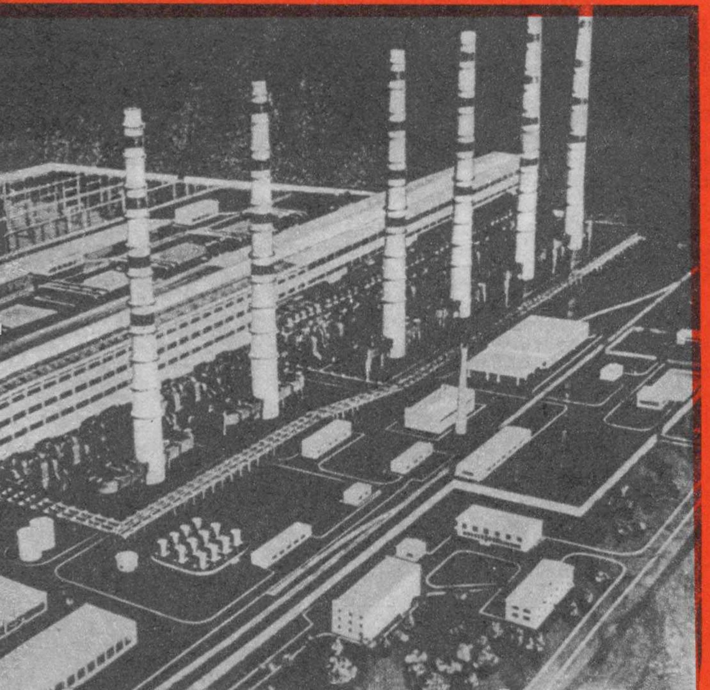
ШИРИН ИДЕТ К ФАРХАДУ...

Такой будет Сырдарьинская ГРЭС...

Электромонтажница Ольга Погребняк, ударница коммунистического труда.

Вячеслав КОСТЫРЯ,
фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты «Огонька».

Легенды не возникают просто так. Наверное, поэтому они в конце концов и становятся былью.

Об этом невольно думается, когда смотришь с высоченной плотины Фархадской ГЭС на бурные водовороты у нижнего бьефа. И хотя стальные створы гидросооружения отнюдь не напоминают рук легендарного каменотеса Фархада, пробивавшего киркой путь живительной влаге сквозь скалы, величие его богатырской души, кажется, витает в белых облаках брызг, в струях рукотворной реки, устремившейся на запад от Сырдарьи в еще недавно мертвые просторы Голодностепья.

Долгие века это было мечтой народа. Ее несбыточность отразилась в поэме Алишера Навои «Фархад и Ширин». Есть в поэме сцена обмана властителем Хосровом красавицы Ширин. Домогаясь руки Ширин, Хосров даже не пытался всерьез выполнить ее условие — мало ли что взбредет в голову красивой женщине?! Вместо того чтобы рыть канал, он просто-напросто велел устлать дорогу от реки в степь камышовыми циновками, которые в лунном сиянии поблескивали, как вода...

Сегодня воды канала могут сравнить с камышовой циновкой только поэты. Ведь это вода! Хочется тут же сойти с плотины, опустить руку в струи Южно-Голодностепского канала. Нет, недаром местные жители любят сидеть у

ДРУЖЕСТВЕННЫЙ ВИЗИТ

16 октября в Москву с официальным визитом прибыл Премьер-Министр Арабской Республики Египет Азиз Сидки.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами Арабской Республики Египет и Советского Союза, главу правительства АРЕ встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянский, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Ю. В. Андропов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, заместитель Председателя Совета Министров СССР В. Н.

СОТРУДНИЧЕСТВУ КРЕПНУТЬ!

самой воды и время от времени зачерпывать ее рукой, проводя мокрой ладонью по лицу.

Вода... Глядя на уходящие вдаль опоры высоковольтных линий, на чудесно ожившие, полные хлопка, кукурузы, овощей поля, можно подумать, что могущество сырдарьинской воды уже полностью использовано. Но оказалось, что достигнут, так сказать, не «край земли», а всего лишь первый, ближний горизонт, за которым распахиваются еще более широкие просторы. Вскоре мы узнаем о новом подвиге, который с помощью бухарского газа совершит эта речная вода — вода из древней легенды!.. Уже в нынешнем году в ознаменование юбилея образования СССР вступит в строй первый энергоблок Сырдарьинской ГРЭС — самой крупной теплоэлектростанции на планете. Из двенадцати подобных электростанций в СССР, США, Канаде, ФРГ и Японии мощнее всех японская — 2 миллиона 630 тысяч киловатт. Сырдарьинская же ГРЭС почти вдвое превзойдет теплоэлектростанцию в Йокосука — проектная мощность нашего исполина 4 миллиона 400 тысяч киловатт!

Чтобы охватить взглядом всю стройплощадку, а вернее сказать, район строительства, пришлось бы прибегнуть к помощи вертолета. Правда, подниматься в воздух только для обзора не обязательно — достаточно взобраться на одну из стовосьмидесятиметровых дымовых труб.

— В Директивах XXIV съезда КПСС сказано: «Ввести в действие первые агрегаты на Сырдарьинской ГРЭС...» Всего несколько слов,— говорит начальник управления строительством Семен Семенович Функ,— а ведь за ними полное обеспечение электроэнергией бурно развивающихся в республике химической и легкой промышленности, цветной металлургии, машиностроения и — прошу обратить особое внимание! — машинного орошения новых земель, а следовательно, хлопководства...

Стройка на берегу Сырдарьи за короткий срок стала всесоюзной. Великолепное оборудование и материалы идут сюда из Москвы и Ленинграда, Таганрога и Запорожья, Днепропетровска и Братска, Новосибирска и Баку, Минска и Свердловска. А уж мастера самых разных специальностей — буквально со всех концов нашей многонациональной страны. Коллектив строителей ныне составляет свыше четырех тысяч человек. И это при огромной насыщенности современной техникой!..

— Если б не русский язык,— говорит главный технолог управления строительства, он же заведующий бюро информации, Шевкий Ибрагимович Талипов,— не знаю, как бы мы смогли объясняться и договариваться со всеми... Правда, многие рабочие знают свое дело, как инженеры, быстро читают чертежи и понимают задание с полуслова. Вот идет лучший слесарь-монтажник Фатхулло Раззаков...

— Откуда вы родом, Фатхулло?

— Из Таджикистана. Строил электростанцию в Яване, затем Ташкентскую ГРЭС, а с 1970 года — здесь... Но я еще, как говорится, не волшебник, я только учусь... Вот Федоров, наш звеньевой,— это да! Алеша!.. Подойди-ка на минутку! — крикнул он светловолосому крепышу в красной каске.

— Откуда вы приехали на Сырдарью? — спрашиваем Алешу.

— Со строительства Ангренской ГРЭС.

— А до этого где работали?

— На Ташкентской ГРЭС

— Вы ташкентец?

— Нет, в Ташкент попал впервые после Яванской ТЭЦ.

— Так вы земляк Фатхулло?

— В Таджикистан я приехал с Джезказганской ТЭЦ.

— Выходит, вы из Казахстана?

— Туда я прибыл из Каракалпакии, с Тахиаташской электростанции.

— Откуда же вы родом?!.

— Из Рязани я,— широко улыбнулся он.— Поговорите лучше с нашим мастером Анатолием Нечаевым, настоящий профессор!

Но у «профессора» тоже минуты были на счету, и он быстро доставил к нам с головокружительной высоты сверкающего вспышками электросварки парового котла своего лучшего «ассистента» — сварщицу Люду Богданову. На ней плотная спецовка, волосы выбились из-под цветастой косынки, на щеке и на лбу темные мазки от прикосновения к металлу.

— Что, Люда, некогда и в зеркало заглянуть?

— Ах, это? — тронула она зеркальце, торчащее из верхнего кармана спецовки.— Как вам сказать... Только и делаю, что в него заглядываю: приходится в таких тесных закоулках вести сварку, что без помощи зеркала и швов не увидишь... Однако нормы все наши ребята и девушки перевыполняют изо дня в день,— поторопилась Люда перейти с «я» на «мы».

— Расскажите о себе, Люда.

— Есть сварщики получше.

— И все же...

— Ну, приехала сюда с Ангренской ГРЭС весной нынешнего года... Вот и тружусь.

Новиков, министры СССР А. А. Громыко, А. А. Гречко, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям С. А. Скачков и другие официальные лица.

Среди встречавших на аэродроме были посол АРЕ в Советском Союзе Яхья Абдель Кадер, дипломатические сотрудники египетского посольства.

В тот же день в Кремле начались переговоры между товарищами А. Н. Косыгиным, Н. В. Подгорным и Премьер-Министром Арабской Республики Египет Азизом Сидки.

В ходе переговоров, проходивших в дружественной обстановке, состоялся обмен мнениями по вопросам советско-египетских отношений, а также положения на Ближнем Востоке.

На снимке: советско-египетские переговоры.

Фото А. ПАХОМОВА.

В Советском Союзе по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с официальным визитом находились шахиншах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви и шахиня Фарах Пехлеви.

11 октября в Кремле были продолжены переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного и Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с шахиншахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви.

В духе взаимопонимания и дружбы состоялось обсуждение как актуальных международных проблем, представляющих взаимный интерес, так и вопросов, связанных с дальнейшим развитием и укреплением двусторонних добрососедских отношений и взаимовыгодного экономического, научно-технического и культурного сотрудничества. Стороны ознакомили друг друга с важнейшими направлениями и перспективами развития экономики Советского Союза и Ирана в ближайшие годы.

Состоялось подписание Договора о развитии экономического и технического сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Ираном сроком на пятнадцать лет и планы культурных обменов между СССР и Ираном на 1972—1976 годы.

Во время пребывания в СССР шахиншах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви и шахиня Фарах Пехлеви совершили поездку по стране.

На снимке: проводы на Внуковском аэродроме.

Фото А. ПАХОМОВА.

ВЕЧНАЯ МОЛОДОСТЬ ФЛОТА

Подводник, старшина 2-й статьи В. Дербенев.

...Волна лижет песчаный берег залива, подкрадывается к ногам стоящего у самой воды пожилого человека... А он, задумавшись, смотрит туда, где на рейде выстроились современные красавцы — корабли-ракетоносцы сегодняшнего нашего Военно-Морского Флота. О чем думает Николай Платонович Манжолин — первый комсомолец первого и в те, двадцатые, годы единственного корабля Тихоокеанского флота, носившего имя «Красный вымпел»?

Первое двадцатилетие двадцатого века. Многолетняя война, иностранная интервенция нанесли огромный урон флоту нашей страны.

А флот был нужен... Хоть и отгремели залпы гражданской, но империалистические державы не оставляли надежд задушить рабоче-крестьянское государство. И хищные шхуны иностранных браконьеров кружили у наших берегов, расхищая народное богатство...

Коммунистическая партия призвала советских людей возродить флот. И восстановление его доверила комсомолу. 16 октября 1922 года решением пятого съезда Российского Коммунистического Союза Молодежи было установлено шефство комсомола над Военно-Морским Флотом.

В воспоминаниях всегда есть что-то грустное... Вот и сейчас Николай Платонович подавил вздох.

Он помнит этот обширный рейд в те годы. И одинокий военно-морской флаг на нем... Но и в то время «Красный вымпел» нес свой флаг с гордостью, встречаясь в море с военными кораблями соседей-империалистов. И не сворачивал в сторону, хоть и не раз, случалось, наводили на него тяжелые орудия и всячески провоцировали... А в кубрике «Красного вымпела» Петр Манжолин мечтал о том, как они будут плавать на новых могучих и быстрых кораблях, которые — он верил — встанут в боевой строй Советского Флота.

С тех пор прошло 50 лет. Сбылась мечта Манжолина и его товарищей-комсомольцев. Могучие боевые корабли стоят на рейде. Куда ни глянь — всюду флаги и вымпелы плещут над водой...

И сам Петр Платонович Манжолин и его товарищи — моряки с «Красного вымпела» — давно уж отплавались и списались на берег. Быть может, ему чуть завидно, что не может уже встать на капитанский мостик, подать команду, проложить боевой курс. Но в то же время Петр Платонович радуется: на этих кораблях все молодые матросы и офицеры — комсомольцы. А значит, и его, Петра Платоновича, преемники...

На этом снимке вы видите старшину второй статьи уральца Валерия Дербенева. Экипаж подводной лодки, на которой служит Дербенев, полностью комсомольский. Несколько дней назад корабль вернулся из далекого похода, выполнив задание на «отлично». Здесь родился почин, подхваченный на флоте,— «первый год в первый класс». Это значит, что молодые матросы на первом же году службы должны стать специалистами высшей квалификации, в совершенстве знать боевую технику. Инициатор почина — комсомолец Владимир Козин.

...Могучие боевые корабли, что бороздят ныне океаны, ведут умелые, надежные руки моряков-комсомольцев, вечной молодости нашего флота.

Вл. КУЗНЕЦОВ
Фото автора.

— Как работалось в Ангрене?

— Отлично! Там я стала сварщицей...

...— Еще на строительстве ФархадГЭС подружился я с отличными мастерами — бетонщиками Тухтасином Джурабаевым и Уматом Ходжамкуловым, трактористом Таджи Махмудовым,— так начал свой рассказ «о себе» ветеран-гидростроитель Шевкий Ибрагимович Талипов.

— Они ваши земляки?

— Конечно! Во всесоюзном масштабе. Они узбеки, я татарин.

— А где вы сами работали после ФархадГЭС?

— Я-то? На строительстве Аламединской ГРЭС в Киргизии, мастером, затем осваивал Голодностепье, строил Баяутскую насосную станцию, другие гидротехнические сооружения на Южно-Голодностепском канале, получил специальное образование... Был старшим прорабом при расширении водозаборной части канала у ФархадГЭС. И уже тогда было видно, что начинается новый этап в жизни реки, одно название которой настраивает на особый, сказочный, что ли, лад...

— Как это понять?

— По-русски слово «сыр» значит «тайна», а «дарья»—«река». Сырдарья, выходит, «Река тайны». Так вот, кажется, настало время разгадок.

— Что вы имеете в виду?

— Бухарский газ заставит сырдарьинскую воду поработать на полную мощь!.. Я с детства любил легенду о Фархаде и Ширин, и, наверное, поэтому в трудной прозе стройки мне часто видится самая высокая поэзия...

— В чем, например?

— Видите, вон торцовая, восточная стена главного корпуса ГРЭС?.. А рядом с первым энергоблоком уже заложен фундамент второго, и здание-гигант будет впредь удлиняться до проектной отметки в сторону запада, то есть как бы «наступать» на Голодную степь!..

— Короче говоря, Сырдарьинская ГРЭС поможет полностью утолить ее извечную жажду?

— Но ведь именно это условие ставила принцесса Ширин женихам в одном из вариантов легенды, распространенной на берегах Сырдарьи! Да и в знаменитой поэме Алишера Навои, хотя там действие и происходит не в Узбекистане, а в горах Армении, способность напоить жаждущую землю воспевается как высшая доблесть. Помните эти строки?

Фархад всецело в дело весь ушел,
Он с каждым днем арык все дальше вел.

Тая в душе надежду, что когда
Он завершит арык, придет сюда

Взглянуть на дело рук его и та —
Его любовь, страдание, мечта —

Ширин, розовотелый кипарис,
С кем наконец его пути сошлись:

Ее увидит и услышит он
И тем за труд свой будет награжден.

Трудно было при этом не спросить в шутку:

— Современные Фархады тоже вправе рассчитывать на пришествие Ширин?..

Однако наш собеседник без тени юмора, даже как-то торжественно заявил:

— Она уже почти пришла! Да, да... Находится в нескольких километрах восточнее нас — возле ФархадГЭС! Еще один поэтический штрих в нашей строительной прозе...

И тут мы поняли, что речь идет о небольшом вначале поселке из жилых вагончиков для строителей теплоэлектростанции. За последнее время он настолько поднялся ввысь, продвинулся на восток, почти слившись с поселком эксплуатационников ФархадГЭС, и настолько благоустроился, что Президиум Верховного Совета Узбекской ССР своим Указом преобразовал его в город областного подчинения по имени «Ширин».

Юному городу отведена площадь в 125 гектаров, и застраивается он с учетом новейших достижений архитектуры. Сорок тысяч энергетиков, строителей, освоителей целинных земель разместятся здесь. Серийные дома возводятся по улучшенным проектам. Для отделки применяются новые материалы, моющиеся обои. Полы паркетные, двери — из красного дерева. Вскоре поднимутся и здания, спроектированные французской фирмой «Камю».

По генплану в комплексе культурно-просветительных сооружений города — Дворец культуры, библиотека, кинотеатр, здания энергетического техникума, двух общеобразовательных школ, музыкального училища. И, конечно, стадион, плавательный бассейн, тренировочные залы. Город Ширин оправдает свое легендарное имя! Кстати, в переводе оно значит «Обаяние».

Именно обаятельным и должно быть детище исполина энергетики мирового класса на Сырдарье, чтобы каждому работающему ныне Фархаду-строителю при виде его вспоминались строки Алишера Навои о прекрасной Ширин...

ЦЕЛИНА, ГОД 1972...

Карагандинская реализационная база хлебопродуктов ежедневно отправляет по 40 вагонов.

Сельские труженики! По-хозяйски используйте землю, технику, трудовые и материальные ресурсы! Повышайте урожайность всех сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства, увеличивайте производство продукции, снижайте ее себестоимость!

Из Призывов ЦК КПСС к 55-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Перед моими глазами степь Казахстана. Бывшая целина...

16,4 миллиона тонн хлеба (а на пуды — так больше миллиарда) засыпали в закрома страны те, кто освоил степь Казахстана. В год, когда дыхание старухи засухи опалило не одно поле, казахстанский хлебный курган — спасительно весомый вклад в хлебный баланс страны.

Пшеница, рис, ячмень, гречиха, кукуруза — вот из какого зерна сложился еще один нынешний миллиард пудов. Победа тем более радостна, что она венчает труд агрономов, механизаторов, всех, кто причастен к созданию урожая в Казахстане, в условиях необычно холодного лета, когда дожди нависали неделями над всходами, ждущими солнца. Ненастье диктовало. Выдержали нервы, победило мастерство, победила организация опытных теперь уже хлеборобов республики. А опыт этот дался нелегко! И этот миллиард пудов хлеба не дар, а взятый с боем рубеж. Рубеж, от которого идти дальше.

Н. БЫКОВ

Хороший урожай выращен в Карагандинской области. Одна из лучших работниц Ш. Бекбергенова на току совхоза «Туздинский».

Первыми завершили уборку зерновых в совхозе имени Майлина комбайнеры коммунисты А. Казаченок, А. Волков и А. Яковенко. Поздравить их пришли пионеры местной школы.

Фото А. ХРУПОВА.

Здание в Ханое, разрушенное бомбардировкой.

ПРЕСТУПНИКАМ НЕ УЙТИ ОТ ОТВЕТА!

Собственный корреспондент «Правды» Александр СЕРБИН передает специально для «Огонька» из Ханоя.

Фото автора.

11 октября 28 самолетов морской авиации США, поднявшись с палуб американских авианосцев в Тонкинском заливе, взяли курс на Ханой. Около одиннадцати тридцати дня они находились на южной окраине города. Начали рваться бомбы.

Они упали на улицу Ба Чиеу. Здесь было разрушено здание генеральной делегации Французской Республики. Массивное трехэтажное здание с толстыми перекрытиями было разрушено в течение секунд. Генеральный делегат Франции Пьер Сюзини был ранен и получил тяжелые ожоги. Скончалась от ран сотрудница генеральной делегации, а четверо вьетнамских служащих были погребены под обломками здания.

Еще одна бомба упала на трехэтажный жилой дом № 65 по улице Ба Чиеу. Дом был буквально сметен с лица земли, на месте его осталась лишь воронка. Здесь погибли два человека и четверо получили ранение. А недалеко от Красной реки, рядом с дамбой, воздушные пираты разворотили дом работников транспорта, где были уничтожены 17 квартир и ранены 7 человек.

11 октября, не считая французской миссии, получили повреждения здания посольств Алжира и Индии.

Я был в тот день на местах бомбардировок. Краны, смонтированные на ЗИЛах, разбирали обломки здания генеральной делегации Франции — куски стен, перекрытий, колонн, балок. С ветвей деревьев свисали остатки занавесок, скатертей, выброшенных воздушной волной из здания.

Среди жертв в доме № 65 по улице Ба Чиеу была пятнадцатилетняя школьница по имени Чан Тхи Ким Оань, что означает «золотая птичка». Среди битого кирпича и обломков деревьев появилась сгорбленная женщина, ее бережно держали под руки дружинники. Это была мать Ким Оань. Второй жертвой стал 22-летний рабочий Чан Ван Куэт. Он только недавно вернулся из Болгарии. Социалистическая Болгария дала ему профессию. Американские варвары отняли у него жизнь.

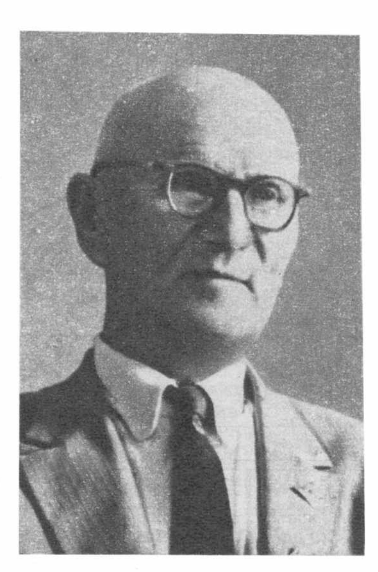
На улице Ба Чиеу нет никаких военных объектов, нет их и вокруг нее. Дом № 65 находился рядом с музыкальной школой. Напротив, на другой стороне улицы, стоит здание туберкулезного диспансера. Эта бомбардировка в тысячный раз опровергает лживые утверждения о том, что американская авиация бомбит исключительно только военные объекты. Нет, нет и еще раз нет!

Сразу же после того, как мир узнал о бомбардировке здания генеральной делегации Франции, американское военное командование в Сайгоне и Пентагоне сделало попытку уйти от ответа за совершенное. На свет появилась лживая версия: здание французской миссии якобы разрушено вьетнамской ракетой, одной из тех, которые используют в ДРВ для ответных нападений воздушных пиратов.

Это ложь! Я видел своими глазами остатки американской бомбы, найденной в развалинах французской миссии. Кроме того, есть еще одно свидетельство преступления: в тот самый миг, когда раздался взрыв в представительстве Франции, еще одна бомба попала в дом № 93 по улице Ханг Банг, находившейся в 20 метрах напротив. Эта бомба не взорвалась, и по ней установили, какие именно бомбы сбрасывали военные летчики США на Ханой 11 октября. Это 500-фунтовая бомба типа МК-82. Она была заряжена, как гласит на ней надпись, в январе 1971 года, а взрыватель к ней был изготовлен в апреле этого года. Производитель смерти за номером 043719 — одна из кампаний США. Преступникам не удастся замести свои следы — мир видит истинное лицо агрессора!

Василий Степанович ПУСТОВОЙТ

Советская наука понесла тяжелую утрату. 11 октября на 87-м году жизни скончался выдающийся ученый-селекционер нашего времени, член КПСС, академик Василий Степанович Пустовойт.

Василий Степанович родился 15 января 1886 года в семье крестьянина села Тарановки Харьковской области. В 1907 году он успешно окончил Харьковское земледельческое училище, а в 1926 году сдал экстерном за полный курс Кубанского сельскохозяйственного института. В 1912 году В. С. Пустовойт создал опытно-селекционное поле «Круглик», которое в дальнейшем переросло в селекционную станцию, а в 1932 году — во Всесоюзный научно-исследовательский институт масличных культур, одно из лучших и пользующихся мировой известностью научных учреждений по сельскому хозяйству нашей страны. Вся его работа, научная деятельность до последнего дня была связана с этим институтом.

Более 60 лет тому назад В. С. Пустовойт первым в мире начал научные исследования по изучению биологии, селекции, агротехники подсолнечника и добился беспримерных в мировой селекции результатов по глубине преобразования природы растения.

Вся история превращения подсолнечника из второстепенного по своему значению растения в одну из важнейших масличных культур неразрывно связана с именем В. С. Пустовойта. Его по праву называют отцом этой культуры. Он создал замечательные сорта высокомасличного подсолнечника, которые получили широкое распространение на миллионах гектаров в СССР и в других странах.

Научные заслуги В. С. Пустовойта исключительно велики. Разработанные им методы селекции и семеноводства имеют большое значение не только для масличных, но и других сельскохозяйственных культур.

Вся научная деятельность Василия Степановича является ярким примером тесной связи науки с производством. Он всегда руководствовался золотым правилом — все ценное, что рождается в опыте, незамедлительно передавать колхозам и совхозам. Его знали и любили широкие массы земледельцев. Велика его роль в подготовке кадров для сельского хозяйства.

В. С. Пустовойт был подлинным подвижником науки, отдававшим все свои силы, знания и время любимому делу. Он отличался исключительной скромностью, вниманием и добротой к людям, настойчивостью в достижении поставленной цели. Он являлся образцом советского ученого-патриота.

Партия и правительство высоко оценили выдающиеся научные и общественные заслуги В. С. Пустовойта, удостоив его звания дважды Героя Социалистического Труда, наградив его тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета», медалями.

В. С. Пустовойт неоднократно избирался депутатом Верховного Совета РСФСР. Василий Степанович — действительный член Академии наук СССР и Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, лауреат Ленинской и Государственной премий, заслуженный деятель науки РСФСР. Международное признание его заслуг нашло отражение в награждении орденами Народной Республики Болгарии, Социалистической Федеративной Республики Югославии, Социалистической Республики Румынии.

Светлая память о Василии Степановиче Пустовойте навсегда останется в сердцах тех, кто его знал.

Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, В. А. Кириллин, М. В. Келдыш, В. А. Карлов, Н. Ф. Васильев, В. В. Мацкевич, М. П. Новиков, П. П. Лобанов, Л. Я. Флорентьев, Г. С. Золотухин, С. Ф. Медунов, И. В. Калашников, А. Н. Белозерский, Д. Д. Брежнев, Н. В. Турбин, Н. И. Володарский, П. П. Лукьяненко, В. Н. Ремесло, Л. А. Жданов, М. И. Хаджинов, Н. И. Дворядкин.

ТРУД Х

Фазу **АЛИЕВА**

Я вижу руки их в мозолях,
Молва крестьянская слышна:
«Сто зерен да взойдут на поле,
Взойдут из одного зерна!»

Когда на страницах газет и журналов начался большой разговор о бережливом отношении к хлебу, во мне вновь вспыхнуло давнее желание принять участие в этом разговоре.

Да, как сказал Михаил Алексеев, хлеб никогда не был самородком. Везде требует он от землепашца тяжкого труда, и поэтому только хлебороб знает его истинную цену. В моих жилах течет чистая крестьянская кровь, и любовь к земле во мне превыше всего. Я уверена, что нигде так трудно не выращивают зерно, как в наших горах. Здесь очень мало плодородных почв, до революции крестьянам никто не давал хлеба, поэтому им приходилось таскать на своей спине землю из ущелий, с берегов реки, засыпать ею скалы и выращивать свой трудный хлеб. В горах у крестьян было так мало земли, что, говорят, вышел однажды крестьянин пахать свою делянку, снял бурку, бросил на землю, смотрит — нет его делянки. Где же она? Оказывается, скрылась под буркой. Борьба за хлеб в горах идет круглый год, не прекращаясь ни на один день. Суровая зима, снегопады и метели доставляют много хлопот горцам, но радостью светятся глаза у землепашцев, когда они любуются полями, покрытыми снегом. «Не снег это, а хлеб! Хорошо бы, теплой выдалась весна!» — говорят они. А думаем ли мы, нынешние хозяйки, когда полубуханками бросаем зачерствевший хлеб, о тех, кто его выращивает? Каждый день, отправляясь на работу, я вижу женщину, которая приходит в наш дом и собирает в мешок куски черствого хлеба для коровы, положенные около мусорного ящика. И каждый раз, когда я вижу это, вспоминаю два дорогих мне лица. Многострадальное лицо моей матери, которое из-за трудно добываемого хлеба покрылось раньше времени мелкой сетью морщин. А другое — невозмутимое лицо дяди моего отца пахаря Омардады. И будто слышу их молчаливый упрек. «Помнишь, Фазу, те трудные годы, когда я снимала с себя кольца и серьги, чтобы поменять их и свои платья на хлеб, приговаривая при этом: «Одежду можно залатать, а желудки не залатаешь»?» Вот что читаю я в печальных глазах моей матери. «Ты разве забыла мои руки, тяжелые, словно отлитые из чугуна, и пальцы в твердых крупинках земли, застрявших в трещинах? И зерна, что светились на ладонях золотым отливом? Ты же видела, какой ценой доставались эти зерна»,— вижу я, как шепчут обветренные, обесцвеченные губы Омардады.

Все помню, но бросаю оставшийся хлеб! Помню, бывало, еще земля покрыта снегами, а мама уже потеряла покой. Она окликает соседку Халимат: «Не снесли ваши куры яичка?» «Мои нет, но, говорят, вчера курица Парихан снесла первое яйцо. И завтра Парихан сварит его!» Неспокойно спалось матери всю ночь. Ведь это яичко, что принес первый раз прошлогодний цыпленок, предсказывает, какою будет весна. Варят его, счищают шелуху и смотрят, с какой стороны вмятина. Если она на остром конце, то весна будет ранняя, готовьтесь вскоре выносить плуг. Вмятина на тупом конце сулит весну позднюю, год трудный, тревожный, ведь поздно посеянный хлеб и созреет поздно, или сожжет его засуха, или загубит дождь. К Парихан собрались женщины со всего аула. Прежде чем положить в кипящую воду яйцо, его передавали из рук в руки: «Только бы стало ты вестником радости!»

Сваренное яйцо долго не решались очистить, боялись, как бы не увидеть впадину на тупом конце. Наконец, кто-то, осмелев, вскрывает скорлупу. Впадина на остром конце! И первое малюсенькое яйцо торжественно разрезается на десятки кусочков. Кладя его в рот, каждая горянка приговаривает: «Весна в этом году ранняя, скоро вынесем плуги».

Мы поджидали маму на лестнице и с первого взгляда понимали, на каком конце оказалась впадина. На остром — лицо матери сияет, в глазах горят искорки надежды. «Ранняя весна, ранняя весна!» — хлопаем мы в ладоши и кружимся на крыльце. В такой день за обедом куски хлеба чуть побольше и потолще. В противном случае мать возвращалась усталая, постаревшая, мы все молчали и ходили за нею с поникшей головой. Мать, то и дело вздыхая, открывает ларь, где хранится скудный запас зерна. Снова меряет его, и за обедом ломтики хлеба совсем тонкие.

Всю зиму Омардада чуть ли не через день проверял свой до блеска начищенный плуг, холил быков. И вот наступал день первой борозды, торжественный день начала пахоты. В горах никто не имел права первым самовольно выйти в поле. Несколько раз собирались советы старейшин на годеканах, чтобы решить, кому доверить вынос плуга, кому поручить провести первую борозду. В аулах были особые роды, тухумы,— считалось, что у них щедрая рука. Право выноса плуга передавалось по наследству. Когда весною люди из такого рода первыми выносили плуг, весна дарила дождями, лето бывало в меру теплое и дождливое, колосья созревали словно литые. В нашем ауле право выноса первого плуга всегда доставалось Омардаде, и праздник первой борозды у меня связан с ним. Только-только начинало светлеть небо, меня будили радостные голоса. «Кто на заре проснется, тому ягненок-самка достается!» — слышу я голос Омардады. Выходят все аульчане от мала до велика. Все одеты празднично, только Омардада, носитель плуга, в шубе, вывернутой наизнанку. Лохматая шерсть висит клочьями. Это символическое пожелание: «Пусть такими созревают колосья». Издалека мы видим огонь, горящий посредине той делянки, куда мы идем. Это уже печется хлеб из прошлогодней муки: землю питают запахом хлеба, как бы побуждая ее принести богатый урожай.

А хлеб тоже печется торжественно, и не кем попало, а теми женщинами, которых назначает совет старейшин. В нашем ауле род Айзанат издавна славился мастерством печь хлеб. Казалось бы, что тут особенного. Замесил тесто, налил дрожжи, поднимется тесто, побежит из миски, облепит ее, вот тогда и суй каравай в жаровню, да смотри, чтобы не подгорел. Подумаешь, хитрость какая. В каждом доме женщины пекут хлеб.

Однако хлеб, испеченный Айзанат, нельзя было сравнить ни с каким другим — и пышный он, и мягкий, как вата, и корочка у него нежная, румяная. И в ауле считали, что у человека, который взял с собой хлеб, испеченный женщинами из рода Айзанат, дорога будет удачной.

«Айзанат, пожалуйста, к нам приди, поставь тесто. Муж собирается в город»,— просили ее. Или: «Айзанат, не откажи, помоги хлеб испечь. Отец нынче едет в район. А что там у тебя по хозяйству, так мы поможем». И Айзанат, худая, молчаливая женщина с проворными руками, сразу же вставала и шла к каждому, кто бы ни попросил.

Айзанат уже по многу раз бывала в каждом доме и потому везде чувствовала себя хозяйкой. Сама наливала из кувшина в кружку воды, тщательно, словно хирург перед операцией, мыла руки и, не вытирая их полотенцем, сушила у огня. Кончив все эти приготовления, она тихо спрашивала: «На сколько дней едет? Пожелаем, чтобы счастливым был его путь». В зависимости от того, на какое время уезжал путник и как длинна его дорога, она выбирала горто [1] и наклонялась над ларем с мукой. В темноту ларя уходили руки Айзанат, погружаясь во что-то мягкое и рассыпчатое. Низко над ларем опускалась ее голова, повязанная белым платком, мягко шевелились губы, и от этого шепота да еще от дыхания Айзанат, как от легкого летнего ветерка, чуть взлетала пыльца хорошо промолотой муки и оседала на бровях, на ресницах...

Она захлопывала крышку ларя, и белая пыльца, взлетев, опускалась вокруг, и все было чуть припорошено ею, словно мелким, рассыпчатым снежком. И Айзанат казалась другой, строгой и словно постаревшей, со своими побеленными бровями и ресницами...

Потом Айзанат торжественно снимала с гвоздя раса [2], дважды дула на нее, клала в нее сито и сыпала муку. Она текла сначала небольшой, осторожной струйкой, потом все смелее и шире. В глиняном кувшине Айзанат грела сыворотку. И все время опускала туда большой палец левой руки: пробовала, согрелась ли. Тесто она месила долго и терпеливо, налегая на руки всем телом. Казалось, всю душу вкладывала в этот белый комок, кото-

---

[1] Деревянный сосуд, мерка.

[2] Деревянная дощечка, на которой месят тесто.

Н Ы Й

Л Е Б

рый становился все туже, все глаже, все круглее. Большую глиняную миску мазала горячим маслом и клала в нее тесто. Наполнив миску доверху, втискивала руку в тесто. Ночью Айзанат вставала и шла к соседям проверять, как поднялось тесто...

Она, Айзанат, и пекла сейчас хлеб посередине делянки, которая вскоре вывернется наизнанку под напором плуга. Все жители аула смотрели на Айзанат, как зачарованные. А она делала свое дело, будто в целом мире, кроме нее и этого теста, никого нет. Она даже не поднимала головы.

Айзанат аккуратно, словно ювелир крупинки золота, собрала прилипшие между пальцами комочки теста, слепила их и положила в миску.

Потом она взяла хванга [1], посыпала его тонким слоем муки и положила на колени. Захватив большой, волнистый кусок тягучего теста, перебрасывала его из одной руки в другую, пока он не стал тугим и круглым. При этом губы ее что-то шептали, но что — никто не слышал. Мы только видели ее руки, тонкие, с проворными пальцами, и всю ее согбенную фигуру, озаренную красным отсветом огня. Все, что она делала, было похоже на заклинание, на колдовство. Пышный круг ложится на хванга. Медленное вращение руки, взмах вилки... Приблизив лицо и руки к огню, она бросила круг теста в печь.

Казалось, что Айзанат здесь, под открытым небом, на заре весеннего дня, не просто печет хлеб, но делает что-то исключительно важное, может быть, создает новые миры. Многие из нас впервые тогда видели, как по-настоящему пекут хлеб, и с удивлением понимали, как это красиво! И все у нее было так рассчитано, распределено, что каждый хлеб был в точности похож на другой.

Вот Айзанат вынула из печки последний хлеб и, перебрасывая его из руки в руку, остудила, а потом, ударяя по нему пальцами, как по бубну, проверила, не сырой ли.

И вот пошли от одного к другому ломтики горячего хлеба с ароматным паром. «Пожелаем, чтобы щедрым был год и с радостью пришлось нам испечь хлеб из зерна нового урожая!»— произнесла Айзанат.

Давно нет в живых робкой, молчаливой Айзанат, а хлеб для аула печет теперь ее дочь Патимат. Правда, в дорогу теперь хлеба берут меньше. Раньше и до ближайшего города — Темир-Хан-Шуры добирались трое суток, неся на спине хурджины с караваями. А теперь проложили дорогу, пустили автобусы и в каждом ауле — пекарни, в магазинах продают хлеб на любой вкус. Но разве это дает нам право обращаться с хлебом так расточительно?!

...И вот начался праздник первой борозды. Два быка впряжены в плуг, у которого стоит Омардада, и все не сводят глаз со старого пахаря. Густая, белая, как пена, борода Омардады доходит до пояса. Волосатые, еще сильные руки обнажены выше локтей. Омардада налегает на ручки плуга, твердо упирается большими босыми ступнями в землю. «Бисмилахи рахмани рахим!»— Старик, крепко ухватившись за плуг, чуть приподнял его и опустил снова. Земля раздалась под лемехом покорно и легко, как сыр под ножом. Омардада улыбнулся и пошел вперед. За плугом оставалась полоса черной, свежей вывороченной земли. Толпа, до сих пор хранившая молчание, зашумела, заволновалась — швыряйте в пахаря землей, а то зерна не созреют вовремя.

— Тяните быков!— кричала толпа.

Полетели комья земли. Рыхлые комья попадали и в меня. От мягких ударов я не чувствовала боли. Рассыпаясь, комья приносили свежесть и запах потревоженной весенней земли.

— Подождите!— Голос Омардады прозвучал удивительно громко.— Пусть не от беготни, а от работы устанут быки — тогда густыми будут колосья и полными созревшие зерна.

Глыбы поднятого чернозема буграми ложились, одна на другую, а лицо Омардады постепенно разглаживалось, как будто морщины, избороздившие его лицо, передавались земле. Старик степенно шагал за плугом, не понукая быков, ни разу на них не крикнув, а они шли медленно и важно, без слов понимая пахаря, будто вполне осознали то великое дело, что делали они. А за бороздами шли гурьбою люди, рассыпали комки, растирали их между ладонями, чтобы лучше росли хлеба. Каждый здесь был с этой землей на «ты», потому что всякий год их трудолюбивые руки оживляли ее и убирали сорняки, отдавали ей зерна, чтобы земля согревала их. Оживляли они каждую крупицу земли своим потом. «Если вовсе лень гнуть спину, то зимою придется животы подтягивать!» — все приговаривал Омардада.

Кто кладет лепешку в рот,
Пусть зерно посеет.
Тот, кто в руки хлеб берет,
Колос пусть взлелеет.

Земля уже мягка, ровна, и комья ее величиной с грецкий орех, и ни одного корня сорняка не осталось.

«Бисмилахи рахмани рахим!» Омардада ножом разрезал узел с семенной пшеницей. И, шепча благодарственную молитву, он кладет зерна на ладонь. Они искрятся, солнечные лучи преломляются в них и в выцветших глазах Омардады. Он обводит взглядом всех и находит самого высокого и самого тучного. «Пусть стебли вырастут стройными, высокими, как Хасан, пусть колосья созревают полными, крепкими, как Ахмед!» — называет он имена своих односельчан, и текут пожелания, как с уст поэта стихи в минуты вдохновения.

Умножится пусть на тысячи
Каждое зерно,
И пусть пшеница колышется,
Как река, хорошеет весной.
Пусть в норме — и дождь и солнце,
И чтоб землю градом не било,
Чтоб весна удалась
И лето везучее было.
Чтоб весной — побольше дождей,
Чтоб жатву гроза миновала
И чтоб сусликов и мышей
Поле наше не знало!

Так он отдавал зерна земле. А потом, ночью, в ауле спали только дети. Взрослые смотрели на небо, ждали дождя. Нет ничего радостнее для крестьянина, чем дождь в первую ночь после того, как зерна легли в землю.

Когда светло-зеленые ростки показывались над землей, на делянках были видны согнутые спины: люди тщательно искали стебельки сорняков, чтоб вырвать их с корнем.

И весною и летом Омардада пропадал в поле, «слушал песню наливающихся зернами колосьев». Вот я встречаю его на узкой тропинке между зреющих хлебов. Походка его легка и горделива, морщины на лице разгладились. Увидев меня, он растирает налитой колос между ладонями: «О зерна! Не сглазило б их завистливое око!» А в глазах его — слезы.

— Что ты плачешь, Омардада?— спрашиваю я.

— Доченька, нет радостнее зрелища для пахаря, чем зримые плоды его труда. И еще мне грустно: я же очень старый, думаю, останусь ли в живых до следующего года, чтобы снова увидеть это чудо.— Он положил зерна в рот.— Бисмилахи рахмани рахим, какая сладость! Чтоб на радость нам хлеб собрать и молотить бы его к свадьбам!

Но не всякий год выдавался урожайным. Хорошо помню, как однажды ночью на крыше вдруг так загрохотало, будто там топтался табун лошадей.

— Неужели град?— Мама выбежала на веранду.— Как не вовремя! Ведь зерно сейчас наливается!

Я тоже выскочила за ней. Каждая градина была с куриное яйцо. Мама читала молитву, подбрасывала камешки, размахивала топором. С каждой крыши доносился плач и голоса женщин: «Последняя надежда была на урожай!» «Что теперь станется с нами?»

Проснувшись утром, я не застала маму дома. Дрожа от холода, я вышла во двор — промозгло, сыро! Еще вчера такие зеленые, поля белели от нерастаявшего града. Колосья безнадежно полегли. Я побежала к нашей делянке. Все стебельки до единого были прибиты к земле. Мама стояла на коленях, стараясь поднять поверженные колосья. Она и сама показалась мне похожей на побитую градом травинку.

— Что будем делать, мама?— спросила я.

— Не знаю, доченька, не знаю!— ответила она в отчаянии.

Засучив брюки до колен, шагал прямо по нерастаявшему граду босыми ногами Омардада. С руки на руку он перебрасывал сломанные градом колосья.

— Что же нам делать, Омардада?— Мать широко раскинула руки.

— Вслед за горем всегда приходит радость.— Он приложил руку к уху, как бы прислушиваясь. — Не выходи из себя. Терпение — ключ от рая. Ты только посмотри, как терпелива земля. Чувствуешь, как она плачет?

Удивленная словами Омардады, я старалась услышать плач земли. Но ничего не слышала.

— Земля молчит, Омардада!

— Если бы, доченька, она плакала громко, об этом знали бы все, все.— Он погладил меня по голове. И я почувствовала, как дрожит его рука.

В тот год я узнала настоящую цену хлеба. Мать каждый день с кринкой молока уходила в крепость, приносила хлеб и оделяла нас, восьмерых детей, тоненькими, как лист бумаги, ломтиками.

У горца-крестьянина каждое зерно на счету. Недаром полкомнаты в доме занимал большой деревянный цагур — ларь со множеством отде-

[1] Деревянная дощечка с длинной ручкой, на которой формовали хлеб.

лений. В одном — молотая мука и несколько деревянных мерок: орто [1], сах [2], сахил бажда [3], ченгел [4]. Хозяйка знала, когда какой меркой ей взять муку, чтобы ни грамма не пропадало даром.

В другом отделении зерно хранится в крепко зашитом мешке. Это семена для посева. В третьем отделении — тоже зерно, засыпанное в кожаные мешочки — квача, которые зашиты кожаными же нитями. Это зерно про запас: пока не будет собран новый урожай, оно останется нетронутым. А потом его заменят свежим, снова зашьют и спрячут в ларь.

Помню, как однажды ночью после жатвы Омардада разбудил нас.

— Спишь? — спросил он у моей матери.

— Что ты, Омардада, вот увидела на небе клочок черной тучи, так и покоя нет.

— Я поэтому и пришел сказать тебе, что дождя не будет. Эта туча безобидная.

— Да, Омардада! — вздохнула мать.— Трудно нам достается хлеб, вспашешь — не спишь, просишь дождя. Вырастет — тоже не спишь, дрожишь, как бы град не ударил и засуха не сожгла. Жатва начнется — снова нет сна и покоя, боишься влаги.

Да, хлеб сам не вырастает, и хинкал не созревает на дереве. Дорогой ценой он достается нам. Потому-то, сортируя зерно на гумне, горец подбирает даже пыль и шелуху, что свеял из сита. Эту пыль и шелуху он сыплет курам, хотя там не сыщешь зерна. А вдруг оно все-таки осталось в шелухе? Так пусть лучше курам достанется, чем пропадет оно.

Завершение уборки урожая было большим байрамом в ауле. И первую муку из нового зерна торжественно несли в дом. «Пусть только на радостях придется вам печь!» — говорили люди друг другу. Муку ссыпали в заранее очищенный, проветренный ларь.

— Пусть каждая крупица дышит, пусть не будет здесь убыли, хоть и станем мы брать отсюда каждый день,— шептала мать.

Мы стояли подле нее, ждали, когда она наполнит ларь и скажет: «Оставь отпечаток своей руки». Из мешка она сыплет муку бережно, так, чтобы ни щепотки не улетучилось. Потом на мягкой белизне муки мать оставляет четкий отпечаток мозолистой руки. И мы хлопаем в ладоши, прыгаем от радости и рядом ставим отпечатки наших детских рук.

Горцы с детства воспитывают в детях великое уважение к хлебу. Помню, как сейчас, один случай, хотя я тогда еще не ходила в школу. Красивый парень из нашего аула Сайгид, сын землепашца Абакара, был лихой джигит. Он мог укротить любого коня. Он мог на полном скаку подобрать с земли даже мелкие камушки. И вот однажды, когда мы с мамой возвращались с поля, Сайгид летел нам навстречу, конь гарцевал под ним. И вдруг он на лету остановил коня, спрыгнул с него, нагнулся, и я увидела в его руках помятый колос. Сайгид дважды поцеловал его, протер между ладонями, сдул шелуху. Осталось несколько зерен цвета майского меда. Сайгид вытащил из кармана носовой платок, завязал в него эти зерна, положил в карман и прыгнул на коня.

— Машааллах! Парень-золото! Никогда ему не испытать голода, если так уважительно относится к хлебу! — говорила мама, глядя ему вслед.

Абакар воспитал настоящего пахаря. Вскоре началась война, и Сайгид, отчаянный храбрец, погиб в бою...

Мерилом достоинства девушки в горах считалось ее отношение к хлебу. Прежде чем ее сватать, родители жениха и сам он следили за девушкой в поле: как она разбивает комки земли, терпеливо ли собирает сорняки между растущими колосьями. Особенно зорко подмечали во время жатвы: умеет ли она жать так, чтобы после нее поле было, как обритая голова...

Дома следили, как невеста печет хлеб. Смотрели раса: счищает ли она прилипшее к ней тесто. Есть такая легенда в нашем ауле. Мать хотела взять в жены своему сыну одну девушку, а он любил другую. Они ссорились, бранились, каждый доказывал свое. Но отец парня, пахарь, додумался, как положить спору конец. Он послал свою дочь сперва к той, по которой страдает его сын. «Иди скажи ей, что у твоей матери на руке нарыв, попроси дать тесто, соскобленное с раса, чтобы вылечить руку». Дочь вернулась ни с чем. «Откуда же я возьму? У меня ни крупинки не остается».— И невеста показала посланнице раса, которая была чиста, как только что промытое стекло. Тут же дочь послали ко второй девушке, избраннице матери. Та, не зная, что этим решается ее судьба, соскоблила с раса высохшее тесто, из которого можно было испечь большую лепешку. Сына женили на той, которую он любил.

Хлеб в горах считался священным, говорили, что к женщине, которая печет его, нельзя стоять спиной: это большой грех.

Взаимопомощь в горах — неписаный закон. Если кто-то строит дом — приходят на помощь все и состязаются, кто красивее и быстрее сложит стену или покроет крышу. Советы старейшин отмечали победителя и в качестве приза вешали ему большой калач на шею. А красть муку или хлеб считалось самым позорным проступком. Говорили, что рука вора высохнет, если он потянется к чужому зерну.

В нашем ауле был всеобщий любимец мельник Гаджи, человек преклонного возраста; белая борода, как белый сугроб снега на груди скалы, придавала ему величественный вид.

Однажды, когда мы с мамой пришли на мельницу, Гаджи подметал белой мягкой тряпкой муку, оставшуюся между жерновами. Мельник собрал муку в горто и высыпал в мешок в углу.

— Эти остатки от помола я собираю для сирот,— пояснил Гаджи. Он поднял голову, и тут мы увидели, как изменилось его лицо да и сам он стал совсем другим — маленьким, жалким. Роскошная борода мельника исчезла, он сбрил бороду!

— Дядя Гаджи, как же мельник может без бороды? — пошутила моя мать.

— Сбрил, доченька, в ней застревала мука, а уж я одной ногой в могиле, боюсь греха.

Конечно, я понимала, что боязнь божьей кары — это предрассудок, но меня поразило самое отношение старого человека к хлебу.

Прошло много времени с тех пор, как я оторвалась от аула. В городе я забыла о том, как трудно достается хлеб землепашцам. Я училась в Литинституте, сестра моя — в «Тимирязевке». Приехал как-то Омардада нас навестить. В первый же день в нашем общежитии он пришел в негодование, увидев куски зачерствевшего хлеба, которые лежали, мешая всем, на кухонном окне. «Балует вас государство, слишком балует!» — говорил он, собирая хлеб в свои хурджины и целуя каждый кусок. А когда Омардада собрался уезжать, у него оказалось три больших мешка хлеба, собранных в «Тимирязевке» и в Литинституте. Мы с сестрой стали его убеждать, что это стыдно — везти из Москвы хлеб, который он совсем дешево и свободно может купить в Махачкале. Я первый раз увидела, как Омардада вышел из себя.

— Это вам должно быть стыдно бросать хлеб, не мне; я везу его, чтобы хоть коровам отдать, а не ради денег! — крикнул он.— Как вы могли все забыть!

Этот случай я рассказала однажды своим московским друзьям. Бабушка их заплакала и сказала:

— Я знаю истинную цену хлеба. У нас дома не пропадает и малюсенькой корочки. Когда началась война, мы партизанили в Брянских лесах. Там были я и моя дочь Женя. Голодали. И вот однажды принесли нам хлеб, разделили, и у меня в руках оказался крошечный кусок. Я была очень голодна, но не трогала его, завернула в лопуховый лист и передала из рук в руки бойцам, стоящим в строю, для Жени. Идет кусок от одного к другому. Оказывается, на полпути кусок хлеба, что я послала дочке, встретился с ее куском, который она передала для меня. «Маме! Маме! Маме» — слышала я ее голос...

Да, мы, городские жители, нисколько не задумываясь, обращаемся с хлебом очень расточительно. И когда я прочитала статью Михаила Алексеева «Хлеб», мне невольно вспомнился случай, происшедший в моем ауле во время войны. Мать пятерых сирот, тяжело больная, попросила человека, который ходил по аулу в поисках работы, вспахать свой участок и посеять зерно. За это вдова дала ему костюм мужа, погибшего на фронте.

Когда к вечеру она пришла на делянку, опираясь на посох, то увидела вспаханную кое-как землю — комья не размельчены, рассыпаны, сорняки не вырваны, и нет ни одного зернышка в земле. Она закричала, заплакала в отчаянии. Прибежавшая на крик председатель колхоза Ханзадай прыгнула на коня и помчалась в соседний аул. К вечеру она вернулась. Перед ее конем шел высокий, сильный, бородатый мужчина с нахальными, бесстыжими глазами. Ночью его загнали в сарай, сторожили с ружьем. И в колхозной канцелярии все женщины аула обсуждали, как наказать человека, не постыдившегося обмануть землю, украсть зерно. Решили заставить его не плугом, а киркою вспахать делянку, землю сделать мягкой, как вата, посеять хлеб.

Три дня он работал на делянке, женщины караулили его по очереди. «Следующий раз не будешь обманывать землю и красть сиротское зерно»,— говорили они. Не нашлось ни одной женщины, которая дала бы ему хлеба. Он обманул землю, а этого нельзя прощать. Сейчас в моих глазах ожила эта картина. Выбрасывая хлеб, мы тоже обманываем землю. Не ценим тяжелый труд землепашца, хлебороба, мельника, пекаря. И, наконец, равнодушно мы относимся к закромам нашей Родины. Мощь страны во многом зависит от хлеба. Особенно меня тревожит то, что наши дети не умеют ценить его. Они не знают, с каким трудом он достается и как плохо бывает людям без хлеба, не знают потому, что у них, наших детей, он всегда в достатке.

В Дагестане есть такая притча. Один мастер целое лето делал разные украшения, а осенью отправлялся обменивать их на хлеб. Приносил домой зерно, оставлял и опять уходил. Но каждый раз, возвращаясь, он не находил дома ни крохи еды. Жена расточительно расходовала все. Горевал мастер, не знал, что же делать. Один мудрец сказал ему: «Друг, она не знает истинную цену хлеба, не знает, каким трудом ты его достаешь. Возьми-ка ты ее один раз с собой, пусть она на своей спине потаскает зерно в свой аул». Говорят, что мастер так и сделал. Взял с собой жену, заставил ее носить хлеб на собственной спине. Она все поняла и стала беречь каждое зернышко, каждую щепотку муки. И теперь, возвращаясь домой, мастер находил запас зерна.

Наши дети потому и не берегут хлеб, что не знают его истинную цену. Я думаю, надо каждой матери, отцу воспитывать в детях наряду с другими хорошими чертами характера и уважение к человеку, который тяжким своим трудом вырастил хлеб. И самое главное, надо, чтобы хлеб для детей был священным.

Многие рассуждают так: ну, подумаешь, выбросил кусочек черствого хлеба. Какая от этого убыль Родине? Ведь в стране-то хлеба миллиарды пудов. Да, миллиарды! Огромен наш общесоюзный каравай. Но за каждым его зернышком стоит упорный труд землепашцев всех республик, и перед этим трудом все мы — и горожане и сельские жители — должны преклоняться. Хлеб — это наше самое большое богатство, богатство всей страны, и беречь его надо как зеницу ока.

Разговор о хлебе касается каждого. Его нужно вести не от случая к случаю, а постоянно. Никто не имеет права забывать, что хлеб наш — это очень трудный хлеб!

[1] Трехкилограммовая мерка.
[2] Мерка в два килограмма.
[3] Килограммовая мерка.
[4] Мерка в полкилограмма.

И. Титов. КРЕЙСЕР «ВАРЯГ».

И. Титов. МЫС ФИОЛЕНТ.

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА В ДОЗОРЕ.

ЕСТЬ ПРАВО ЖИТЬ

Исхак МАШБАШ

СЕГОДНЯ ВНОВЬ, КАК ПРЕЖДЕ, ГОВОРЮ

И снова я, как прежде, говорю:
— Так здравствуй, жизнь, сегодня, завтра, вечно!
Одной тобою радостно горю —
Пусть эта радость будет бесконечна.
Я все беру — страданье и открытье,
И свет снегов, и чистый звон ручья,
И пробужденье первого луча —
Все-все во мне. Таким меня примите.
Ведь добрая земля моей страны
Здесь первый шаг мой приняла когда-то,
Она взяла меня в свои сыны —
И это званье высоко и свято.
И потому, земля, мое зерно
Прими из благодарственной ладони,
И ты, огонь мой, озари окно
Моих друзей в гостеприимном доме.
А небо голубое пусть возьмет
В свои недосягаемые выси
И самые возвышенные мысли
И сердца окрыленного полет...

Есть право жить. И жизни я скажу:
Я у тебя в долгу за это право,
За свет и полдень, за дожди и травы
И за моей земли святую славу —
За все, чем бесконечно дорожу.
Но все земля в себе соединила,
Чтоб нам, живущим, до конца отдать
И мужество, и доброту, и силу —
И солнечной улыбкою сиять.

НЕ ЗАБУДЬ!

Для меня невозможного нет!
Пусть приказ твой лишь слуха коснется —
и пути вековечные солнца
изменю, чтоб вернулся рассвет.
Все узнаю — и правду и сказку,
все пройду я, смеясь и скорбя.
И сапожки для огненной пляски
из зари я сошью для тебя.
Ведь в тебе — целый мир для меня:
пенье горной реки и подснежник,
золотое сияние дня,
и звезда, и росинка, и нежность.
Все — в тебе.
Ты — далекий мой путь.
Лишь с тобою я что-нибудь стою.
Ты — души моей пламя святое.
И прошу я: иною не будь.
Если вдруг не поверишь ты мне —
весь сгорю я на этом огне,
этот жар разорвет мою грудь.
Не забудь. Не забудь. Не забудь.

Перевела с адыгейского
Л. Бахарева.

У КАЖДОГО — СВОЯ УЛЫБКА

Шагают люди — ночью или днем —
И по шоссе и по тропинке гибкой.
У всех у них, кто шел одним путем,—
И свой характер, и своя улыбка.

Как небу улыбаются антенны!
А как хлеба глядят в лицо зари!..
У дружбы —песни, что в сердцах взошли,
А у вражды — свои глухие тени.

Улыбчив огнедышащий костер,
Всевидящи глаза людского сердца.
А пули взгляд, нацеленный в пришельца,
По-своему безжалостно остер.

А как печален человека взгляд,
Умолкший в пустоте чужого неба!
И мать уж в одиночестве ослепла —
Но в даль глаза тревожные глядят.

И у реки спокойной и у моря
Свой взгляд на берег, на небес простор.
Свое лицо у тех высоких гор.
Свое лицо у радости и горя.

У мертвого, живого — у всего
Свое неповторимое обличье:
У моря и у дерева — величье,
У человека — доброта его.

КАНАТОХОДЦЫ

Канатоходцы — что за смельчаки!
Танцоры, балагуры, работяги.
Завидовали даже старики
Их дерзкой, их мальчишеской отваге.
Когда они под барабанный гул
В аул врывались с шутками и смехом,
Мы становились тенью их и эхом,
Мы шли за ними через весь аул.
А эти парни — до чего же смелы!
Над пропастью несли земное тело,
И под ногами проволока пела,
Как тетива в предчувствии стрелы:
«Ах, парни, не сносить вам головы!»
И замирали даже барабаны,
Когда, взрываясь в танце ураганом,
Бескрылым всем бросали вызов вы...
И снова шли — не по земле, а над!
Шли, приминая облака, не травы,
В поту работы, в ореоле славы,
Чтоб доказать, что человек крылат
Я сам срывался с высоты не раз.
И если не хватает мне отваги,
Отчаянные парни, работяги,
Канатоходцы, я учусь у вас!

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В КРАЮ КРАСНОГО СОЛНЦА

Олени легки, как мороз, и пугливы, как ветер,
Олени легки, как дымок, улетающий в небо,
От белого снега весь мир ослепительно светел,
Весь мир удивительно чист от хрустящего снега.

О южное сердце мое, ты — само удивленье.
Ты — красное солнце, ненецкие чумы, олени,
Мы мчимся на нартах, мы день перепутали с ночью,
Смеется Рытхэу, и вместе с ним ветер хохочет.
И солнце смеется — доверчиво и круглолице,
Как ненец, вошедший с мороза, оно краснощеко.
А наша дорога чиста и нова, как страница,
Пускай не кончается белая эта дорога!

Мы мчимся туда, где ревет океан Ледовитый
И лапами льдов упирается в берег Ямала.
И южное сердце мое — хоть оно и открыто,—
Оно не замерзло, оно холоднее не стало.

Олени легки, как мороз, и пугливы, как ветер,
Олени легки, как дымок, улетающий в небо.
От белого снега весь мир удивительно светел,
Весь мир ослепительно чист от хрустящего снега.

ТЫ УЛЫБНУЛАСЬ МНЕ

Ты улыбнулась мне. И в тот же миг
Мир стал иным: его расколдовали.
И яблони от счастья танцевали,
Когда ты проходила мимо них.
Мир стал иным. В нем было так светло,
В нем все смеялось, ликовало, пело.
Едва ты улыбнуться мне успела,
Как чудо на земле произошло.
Растаяли печали, как снега,
И тонкий лед растаял между нами.
И вдруг внутри пустого очага
Само собою заплясало пламя!
И песня зазвучала в тишине,
Возникшая неведомо откуда.
Мне показалось, что случилось чудо,—
А ты всего лишь улыбнулась мне.

Перевела с адыгейского
В. Творогова.

М МОСКВА М

И МОСКВИЧИ

1

Выдающийся конструктор космических кораблей академик С. П. Королев до 1966 года жил в доме № 2/28 по 6-му Останкинскому переулку. Отныне это Дом-музей академика С. П. Королева — здесь будет организован филиал Мемориального музея космонавтики. В музее разместится обширная экспозиция, посвященная жизни и деятельности ученого. Вся обстановка будет максимально приближена к той, в которой жил и работал С. П. Королев.

Вскоре на маршрутах столицы начнет курсировать новый троллейбус завода имени Урицкого. В салоне троллейбуса три двери, кресла расположены в три ряда. Весьма удобно.

Комфортабельны и автобусы Львовского автозавода «ЛАЗ-697М». Они предназначены для туристских экскурсий.

За 1972—1975 годы в столице для работы в сфере быта будет подготовлено свыше 23 тысяч специалистов. Решено построить три профтехучилища.

2

Говорят, в названиях улиц заключена частичка характера города. Если это так, то, листая страницы выпущенной «Московским рабочим» книги «Имена московских улиц», можно увидеть, как многогранен наш город, как он широк, радушен, интернационален.

Прослеживается основное в характере Москвы — об этом говорят и названия: проспект Мира, Ленинский проспект, площадь Гагарина, улица Строителей, Космонавтов, Машиностроения...

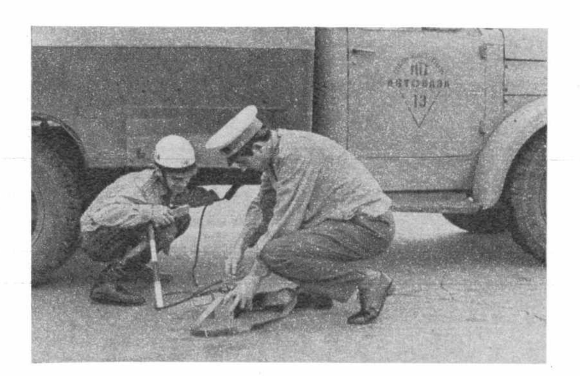
А сохранившееся с давних времен привычное, но несколько странное название — Сивцев Вражек? Откуда оно? Все очень просто (откройте-ка книжку!): когда-то, еще в XVII веке, была тут ложбинка, овражек, по его дну протекала небольшая речка Сивка. Вот и объяснение...

Авторский коллектив, возглавляемый А. М. Пеговым, сумел разместить на 368 страницах книги множество крохотных новелл-справок — иногда размером всего в две-три фразы. Они и о происхождении столичных улиц и об их именах. Не только таких известных, как тот же проспект Мира, но и неведомых, может быть, даже опытным таксистам. Вот, например, переулок-малыш; вся длина его — 39 метров. А есть в Москве и переулок-гигант — прежде он назывался Аптекарский, а в 1922 году переименован в Зельев. Есть в столице улица Стандартная — она названа по типу застройки. Маленькие открытия встречают читателя едва ли не на каждой странице книги.

В книжном магазине «Москва» мне рассказали, что все полученные магазином экземпляры книги были распроданы в течение нескольких дней. В общем-то это объяснимо: тираж книги — всего 50 тысяч экземпляров, и к тому же в ней масса интереснейших сведений. Потому-то она охотно раскупалась не только москвичами, но и гостями столицы.

К. БАРЫКИН

3

Московская Госавтоинспекция заботится о безопасности уличного движения и о чистоте столичного воздуха.

...Пост госавтоинспектора — старшего лейтенанта, инженера, выпускника Московского автомобильно-дорожного института Бронислава Филипповича Лончинского — неподалеку от Рижского вокзала. В руках у него небольшой прибор.

— Остановитесь!

Взмах жезла — приказ. «Волга» тормозит. Лончинский прилаживает к выхлопной трубе шланг. Стрелка прибора показывает: двигатель работает нормально. Прибор очень чуток. Он улавливает даже малые количества окиси углекислого газа и моментально информирует об этом.

...На трассах и в автохозяйствах за лето осмотрены десятки тысяч автомашин, мотоциклов, мотороллеров. Ни одна машина, двигатель которой неисправен, не должна выйти на линию.

Однако не все еще уделяют должное внимание исправности транспорта. И многие уже наказаны за это. Госавтоинспектора запретили эксплуатацию почти тысячи машин. В непочетное число «рекордсменов» по производству дыма попали 10-й, 15-й и 16-й таксомоторные парки.

П. КРАТОВ

Госавтоинспектора старший лейтенант Б. Ф. Лончинский и младший лейтенант В. А. Гусев.
Фото И. Туннеля.

4

Семья Александра Александровича Селезнева живет в Ленино-Дачном. Была у него прежде двухкомнатная квартира совсем рядом с заводом Ильича, на Люсиновской. Но вот директор вызвал его и спросил, как он отнесется к тому, что в районе Чертанова предоставят Селезневым квартиру из трех комнат. Семья-то немалая: он с женой, сын с невесткой, внук-восьмиклассник. Разъезжаться не собирались. Александр Александрович обрадовался: давно хотел поселиться ближе к природе.

...Внимание администрации к Селезневу не слу-

Ветераны труда А. А. Селезнев, А. А. Ширин и Ф. Я. Сельцов. П. Н. Звонарева и М. М. Панферова в тот день на заводе не было — уехали отдыхать.
Фото Л. Шерстенникова.

5

Удачнее финиша, чем возле павильона автомобильной промышленности Выставки достижений народного хозяйства СССР, для этого «Москвича», пожалуй, и не придумаешь. Машина участвовала в международных ралли, принеся ее экипажу и команде нашей страны призовое место.

«Москвич-412» — автомобиль прославленный. И, несмотря на это, автозаводцы продолжают совершенствовать его конструкцию, чтобы машина была еще более надежной, маневренной, быстроходной, удобной в управлении.

...Может, когда-нибудь этот автомобиль займет свое место в автомобильном музее. А сейчас он один из привлекательных экспонатов ВДНХ.

К. КОСТИН

На снимке: «Москвич» около павильона автомобильной промышленности ВДНХ.

6

День нежен и грустен по-есенински. Даже гул Волгоградского проспекта здесь чуть приглушен. Шуршат листвой молодые березки и еще не опавшие багряно-золотые клены, полукружием обступившие его: бронзовый, молодой, навсегда встал поэт на бульваре своего имени. Кажется, он чуть замедлил шаг, приостановился, задумался, словно ветер донес с Рязанщины запах родных полей, к которым здесь пролегает дорога. А мечтами он уже там, в Москве, начинавшейся тогда далеко от нынешних границ.

«Пришел из деревни отличный поэт Сергей Есенин, быстро заставил полюбить его милые стихи»,— сказал о нем Максим Горький. А приехал впервые Есенин в Москву в 1911 году и потом всегда возвращался сюда из всех своих странствий. Здесь же и стал первокласснейшим поэтом. Как-то в письме признался: «Лучше всего, что я видел в этом мире,— это все-таки Москва». Потому что Москва для него была олицетворением родного края, Родины. А Родине Есенин был бесконечно предан.

«Но более всего
любовь к родному краю
меня томила,
мучила и жгла»,—

напишет он в 1924 году.

Данью огромной любви и уважения к любимейшему народному поэту стал памятник, открытый в Москве 3 октября. Над скульптурной композицией трудились ваятель В. Е. Цигаль, архитекторы С. Е. Вахтангов и Ю. В. Юров.

Мы стоим на Есенинском бульваре, в новом Волгоградском районе. Поэт не узнал бы сейчас ни этого места, ни самой столицы. Хотя и предвидел он, что и Москва и страна станут иными, по выражению его, полными «индустрийной мощи»... Шумит будничный, напряженный день, но Сергей Есенин ни на минуту не остается один: идут и идут к нему люди. Молодые и старые. Москвичи и гости столицы. И кладут они к подножию памятника цветы. Скромные, тихие цветы осени...

Л. НАТОЧАНКАЯ
Фото Э. Эттингера.

чайно: уважаемый он, известный на заводе человек. Пришел сюда пятьдесят лет назад, 22 октября 1922 года. Мальчишкой пришел, с биржи труда.

Заводишко тогда был маленький, 475 рабочих. Теперь столько в одном цехе работает. Сейчас здесь большой завод, первоклассные моторы которого удостоены Знака качества. Марка завода имени Владимира Ильича известна в стране и за рубежом. К изготовлению моторов Селезнев имеет прямое отношение: он мастер на участке, и через его руки прошел недавно юбилейный двигатель.

За проходной завода в тенистом сквере — памятник В. И. Ленину, светлые дома. Мягко шелестят по асфальту троллейбусы. Все эти перемены произошли на глазах Александра Александровича, потому что с заводом он не расставался ни на один день. В том же двадцать втором вступил в комсомол; в дни ленинского призыва — кандидатом в члены партии. Активный был парень: секретарь цеховой комсомольской ячейки, член завкома комсомола... В тридцатые годы посылали его в деревню. В войну райком партии поручил наладить работу цеха, эвакуированного в Челябинск. Потом снова Москва. И во все годы и во все времена Селезнев не расставался... с футболом. Дело в том, что он общепризнанный вожак заводских спортсменов. В юности организовал футбольную команду и был ее первым капитаном. С тех самых пор до сегодняшнего дня спортивная слава за ним сохранилась.

Отмечая многолетнюю безупречную работу Александра Александровича Селезнева, Президиум Верховного Совета РСФСР наградил его «Почетной грамотой». Такой же грамоты на заводе имени Владимира Ильича удостоены еще четыре ветерана труда: Андрей Александрович Ширин, Федор Яковлевич Сельцов, Павел Николаевич Звонарев, Михаил Михайлович Панферов. Каждый из них проработал тут по полвека. А уж если быть абсолютно точными, то Михаил Михайлович Панферов — 52 года. На счету этой славной пятерки — 250 трудовых лет.

Г. ВЛАДИМИРОВА

Интервью «Огонька»

КЛАДЫ — РЯДОМ!

...Кристаллы горного хрусталя с комочками золота, подобные короне Хозяйки Медной горы. Коричневый шар боксита с месторождения «Красная шапочка». Ярко-зеленые «почки» тагильского малахита. Железные, титановые, медные, хромовые руды. Волшебная россыпь топазов, гранатов, аметистов, найденных в Мекке минералогов, как назвал академик Ферсман район Мурзинки, что вблизи реки Нейвы. Бесценны и кому только не известны сокровища Урала!..

Но еще большие сокровища подвластны людям, которые не только овладели подземными кладами, но и научились умело распоряжаться своими резервами. О них, разведчиках современной экономики и техники, и рассказал в беседе со специальным корреспондентом «Огонька» Г. КУЛИКОВСКОЙ первый секретарь Свердловского обкома партии ЯКОВ ПЕТРОВИЧ РЯБОВ.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Недавно Центральный Комитет партии одобрил почин партийных организаций вашей области, добивающихся увеличения выпуска продукции за счет реконструкции производства с минимальными капитальными вложениями. Коммунисты какого предприятия стали «пионерами» в этом деле? Что было сделано для распространения опыта?

Я. П. РЯБОВ. Трудно назвать, кто был первым, так как совершенствование технологии, организации труда и производства, реконструкция, модернизация, стремление дать больше продукции с тех же мощностей длительное время находятся в центре внимания парторганизаций нашей области. Но если говорить об инициативе первичных партийных организаций, то следует назвать коммунистов сортопрокатного цеха Нижнетагильского металлургического комбината. Рельсо-балочный стан этого цеха стал «узким местом» на комбинате, хотя он и превысил проектную мощность в полтора раза. Привлечь строительные организации для реконструкции стана оказалось невозможным: они были заняты возведением новых цехов и агрегатов.

Коммунисты цеха предложили провести реконструкцию своими силами. Уралмашзавод согласился изготовить новое оборудование, а Уралгипромез (проектный институт) — помочь в проектировании. Партком цеха детально рассмотрел все предложения и решил: начинать! Поэтапно, во время капитальных ремонтов, в основном силами цеха, было демонтировано старое и смонтировано новое оборудование. Реконструкция значительно увеличила производство отдельных профилей проката.

Таким же путем шли работы в цехе двойного суперфосфата Красноуральского медеплавильного комбината. В период обсуждения проекта Директив XXIV съезда КПСС группа работников во главе с главным химиком комбината А. Н. Семеновым и начальником цеха Н. Н. Болденко обосновала предложение по реконструкции цеха для увеличения производства почти в два раза.

И эта смелая идея осуществлена!

Таким образом, можно эти два коллектива — Нижнетагильский и Красноуральский — назвать «пионерами» в области реконструкции и модернизации. Областная партийная организация поддержала их инициативу. Печать и радио, партийные и хозяйственные активы были использованы для пропаганды ценного опыта. Почин подхвачен во многих городах области. На Среднем Урале благодатная для этого почва. И вот почему. Наша область обладает большим промышленным потенциалом, степень насыщенности заводами тяжелой индустрии очень высока. Население сосредоточено главным образом в городах и промышленных районах. Дальнейший процесс урбанизации в силу исторически сложившихся обстоятельств вряд ли был бы целесообразен. Поэтому главный курс нашей экономической политики не строительство новых предприятий, а усиление, всемерное развитие уже существующих, при той же численности на них работающих. Кстати, это характерно не только для Свердловской области, но и для многих других высокоразвитых районов центральной части страны.

Добиваться максимального повышения эффективности производства с наименьшими экономическими затратами вошло в определенную систему деятельности партийных и общественных организаций и заводских специалистов. Слова Л. И. Брежнева о том, что экономически выгодно обеспечить прирост продукции путем реконструкции и технической модернизации предприятий, сказанные им на XXIV съезде партии, стали руководством к действию.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Чем отличается реконструкция в годы девятой пятилетки от всех предыдущих?

Я. П. РЯБОВ. Реконструкция реконструкции — рознь. Можно пойти по пути частичного улучшения, применения того, что уже где-то есть, и это тоже будет обновлять производство. Но надолго ли? Через каких-либо три — пять лет оно окажется морально устаревшим. Мне думается, что реконструкция семидесятых годов должна вестись на принципиально иной основе, опираться на самые новейшие достижения научно-технического поиска, смело решать сложные технические проблемы. Словом, быть устремленной в будущее! Примером может служить Пышминский медеэлектролитный завод. По предложению коммунистов завода и особенно его директора Б. А. Кривоусова было начато сооружение высокопроизводительного агрегата для плавки катодов. Такого еще не было в медеплавильной промышленности. У него совершенно иная технологическая схема. Производительность агрегата будет в три с лишним раза выше, чем на действующих печах. В то же время если бы завод пошел по пути простого улучшения сложившейся так называемой классической технологии, то капитальных вложений для получения такого количества продукции потребовалось бы в четыре раза больше. Вот это и есть реконструкция на основе подлинного научно-технического прогресса! Кстати, пример этого завода показателен и в другом отношении. Его инициативу с самого начала оперативно и энергично поддержало Министерство цветной металлургии СССР. На завод приезжал министр П. Ф. Ломако, лично ознакомился с проблемами и замыслами, и вскоре был принят приказ о дальнейшем развитии завода. Такая горячая, действенная помощь и обеспечила Пышме успех.

Вторая особенность современного этапа реконструкции в ее размахе, масштабности. Ведь, посмотрите, что получается: увеличение производства не на пять — десять процентов, а в полтора, два и даже в три раза! То есть как бы рождение на действующих площадях новых цехов!

КОРРЕСПОНДЕНТ. Всегда ли выгодна реконструкция? Возможно, что в ином случае эффективнее организовать новое производство, чем заниматься частичным улучшением?

Я. П. РЯБОВ. Совершенно верно. В каждом отдельном случае нужна глубокая проработка вопроса. Пример — Верхисетский металлургический завод. Здесь производство трансформаторной стали организовано по старой технологии — методом горячей прокатки на старом, не отвечающем современным требованиям оборудовании. Горячекатаная трансформаторная сталь дает повышенные потери электроэнергии в сравнении с трансформаторной сталью, изготовленной методом холодной прокатки. Сейчас как раз заканчивается строительство нового мощного современного цеха с целым комплексом объектов для производства холоднокатаной трансформаторной стали. Когда этот цех будет введен в эксплуатацию, старое производство (сталеплавильный и прокатные цехи) будет закрыто. Экономия электроэнергии (точнее, снижение потерь) в трансформаторах, изготовленных из новой стали, быстро окупит затраты на новый цех.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Одна из ведущих отраслей народного хозяйства вашей области — машиностроение. Предполагается ли реконструкция «Уралмаша», заводов имени Воровского, турбомоторного, «Уралэлектротяжмаша»?

Я. П. РЯБОВ. На машиностроительных заводах Свердловской области постоянно ведется работа по реконструкции действующего производства, модернизации оборудования, внедрению новых технологических процессов с целью достижения высоких экономических показателей. Уралмашзавод произвел целую революцию в своем литейном производстве: не сооружая новых корпусов, пустил две поточные механизированные линии стального литья и механизировал процесс изготовления литейных стержней с применением жидкоподвижных смесей. Это позволило увеличить производство стальных отливок на 12 тысяч тонн в год.

Характерно, что затраты, которые ассигнуются на обновление производства, быстро окупаются. Всего полтора года понадобилось, чтоб восполнить расходы, пошедшие на реконструкцию турбинного и дизельного производства Уральского турбомоторного завода имени Ворошилова, в то же время увеличился выпуск продукции на 5,5 миллиона рублей. Подобных результатов достигли завод «Уралэлектротяжмаш» и завод имени Воровского.

Всего на машиностроительных заводах только в этом году будет внедрено в производство 580 единиц высокопроизводительного металлорежущего оборудования, в том числе более 100 станков с программным управлением, повышающих производительность труда станочников в 2—3 раза. Как видите, машиностроители могут поспорить своими достижениями с металлургами.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Директор Нижнетагильского металлургического комбината Геннадий Елизарович Овчинников рассказывал о том, что на этом крупнейшем металлургическом предприятии сооружается мощный стан широкополочных балок. Что можно сказать о целесообразности сочетания нового строительства с модернизацией производства?

Я. П. РЯБОВ. Не только целесообразно, но и необходимо. Но прежде несколько слов об этом патриархе отечественной металлургии. История его началась давно — Высокогорскому руднику в прошлом году исполнилось 250 лет, а заводу имени Куйбышева, входящему в состав комбината, скоро также будет два с половиной века. Запутанна и овеяна романтикой его судьба. Старые печи, уцелевшие чуть ли не с демидовских времен, и рядом конверторы, сложное доменное хозяйство и гигантские рудники, разнообразные современные станы... Много раз Нижнетагильский ветеран переживал взлеты и падения до печального застоя на рубеже XIX и XX веков, когда буквально, казалось, умирала металлургия Урала. Ожил этот ветеран в 20-х годах, когда с древесного угля перешел на кокс, первый кокс, доставленный с Кузбасса на Урал. С той поры тагильская металлургия пошла в гору. Реконструкция за реконструкцией. Колоссальное строительство. Создание нового завода. И снова реконструкция. Параллельно с сооружением цеха широкополочных балок реконструируется колесопрокатный цех. Главная цель этой «операции» — улучшение качества колеса.

Гипромез предложил проект реконструкции, на осуществление второй очереди которого потребовалось бы почти 30 миллионов рублей. Слишком дорого! Тогда инженеры завода — В. А. Паршин и Н. К. Рябоконь, профессор института железнодорожного транспорта Т. В. Ларин, начальник отдела Министерства путей сообщения Ф. Я. Богданов выступили с предложением достичь тех же результатов не за 30 миллионов рублей, а всего за 220 тысяч рублей. Их предложение принято и осуществлено. С 20 июля цех перешел на выпуск колес в полном соответствии с ГОСТом.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Не могли ли бы Вы, Яков Петрович, привести и другие примеры плодотворного содружества ученых и производственников?

Я. П. РЯБОВ. В период подготовки и работы XXIV съезда КПСС многие предприятия, НИИ и проектные институты приняли совместные социалистические обязательства по совершенствованию производства. Таким образом, перевооружение промышленности поставлено на качественно новую, научную основу. Примеров тому много. Так, по предложениям институтов УНИХИМ, Уралгипрохим, СвердНИИхиммаш и работников Первоуральского хромпикового завода на этом предприятии начата реконструкция одного из цехов, которая позволит удвоить мощности по производству хромовых солей. Затраты на реконструкцию — 6 миллионов рублей, а строительство нового цеха такой же мощности потребовало бы средств в пять раз больше.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Дело, поднятое вашей областью, дает самый широкий простор для творческой инициативы. Что бы Вы могли сказать о рационализаторах Среднего Урала?

Я. П. РЯБОВ. Рационализаторы и изобретатели Уральского турбомоторного завода решили создать рационализаторский фонд в честь 50-летия образования СССР в сумме свыше миллиона рублей, а к концу пятилетки сэкономить 2,6 миллиона рублей. Усилия новаторов направлены на экономию черных и цветных металлов, электроэнергии, рабочего времени, улучшение качества продукции. При их активном участии в 15 изделиях, которым присвоен Государственный знак качества, использовано 25 изобретений и более 200 рационализаторских предложений. Изобретения только одной группы Д. П. Бузина дают народному хозяйству более миллиона рублей экономии и по своему значению далеко выходят за пределы предприятия.

Каков же вклад рационализаторов всей области? В восьмой пятилетке они сберегли государству 360 миллионов рублей. В девятой надо ожидать экономии примерно в полмиллиарда.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Понятно, что реконструкция производства — не только средство повышения его эффективности. А как она коснется таких сторон жизни рядового труженика, как быт, отдых, воспитание детей?..

Я. П. РЯБОВ. В том-то и особенность советского строя, что в зависимости от того, как идут дела в коллективе завода или фабрики — хорошо или плохо, успешно или неудачно, складываются жизнь людей, их настроения. Я имею в виду не столько моральные факторы, сколько материальную сторону вопроса. Успешно решена реконструкция — возрастут прибыли завода, увеличатся его фонды, больше средств пойдет на жилье, здравницы, столовые, детские учреждения — все то, что входит в планы социального развития предприятия. Вы говорите, что побывали в Верхней Пышме, видели, вероятно, замечательный местный «Артек», который сооружают в сосновом бору, поликлинику, жилые дома... Сравните только такие две цифры: раньше в год строилось в среднем по 2 000 квадратных метров жилья, а последние два года — по десять тысяч. В пять раз больше! Хороший разбег! На самом заводе появятся новые столовые, бытовки, тепличный комбинат... В плане — собственный санаторий-профилакторий.

Подобные перспективы при умелом хозяйствовании открывает техническое перевооружение производства перед всеми предприятиями. Анализ первых итогов показал, что не только экономятся сотни миллионов рублей и увеличивается доход государства. Большая выгода самим заводам. В выигрыше оказываются и люди.

Резервы, если образно сказать,— новые клады уральской земли — рядом с нами, наша задача — найти к ним ключи!

«Уралмаш». Завод заводов. Здесь изготавливается новый прокатный стан для металлургической промышленности.

Фото А. ГРАХОВА. (ТАСС).

Ирина ТРИУС

Рисунки И. МИХАЙЛИНА.

ПЯТЬ ЗАПИСЕЙ В ОБЩЕЙ ТЕТРАДИ

«Я верю, люди могут все»,— написала Ирина Триус в одной из своих книг. Сама Ирина Триус смогла многое... Смогла, несмотря на то, что уже более двадцати лет прикована тяжелым недугом к постели, стать уважаемым в Министерстве путей сообщения старшим научным сотрудником, а также автором многих опубликованных в центральных газетах и журналах очерков. Ею написаны повесть «Спасибо вам, люди» и удостоенная премии имени Николая Островского повесть «Жить стоит».

1. НЕБО И ЗЕМЛЯ

Меня лечит молодой доктор. Увидев его впервые, подумала: спортсмен. Оказалось, в совсем недавнем прошлом — военный летчик. В авиацию он влюблен с детства. Отец был летчиком-испытателем, и его гибель в авиационной катастрофе лишь укрепила мечту мальчика. Не помогли ни уговоры, ни слезы матери. Она боялась, что небо отнимет у нее еще и сына.

...Он успел налетать немного. А дальше — тоже несчастный случай. Тяжелая травма — летать запрещено! Любя авиацию, он мог бы остаться работать техником на своем же аэродроме. Но провожать ежедневно самолеты в небо, самому оставаясь на земле, было для него пыткой. Он вернулся в Москву, к матери, и поступил в медицинский институт — теперь уже пошел по ее стопам.

Доктор много рассказывает мне об авиации. Тоскует по небу. Каждый год проводит отпуск в той части, где остались служить его друзья-летчики. Иногда удается с кем-либо из них полетать. А потом снова на работу, к больным — до следующего года, до следующего отпуска. Нет, нет, он любит свою вторую профессию и даже считает, что в них обеих, столь разных, есть много общего.

Мы оба во время таких бесед посматриваем в окно: он на небо, я на землю. Я, конечно, сочувствую ему и очень уважаю за то, что не сдался, сумел найти себя снова. Но... Понять до конца не могу: моя мечта — хотя бы еще разок в жизни пройтись по земле. Все двадцать лет болезни манит меня земля...

Доктор уходит. Я остаюсь одна со своими мыслями — другие больные в палате «ходячие». Закрываю глаза и пытаюсь представить себе: вот я вновь обрела землю! (Так, наверное, взлетает в ночных снах наш доктор в небо.) Как захлестнуло бы меня тогда счастье! И как, наверное, захотелось бы разделить это счастье со всеми, кто столько лет делит со мной мое горе. Разделить счастье с мамой... Впрочем, разве матери делят с детьми их горе? Они его несут — в себе, и очень часто за нас...

В голове моей боль и шум. И я уже научилась волей своего воображения придавать этому шуму любое значение. Вот сейчас я слышу свои шаги. Слышу, как под ногами — если лето — шелестит трава. А если осень — шуршат палые листья. А если за окном зима — тогда скрипит снег. Впрочем, зимой можно еще и кататься на коньках.

Если бы мне все-таки удалось когда-нибудь подняться, куда бы отправилась я в свой самый первый «рейс»? Ну, конечно же, на Патриаршие пруды! Ведь там прошло детство, когда вся жизнь еще только задумывалась, и совсем иначе, чем сложилась... Наверное, теперь пруд показался бы мне морем, ветер — бурей, и все для меня было бы удивительным...

Я открываю глаза. В окне палаты яркий мартовский день. Свет весны за окном кажется мне год от года ярче оттого, наверное, что все больше остается позади несостоявшихся весен. Неувиденных. Непережитых. Чужих...

А мама непременно сказала бы: чужих весен не бывает!

2. ПОСЛЕ БАЛА

Если бы люди отреклись от традиций, в нашей жизни стало бы меньше праздников...

Из года в год повторяется в моей жизни вот такой праздник: после выпускного бала приходят ко мне молодые мои друзья — вчерашние школьники. Красивые и нарядные, они приносят цветы. И всякий раз возвращают в юность, которую отняла у меня война. А на какие-то мгновения даже одаривают чувством материнства, которое отняла болезнь — ведь каждый из них мог бы уже быть моим сыном или дочерью! Понимают ли они цену своего бесценного дара?

Все добрые слова напутствия им уже сказали учителя и родители. Их прошлое кончилось вчера, будущее начнется завтра. А сегодня, сейчас, они просто утомлены и немного ошалели от этого состояния невесомости — между прошлым и будущим.

...Сколько раз рождается человек? Что родилось в каждом из них сегодня? Что нового в себе и в жизни открылось им за последние сутки? Какие минуты из этих суток будет бережнее всего хранить память? Те, что, прощаясь с детством, они провели в школьном зале? Или у стен Кремля? Или на Ленинских горах?

Ни о чем этом я не спрошу, конечно. Но верю, что и минуты, проведенные со мной, у моей постели, столь незначительные в сравнении с сегодняшним событием, открыли им не так уж мало: делить свое счастье с другими — это значит его множить!

3. ЕЛИ

Десять лет назад мы трое — мать, отец и я — посадили каждый по ели. Не ели, конечно,— елки, елочки. Едва высунувшиеся из травы, они были такие махонькие, что их легко было не заметить и растоптать. Посадили мы их не потому, что помнили старый завет: каждый человек должен посадить за свою жизнь хотя бы одно дерево. И уж, разумеется, не для того, чтобы оставить свой след на земле: у всех у нас были другие дела и заботы, и мы не очень-то задумывались над тем, что дадут наши елки будущему человечеству. Просто в этом выразилась потребность наших сердец, сердец горожан, чем-то «отблагодарить» подмосковную благодать за

тот заряд сил, каким держались мы потом — в труде, заботах, болезнях — до следующего лета.

Посадили мы елки в чужом саду, возле чужой дачи, не зная, не загадывая, вернемся ли еще когда-нибудь сюда. Но пока судьба ко мне милостива, и который уж год удается мне на лето приезжать сюда же, вот к этим елкам. Десятилетний возраст — для дерева пора младенчества, и понемногу все три они растут. А одна — та, которую посадил отец,— опередила сестер, вырвалась, и уже раскинулись над землей ее ветви...

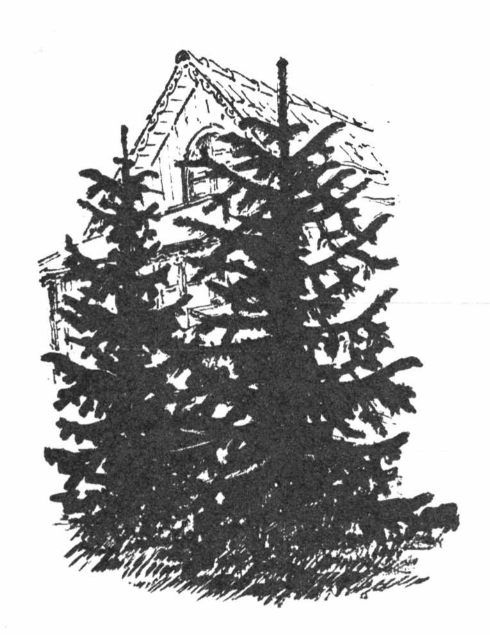
Память об ушедших близких нам людях храним мы в сердце; их образ, и облик, и весь их духовный мир стремимся вобрать в себя вместе со своей к ним любовью. Чтобы жили они в нас, пока живем сами. Но есть еще и символы нашей благодарной памяти, бессмертной и не стареющей до самой нашей смерти любви к ушедшим. Это могилы, памятники, портреты, которые мы, пока можем, украшаем цветами. И еще — письма, которые храним мы как самые ценные реликвии и — когда позволяют время и силы — перечитываем, жадно вглядываясь в почерк...

Телеграфным был текст последнего письма моего отца. Он умирал. Он уже не мог писать и поэтому диктовал накануне дня моего рождения: «Родная! Поздравляю. Всей душой, сердцем, мыслями с тобой. Желаю только одного: пусть всегда в твоей жизни все тяжелое отступает перед величием духа, щедростью сердца. Очень, очень люблю тебя».

А в те же минуты, задыхаясь от горя, диктовала я в телефонную трубку телеграмму — ему, в больницу: «Дорогой папа! Сегодня я, как всегда, с тобой. Все лучшее во мне — твое и мамы. Всем достигнутым в жизни обязана вам обоим. Очень, очень жду тебя».

Вместо номера принятой телеграммы я услышала: «Не плачьте, он поправится и вернется!»

Он не поправился и не вернулся. А для меня теперь символ памяти об отце — посаженная им елка. Вон как тянет она ветви навстречу солнцу и людям! Быть может, это символ и его завещания? Ведь величие духа и щедрость сердца бывают неброскими, как неброско растет, затерявшись среди других деревьев, посаженная отцом елка. Как неброска профессия телеграфистки, умеющей передать по бездушному телефонному кабелю тепло своего сердца тому из тысяч ее абонентов, кто в нем нуждается...

4. РОМАШКА

В середине июля нежданно выдался праздничный и торжественный для меня день. Поздравляли близкие, друзья, товарищи. Казалось, по-особенному, не буднично светит

солнце. И терраса вся была заставлена вазами, кувшинами, банками с цветами, непременными спутниками радости и горя. Чайные розы, алые маки, нежные лилии, благоухающий жасмин, статные гладиолусы.

А одна женщина, жившая в то лето вместе с нами на даче, не стала покупать «парадных» цветов. Вышла за калитку и нарвала на лугу ромашек. Маленький этот букетик мигом затерялся среди броской, пышной красоты дорогих садовых цветов. Прошло несколько дней. Поблекли розы, потемнели, словно даже обуглились, маки, жалко сморщились лилии, опали лепестки жасмина. Сохранились лишь гладиолусы с их надменной и холодной красотой, радуя глаз и не трогая сердца. И сохранились полевые ромашки. По каким-то неведомым путям сознания или подсознания пришли ассоциации...

...Многие люди, считая себя натурами цельными, не верят в возможность второй любви. Первая, вторая... Как будто жизнь можно разложить в ряд арифметических чисел! Впрочем, в чем-то эти люди даже правы: второй любви действительно не бывает. Бывает просто любовь еще раз. Снова — первая. Снова — все наново. И уж, конечно, все по-другому, иначе, потому что любовь, как и люди, всегда разная. И поэтому, как и людей, принимая каждого таким, какой он есть, любовь нельзя сравнивать. Увы, иные истины постигаешь только с годами. И тогда уже не так трудно отвыкать от привычного представления о нежности, проявляющейся в ласках, цветах, подарках, в постоянном стремлении удивить и обрадовать. И ты учишься ценить нежность, какая может проявиться лишь в простом рукопожатии. И тогда — сами того не замечая, мы становимся похожими на тех, кого любим! — научишься и самому трудному: спокойно относиться к разлукам, прощаясь, скрывать тревогу, встречаясь, сдерживать радость. Лишь иногда пронзит необоримое желание увидеть сквозь расстояния его глаза — еще и еще раз убедиться, что суровость взгляда может для тебя одной обернуться нежностью. Ибо всякой женщине, даже самой счастливой, может стать вдруг тревожно — не разлюбил ли? И лишь по тому, как в трудную минуту ощущаешь его плечо, даже на расстоянии, снова веришь: все настоящее.

Да, любовь, как и люди, всегда разная. И не так уж много надо мудрости, чтобы постигнуть: даже цветы и те — каждый прекрасен по-своему. Нет, в жизни нельзя сравнивать...

Никогда не гадала я на ромашках. В детстве, когда поле было рядом, еще не знала, что есть на свете чудо, называемое любовью. Когда же выросла и узнала, возле меня уже не было ромашек...

...Не успев осознать, что время девичьих грез и гаданий давно отошло и все давно уже расставлено по местам (а что не расставилось, так никогда и не расставишь) и просто жаль вынимать ромашку из воды и лишать ее, такую стойкую, раньше времени жизни, я уже протянула руку за ней и стала быстро обрывать один лепесток за другим. С озорством и азартом — быть может, цветок сумел вернуть меня на мгновение в юность? Но только, наверное, именно так вот тревожно и весело колотится юное сердце, прибегая в стремлении утвердить надежду к этой кем-то, когда-то придуманной примете: «Любит — не любит...»

Ромашка, подаренная мне доброй женщиной, оказалась тоже доброй и последним сорванным лепестком ответила: «Любит!»

5. ЗДРАВСТВУЙ, МИШКА!

Говорят, в поэте непременно должно сохраниться самое удивительное из всего, что присуще детству,— способность удивляться. Может быть, и так, не знаю. Но только что-то от детства остается на всю жизнь в каждом человеке...

...Однажды, когда я стала уже взрослой, в одну из горестных минут моей жизни знакомая девчушка, не умея утешить иначе, подарила мне свою любимую игрушку. Мишка был заводной, умел танцевать и даже дразнился — высовывал из пасти язык. Девочка подарила мне этого мишку на счастье. И когда он в очередной раз открывал пасть и показывал язык, мне казалось: он учит меня смеяться над судьбой, которая не слишком мягко со мной обошлась.

Кто знает, может быть, счастье, принесенное мне тем заводным мишкой, заключалось в том, что я — наперекор всему! — выжила?.. А потом, спустя годы, в одну из трудных минут другого человека отдала я ему этого мишку — тоже на счастье. Так устроена жизнь.

Изначальная и вечная истина: чувство благодарности лишь в редких случаях оборачивается ответным добром именно к тому, кому ты благодарен. Обычно же оно передается совсем другим людям по связям, чаще всего случайным. Цепная реакция добра...

Мне так и не удалось узнать, принес ли мой мишка счастье тому, другому человеку. Помню лишь, что сама долго тосковала по глазкам-бусинкам, которые светились, как две маленькие звездочки надежды в темноте бессонных ночей...

И вот я снова получила в подарок... мишку. Только этот не имеет заводного механизма, не танцует и не показывает языка. Может быть, потому, что он еще совсем маленький медвежонок и не умеет научить человека сопротивляться судьбе смехом? Но я узнала глазки-бусинки... Нежно поглаживаю мягкую, пушистую шерстку и, веря, что он снова принесет мне счастье, говорю ему как старому другу: ну, здравствуй, мишка!

Над вершинами Кордильер.

ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Анатолий СОФРОНОВ,
фото Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

НА ЮГ, К ХОЛОДУ

Еще в первые дни нашей жизни в Сантьяго мы посетили Хосе Родригеса, одного из руководителей Корпорации по развитию производства Чили. Это был сравнительно молодой, энергичный человек. Он вошел в маленький зал, где мы его ожидали, закончив какое-то совещание, словно стряхивая с себя остроту только что закончившейся дискуссии.

— Я договорился с ЭНАПом (государственное нефтяное предприятие Чили). Вас там встретят, дадут самолет для полета на Огненную Землю. Покажут все, что вы захотите, в том числе — об этом договариваются с военными — покажут на самолете южную оконечность Кордильер.

— Вы были на Огненной Земле?

— Не был... Представляете, в Сибири был, а у себя на Огненной Земле не был.

— Говорят, там сейчас холодно... Хорошо бы нам экипироваться...

— Все вам сделают, не беспокойтесь.

Мы не беспокоились. Антонио Бенедикто снабдил нас удостоверениями, в которых сообщалось, кто мы и что, и предлагалось всем гражданским и военным организациям оказывать нам полное содействие в ознакомлении с жизнью чилийского народа.

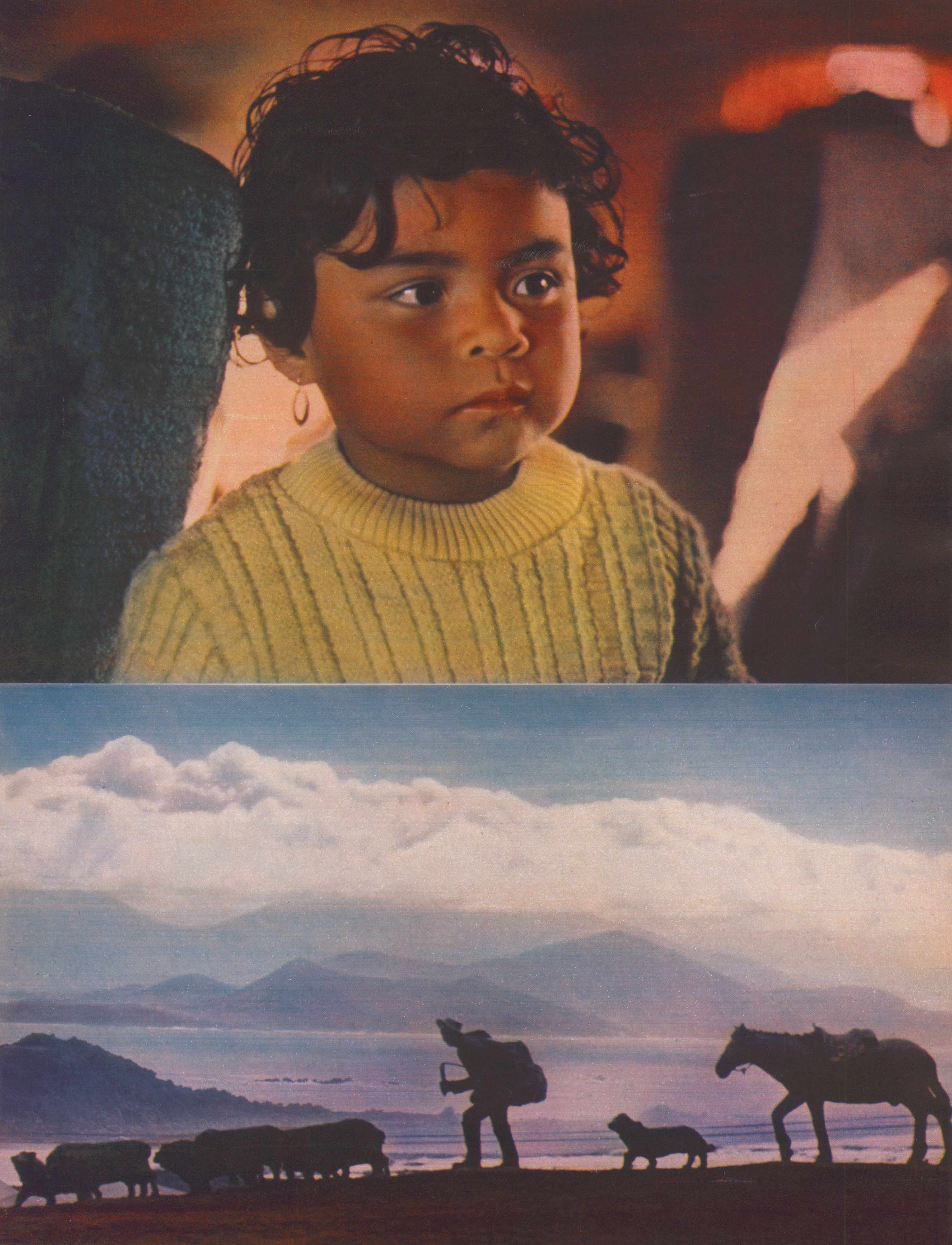
Самолет уходил из Сантьяго около двух часов дня...

Около пяти часов вечера, уже в полумгле, мы заметили силуэт приближающегося аэропорта, редкие огни и секущий окна самолета дождь. Снега под нами не было. В аэропорту нас встретил Эдуардо Фуэнтес, инженер, представляющий Корпорацию по развитию производства, молодой, симпатичный человек в роговых очках, и представители местного телевидения. У пассажиров, прилетевших вместе с нами в столицу провинции Магальянес, город Пунта-Аренас, в руках были пакеты с помидорами и фруктами. Вдоль смутно видимого в вечерней мгле Магелланова пролива мы отправились в город.

В тихом отеле «Мыс Горн» за ужином мы попросили Эдуардо рассказать нам о Пунта-Аренасе и провинции Магальянес.

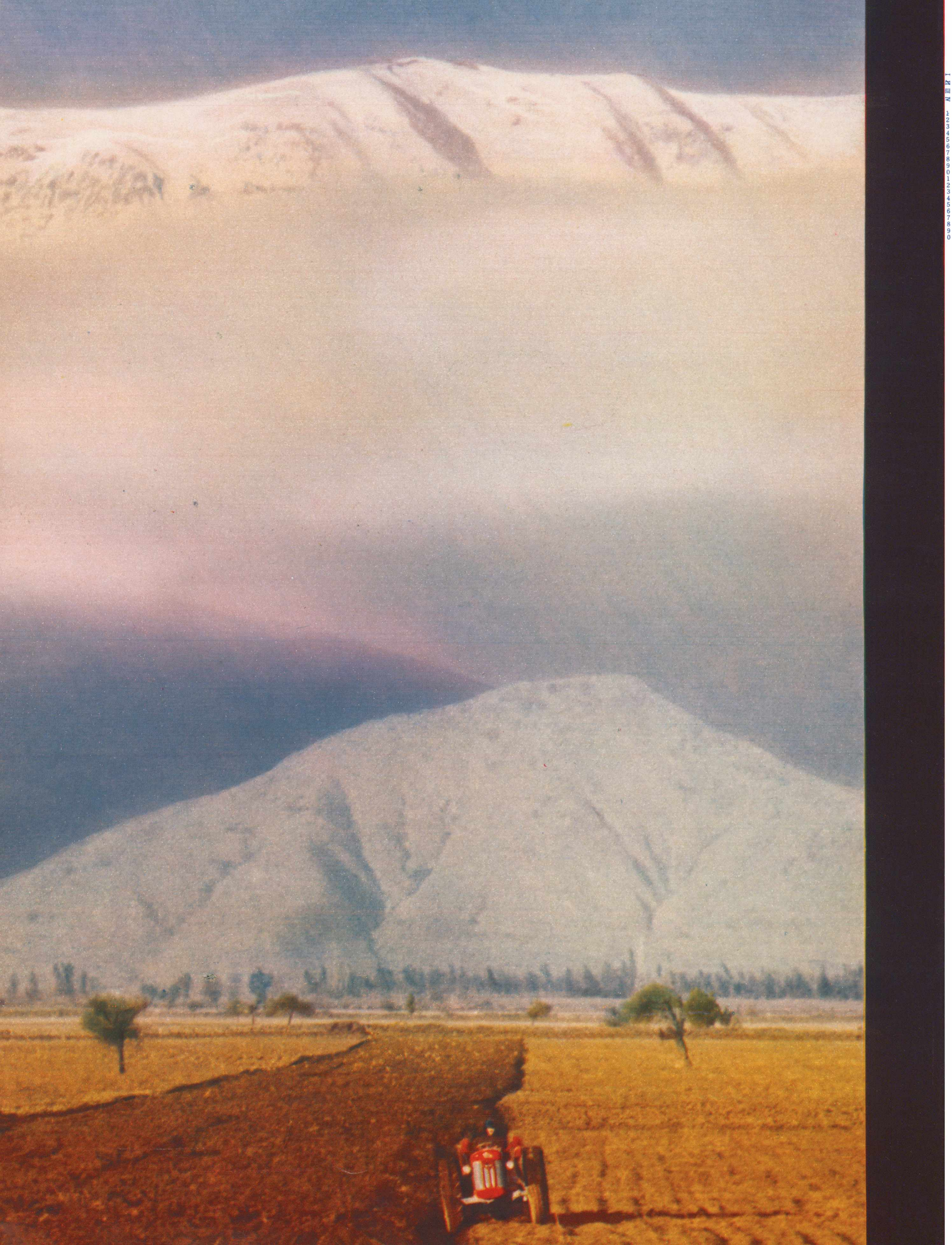
— Во-первых, мы все очень любим наш малоуютный по первому виду край,— сказал Эдуардо.— Край, конечно, суровый. Летом температура не поднимается выше 14—15 градусов. Если в редкие дни бывает 20 градусов — это уже праздник. Я знал одного индийца, перебравшегося сюда лет пятнадцать назад из Бомбея, он шутя говорил, что здесь хороший климат, так как температура зимой очень редко снижается до 5 градусов ниже нуля. Что еще! У нас говорят: где бы ты ни ходил здесь на лыжах, обязательно выйдешь к морю. Ни один влюбленный не скажет здесь своей подружке: «Пойдем на море, чтобы увидеть заход солнца». Это невозможно: солнце у нас всходит со стороны моря. А если говорить серьезно, то можно сказать, что наш край находится сейчас в полосе роста. У нас продолжается рост добычи нефти и газа. Есть древесина, рыба, овцы... Строятся новые современные текстильные фабрики.

Наша попутчица Марсела.
Памятник пастухам Патагонии.
На развороте вкладки:
Огненная Земля. Нефтеперерабатывающий завод.
В порту Вальпараисо.

Ворота Антарктиды.

Все это правительство активно поощряет, установив 80 процентов прибавки к заработной плате тем, кто здесь работает.

— Есть ли здесь свои высшие учебные заведения!

— Да, конечно. В 1962 году в Пунта-Аренасе был открыт технический университет, в котором в настоящее время обучается более тысячи студентов. Он выпускает химиков, работающих по нефти и газу, электриков, механиков. Два года назад университет начал готовить технологов и операторов для химических предприятий. Готовятся также специалисты по сельскому хозяйству, мелиораторы и ремонтники... Еще финансисты и бухгалтер. Я сам получил высшее образование в этом университете... Кстати, недавно у нас происходили выборы ректора. Ректором университета избран коммунист Энрике Кирберг.

— А вы член партии!

— Я член социалистической партии. Мы дружно работаем с коммунистами. Вообще интерес к нашему краю большой, хотя людей еще не хватает. По статистике, у нас 0,6 человека на один квадратный километр. В Патагонии, на территории Аргентины, живут триста тысяч чилийцев... Мы надеемся, что они постепенно вернутся сюда. Здесь легко найти хорошо оплачиваемую работу. Когда-то наша земля была второй Калифорнией. Здесь было много югославов, приехавших на добычу золота, но оно быстро иссякло, и поселенцы переключились на овцеводство. Еще в 1897 году новозеландец Гамерон привез с собой 30 овец — теперь на наших землях пасутся миллионы овец. Когда-то многое попало в руки англичан — леса, земли, уголь, лежащий близко к поверхности земли. В начале века государство продало большое количество принадлежавших ему земель в частные руки. 600 тысяч гектаров попали в руки нескольких богачей. Вскоре овечья шерсть наводнила текстильный рынок Англии... Все это было и, к счастью, кончилось. Теперь земли Магальянеса принадлежат народу. Это-то мы и хотим вам показать. Завтра утром мы отправимся на Огненную Землю.

— Там холодно!

— Туда двадцать минут лету... Та же температура, что и здесь.

ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Эдуардо был прав. Полет от Пунта-Аренаса до Кульена, небольшого поселка на Огненной Земле, продолжался всего 20 минут. Самолет был наполнен трудовым людом. Весь полет проходил над Магеллановым проливом — серой, широкой полосой воды, с черно-бурыми отлогими берегами. На Огненной Земле кое-где виднелись белые островки снега. Маленькое деревянное здание. Несколько легковых машин, ожидавших с материка людей. Галька, вмерзшая в землю. Покрытые тонким ледком лужи. Затянутые инеем металлические бочки. Резкий, порывистый ветер. Солнце, ныряющее в облака. Ребятишки, скользящие на коньках... Нас встретил Хуан Кальдерон, представитель ЭНАПа.

Вместительный «пикап» вобрал нашу группу и нескольких инженеров, постепенно в пути покидавших нас.

С двух сторон лежали пустынные земли. Кое-где бродили напоминающие диких гусей птицы кайпенес, живущие, как нам сказали, парами. Скоро этот безжизненный простор пересекли трубы, лежащие поверх земли. Замелькали ослепительно сверкающие цистерны, развеваемые ветром огненные факелы. Среди бурого простора возник аккуратный поселок. Сплетение белых перегонных труб. Легкое, воздушное здание, перед которым буйно метался огонь.

— Это и есть нефтеперегонный завод,— сказал Кальдерон, подвозя нас к длинному одноэтажному дому, посреди которого возвышался квадратный купол.

Кальдерон решил вначале показать спортивный зал, в котором молодежь играет в баскетбол и гандбол. Он нажал кнопку — в две стороны пополз занавес.

— Здесь у нас все. Кино каждый день. Надо делать так, чтобы рабочие были все время чем-то заняты. Особенно холостяки. Они пятнадцать дней работают, а потом на пять дней улетают на отдых в Пунта-Аренас... Пройдемте в столовую. Там как раз заканчивается обед.

По дороге в Ранкагуа.

Во вместительной столовой сидели молодые люди. Они с интересом смотрели на нас.

— Присаживайтесь,— сказал Кальдерон,— попробуйте обед, который выдается бесплатно всем работающим. Впрочем, не только обед... Еще завтрак и ужин. Как видите, обед сытный. Едят здесь больше, чем на континенте. Живут по двое в комнате.

— А семейные здесь есть?

— Не так много, но имеются. Квартиры у них в поселке, который мы проезжали. Для женщин — рай. Квартира, стоящая в Пунта-Аренасе в месяц две тысячи эскудо, здесь — сто эскудо.

— А почему рай?

— Экономия на всякие тряпки. Студенты из технического университета проходят практику, молодые инженеры тоже. В 1941 году здесь забила первая нефтяная скважина. В 1950-м был создан ЭНАП. В 61-м американцы построили по нашему заказу завод, который с самого начала принадлежит государству. Но сейчас мы столкнулись с большими трудностями. Нехватка запасных частей. Сами понимаете, Америка не питает к нам никаких симпатий. Они все установили, смонтировали и уехали прочь. С какой стати им думать о нас? К этому можно прибавить и то, что во всем мире идет бурное развитие нефтяной промышленности, а значит, строительство более современных заводов. И хотя, как мы думаем, запасов нефти здесь хватит всего лет на двадцать пять, но она нужна нам так же, как и газ для внутреннего рынка, для бытовых нужд и для промышленности нашего района. А тут эти запасные части?! Жидкий газ мы отправляем на материк и частично продаем Бразилии и Аргентине.

— Откуда отправляете?

— По трубам перегоняем в порт. Будете лететь обратно, увидите порт сверху. Думаем, что залежи нефти есть еще и поближе к проливу. Сейчас закупаем оборудование для геологических разведок. Хотите посмотреть завод?

— Было бы интересно.

— Только там вы почти никого не увидите. Все автоматизировано. Люди рассеяны по острову... А всего их на Огненной Земле полторы тысячи. Только прошу не курить,— сказал Кальдерон, когда мы, надев пластмассовые каски, направились на завод.

Там и в самом деле было безлюдье. Два-три механика бродили между сложных узлов оборудования.

Мы вернулись в контору. Там разговаривал по телефону высокий молодой человек лет тридцати.

— Это Карлос Висенти,— сказал Кальдерон.— Раньше был здесь же рабочим. Мы его послали учиться. Теперь работает оператором, имеет образование инженера.

— Что вы думаете о будущем Чили? — спросили мы оператора.

— Нелегко ответить на этот вопрос... У нас возникли проблемы с Соединенными Штатами,— осторожно сказал Висенти.— Будущее Чили зависит от помощи, которую ей окажут... Если помощи не будет, наше предприятие может остановиться... Во всяком случае, все более ясно, что Чили следует менять курс на европейские страны. Вероятно, оттуда,— продолжал он все так же осторожно,— можно ожидать помощи... А мы все хотим видеть Чили счастливым.

— Мало информации получаем здесь,— проговорил Кальдерон, когда мы направлялись к машине.— Живем оторванными от больших событий, которые происходят не только в мире, но и у нас на континенте... Сейчас мы поедем в городок Сомбреро, куда должен прилететь за вами самолет.

На въезде в Сомбреро, названном так по имени холма, расположенного здесь же, мы прочли надпись, что в этом городке живут 880 человек.

— У нас каждый человек на счету,— пошутил Кальдерон.— Здесь расположена наша главная контора. Я хочу вам показать еще один дворец спорта. Здесь уже рай для детей. Они имеют все — площадки для игр, бассейн. Впрочем, не только дети! И взрослые. Люди должны забывать, что они живут на острове.

Дворец спорта был и в самом деле отличным сооружением. Дети играли в баскетбол и пинг-понг. Внизу женщины метали шары кегельбана. В буфете мужчины потягивали виски. В одном из залов расположился зимний сад, бурно цвели растения, что на Огненной Земле является редкостью.

Кальдерон набрал номер телефона, что-то спросил и положил трубку.

— Самолет за вами уже вылетел,— сказал он.— Можем еще попить кофе... У нас здесь детей пугают Сибирью, а у вас, наверно, пугают школьников Огненной Землей.

— У нас не пугают детей Огненной Землей, а Сибирь вам бы не плохо посмотреть самому, чтобы потом рассказать о ней детям Огненной Земли.

— Я шучу... Мало информации,— сказал добродушно Кальдерон.— А скоро ли пустят КАМАЗ?

Вот уж такого вопроса при отсутствии информации мы не ожидали.

— Строительство идет полным ходом. Приезжайте, увидите.

— Если выпадет возможность, обязательно приеду, точнее, полечу.

Над домом послышался гул самолета. Мы вышли на площадь перед дворцом спорта.

— Одну минуту,— сказал Кальдерон, смотря на снижающийся самолет.— Посмотрите еще наш кинотеатр, такого в Пунта-Аренасе нет.

...Через несколько минут на пустынном поле мы познакомились с бывшим военным летчиком Ордлафом, на частном самолете прилетевшим за нами.

— Несколько дней назад такой самолет сгорел в воздухе,— сказал, прощаясь с нами, Кальдерон.

— Не беспокойтесь,— спокойно улыбнулся летчик,— долетим благополучно.

— В крайнем случае под вами Магелланов пролив, не сгорите,— снова пошутил Кальдерон.

Мы поднялись в воздух. Мелькнул одиноко стоявший у машины Кальдерон, затем, как огненные тюльпаны, метнулись несколько газовых факелов. Под нами пошли красноватые воды Магелланова пролива.

ВОРОТА АНТАРКТИКИ

Вечером, по возвращении с Огненной Земли, Эдуардо смущенно сказал:

— Завтра воскресенье, жена попросила побыть дома... У нас недавно родилась дочь. В форт Бульнес с вами поедет Гиси Халиль.

— Халиль? Арабское имя?

— Его отец перебрался сюда из Ливана.

После того, как мы вкусили полной мерой холодного, свистящего ветра, поднявшись в люльках по канатной дороге на снежную вершину, откуда начиналась головоломная лыжная трасса, Гиси предложил посетить норковую ферму, расположенную на окраине города. Посмотрев этих мечущихся по клеткам зверенышей, ничего общего не имеющих с тем, что в нашем представлении является норковым мехом, осматривая город, мы остановились возле большой скульптурной группы, на которой были изображены овцы и идущий за ними пастух с оседланным конем. Поставленная на низкой плите группа выглядела почти натурально. Несколько таких скульптурных групп, изображающих первых поселенцев Уругвая, я видел в Монтевидео.

Пока мы любовались скульптурой, мимо нас промчалось несколько пожарных машин.

— Опять что-то горит,— вздохнув, сказал Гиси.

— Почему опять?

— У нас начались пожары в самое неподходящее время года, зимой, когда достаточно сыро, чтобы дома самовоспламенялись.

— Что же это?

— Думаем, что поджоги.

Через несколько минут мы проехали мимо квартала, в котором сгорел дом.

— Это новое городское учреждение было только вчера открыто,— сказал сокрушенно Гиси.— Теперь мы поедем в форт Бульнес — место, где в 1843 году по приказу президента Бульнеса была высажена группа солдат во главе с капитаном Хуаном Уильямом, захватившая территорию, прилегающую к Магелланову проливу, и установившая здесь после сражений с индейцами суверенитет Чили. У нас до сих пор много дискуссий по поводу освоения провинции Магальянес... Здесь были кровавые сражения с индейскими племенами. Но постепенно в этих местах оказались испанцы, югославы, немцы, англичане...

...Дорога шла вдоль берега пролива. День был пасмурный. Справа, ближе к возвышенностям, встречались большие одноэтажные дома, какие-то постройки. Но возле домов было пусто — ни людей, ни живности.

— Поместья бывших латифундистов,— объяснил нам Гиси.

У самой воды виднелись бедные рыбачьи хижины, нехитрая утварь, рваные сети... Дорога пошла чуть в гору, в сторону от пролива. Шофер Хосе включил радио. Мы услышали знакомый, чуть глуховатый голос. Это был голос Пабло Неруды, читавшего одну из его двадцати поэм о любви. Когда-то мы слышали его чтение в Сантьяго, а затем в Москве... Это была, конечно, запись... Но как удивительно гармонировал голос Неруды, земность его стихов с дикой природой, сотнями поваленных, уничтоженных пожаром когда-то деревьев!

А дорога все уходила вверх. Машина шла по тонкой наледи, ее водило из стороны в сторону. На смену черно-бурой почве пошли темнозеленые леса. Вдруг перед нами возникли старые, замшелые бревенчатые ворота, шлагбаум и стоящие возле него солдаты с карабинами. Получив с Хосе стоимость проезда, они подняли шлагбаум. Осторожно продвинувшись вперед еще на несколько сотен метров, мы невольно остановились — такой изумительно красивый вид открылся перед нами. Смесь темной зелени, синеющих вдали гор, снежных вершин и удивительно красивой бухты, по которой, гонимые ветром, плыли парусники.

— Здесь обучаются водолазы,— сказал Гиси.

Хосе включил газ, и мы заскользили вниз со все нарастающей скоростью, в полном сознании своей беспомощности и мгновенном ощущении, что сейчас на повороте покатимся под уклон. Но невозмутимый Хосе каким-то чудом все же вывернул машину влево, мы врезались в кустарники и остановились.

— Цепи есть?— профессионально спросил Бальтерманц.

— Есть,— сказал Хосе и полез в багажник. Мимо нас, оставив машины наверху, поддерживая друг друга, спускались вниз люди. Через некоторое время, поставив на скаты цепи, мы оказались перед старым фортом, превращенным в музей. Над старыми пушками развевался чилийский флаг. Здесь же возвышалась небольшая фигура народного героя Чили О'Хиггинса.

— Это и есть ворота в Антарктику,— сказал Гиси, сам с интересом разглядывая бревенчатые, черные от времени сооружения. В пустых и холодных залах форта висели пожелтевшие портреты чилийских военачальников, рисунки, изображающие индейские поселения, наконечники индейских стрел. Горками лежали ядра.

И стояла удивительная тишина, прерываемая изредка особенно звучным в этой тишине треском автомобильного мотора. Это кто-то отъезжал на японском джипе «тайота» от крыльца расположенного неподалеку дома, где было расположено подразделение чилийских пограничников.

НАД КОРДИЛЬЕРАМИ

Вернувшись из поездки в форт Бульнес, мы еще не знали, состоится полет над Кордильерами или не состоится. Утром появился Эдуардо.

— Собирайте вещи,— сказал он.— Отправляемся на военный аэродром. Там ждет вас самолет. Вернемся на гражданский аэродром, откуда вам лететь в Сантьяго.

На аэродроме мы встретились с губернатором провинции Магальянес, командиром дивизии генералом Мануэлем Гарсиа де ла Крус.

— Отойдемте в ангар, сегодня сильный ветер,— предложил губернатор.— Я слышал, вчера по дороге в Бульнес вы испытали некоторые неудобства?

— Все было очень интересно.

— Зима... Дороги в горах сейчас очень скользкие. Я рад, что мы выполнили вашу просьбу. Это отличные места для тех, кто летит в первый раз. Боюсь, что мы уже больше не увидимся. Как видите, мне приходится совмещать и гражданские и военные обязанности. Счастливого пути,— сказал губернатор, протягивая руку.

К нам подошел летчик.

— Лейтенант Максим Баскунян, первый пилот.

— Второй пилот Хорхе Фрейган,— шутливо отрапортовал молодой летчик с черными усиками.

По хрустящему ледку мы направились к самолету, на хвосте которого виднелась белая пятиконечная звезда.

В самолете Баскунян сел на место второго пилота.

— Сегодня поведет самолет Хорхе.

После того, как в микрофон были сказаны все необходимые слова, предшествующие взлету, Хорхе обернулся к нам и поднял большой палец.

— Чтобы все было хорошо!— прокричал он.

Справа мелькнуло солнце. Самолет оказался над проливом и начал набирать высоту. Показались горы, покрытые заснеженными лесами.

Прошло минут двадцать. Хорхе передал Эдуарду записку:

«Летим на высоте 900 метров. Поднять самолет или опустить ниже?»

Мы попросили поднять... Внизу тянулись коричневые скалы. Чуть в стороне виднелся пролив. Вскоре на берегу пролива показался аккуратный одноэтажный городок. Самолет нырнул вниз и пошел так низко, что видна была рябь на воде.

— Это город Пуэрто-Наталес,— сказал, страдая от смены высот, Эдуардо.— Вот на берегу мясокомбинат, чуть дальше деревообделочный. Пароходом из Пунта-Аренаса сюда плыть шесть часов.

Самолет снова взмыл вверх. Перед нами возникли отвесы Кордильер. Неугомонный Хорхе отправил нам послание: «Дальше лететь нельзя. Сильный ветер, плохая погода».

Что мы могли ответить на это?

Через несколько минут от Хорхе поступила еще одна записка: «Входим в зону, где будет трясти. Не волнуйтесь. Все в порядке. Самолет хороший, пилоты великолепные».

К этому времени мы летели меж двух хребтов, чуть освещенных косым солнцем. Нас действительно трясло. Если лейтенант Баскунян сидел спокойно, меланхолически рассматривая карту, то Хорхе вертелся во все стороны, часто оборачиваясь к нам. Затем он снова на планшете застрочил очередное послание: «Горы, которые левее, к сожалению, от нас закрыты. Но мы еще немного пройдем, чтобы вы имели представление о Кордильерах».

Из четырех человек, занимавших места в этом шестиместном самолете, трое. сидели, прильнув лицом к окошкам, только Бальтерманц метался от одного окна к другому, стремясь запечатлеть «представление о Кордильерах» на фотопленку.

Вскоре Хорхе обернулся и пальцем показал на свои глаза. Эдуардо прокомментировал его жест:

— Он напоминает, чтобы вы смотрели. Впереди сползающий в горное озеро ледник Сан-Рафаэль. А вообще здесь по пути на Сантьяго четыреста километров горных ледников.

Это было действительно захватывающее зрелище — огромное белое пятно, сужающееся книзу, среди коричнево-синих горных отрогов.

Солнце замелькало уже с другого борта.

— Приготовьтесь фотографировать!—прокричал, обернувшись, Хорхе.— Сейчас будет еще одно интересное место.

— Мы повернули в обратный путь,— сказал бледный Эдуардо.

Мы уже носились над Кордильерами два часа. Хорхе снова прислал записку: «Ни в России, ни тем более в США нет такой красоты, как здесь». Послал записку, обернулся к нам, чтобы увидеть, какое впечатление произвела эта откровенность, и увидел страдающее лицо Эдуардо. Мгновенно он все понял — кабину самолета наполнил прохладный воздух. Хорхе протянул нам карту. На ней было написано: «Приземлимся в 12 часов 50 минут». Но приземлились мы чуть позже. Снова перемахнув Магелланов пролив, мы уже шли на посадку, почти коснулись колесами взлетной полосы, но тут же взмыли кверху. Хорхе прокричал:

— Нас прогнали с полосы! На посадку идет «Боинг».

И верно, в окошко мы заметили спускающийся самолет с дымным черным шлейфом.

Баскунян меланхолично стирал с карты нанесенные во время полета обозначения.

Мы вышли из самолета все на тот же хрустящий ледок. За нами спустились на землю пилоты.

— Довольны?— спросил Хорхе и покачал головой в сторону Эдуардо.— Что ж ты?

Через два часа, тепло попрощавшись с пришедшими нас провожать журналистами, и особенно с Эдуардо, так прекрасно организовавшим наше знакомство с провинцией Магальянес и Огненной Землей, мы пересели в пассажирский самолет и в последний раз на чилийской земле взяли курс на Сантьяго.

ВСТРЕЧА С ЛУИСОМ КОРВАЛАНОМ

После встречи с президентом Чили Сальвадором Альенде (о ней мы уже рассказали раньше нашим читателям) нам предстояла встреча с Генеральным секретарем Коммунистической партии Чили Луисом Корваланом. Последние дни он был нездоров, даже лежал в больнице, но к моменту нашего отъезда поправился.

Вместе с советским послом Александром Васильевичем Басовым мы отправились на встречу с Луисом Корваланом.

В здании ЦК Компартии Чили было прохладно. Корвалан встретил нас в незаменимом для такой температуры пончо и предложил пройти в комнату, посреди которой стоял большой прямоугольный стол.

— Очень рад повидаться с вами,— сказал Корвалан.— Надеюсь, вам многое удалось повидать? Есть о чем написать для вашего журнала?

— Конечно!

— Будете писать, передайте сердечные приветы вашим читателям, всему советскому народу.

— Сделаем это с большим удовольствием.

— Мне говорили, у вас есть ко мне вопросы?

— Есть.

— Пожалуйста, я готов ответить.

— Нам бы хотелось, чтобы вы рассказали о современном положении и социальных преобразованиях в Чили.

— В нашей стране развивается серьезнейшая и тяжелая борьба,— начал говорить Корвалан.— Можно сказать, что патриоты завоевали значительную часть политической власти, отвоевав ее у наших врагов. Речь идет о правительстве, об исполнительной власти — этой важнейшей части политической власти. В Чили имеется ряд муниципалитетов, которые возглавляются представителями Народного единства, в ко-

торое входят коммунисты, социалисты и члены других партий. К сожалению, аппараты исполнительной власти работают во многом на старом, буржуазном механизме и состоят часто из служащих, далеких по своим взглядам от Народного единства. Некоторые из них искренне начали сотрудничать с Народным единством. Но есть люди, саботирующие его решения, относящиеся бюрократически, формально к народным нуждам, тем самым стараясь из-за своих враждебных замыслов столкнуть его с народом. Народное единство борется за завоевание полной политической власти, чтобы осуществить все революционные преобразования. В борьбе за это самая мобильная часть находится в области экономических преобразований. Почему избран этот путь? Вы уже, конечно, со многим познакомились. Национализация меди практически была принята единодушно. Даже демохристиане не решались сказать «нет» переходу экономических средств в руки государства. Даже они понимали, что созрела необходимость преобразований в этой области. Назрела необходимость преобразований и в ряде других областей, при том положении, когда большинство, которого мы пока еще не имеем, будет поддерживать наши позиции. Необходимо изменить это положение, но мирным путем, в рамках существующего законодательства, но не в обход конституции, как это предлагают некоторые торопливые люди. Таким образом, одна из главных задач — изменить соотношение сил. Некоторые спрашивают: можем ли мы идти дальше в рамках нынешнего законодательства? Мы положительно отвечаем на этот вопрос. И вместе с тем больше чем кто-либо убеждены в том, что ряд современных институтов тормозит развитие революционных преобразований. Исходя из этого мы считаем вопрос соотношения сил коренным, принципиальным вопросом. Лучшее — в нашу пользу — соотношение сил позволит нам значительно продвинуться вперед и установить более приемлемое для народа взаимодействие между всеми действующими в стране институтами власти. К этому следует добавить, что политические институты Чили, вся эта суперструктура в этой стране создавались для удобства, по образу и подобию правящего раньше класса. Конечно, народ наш многого достиг благодаря своей борьбе, неся мнение народа в систему государственных учреждений, как бы включив в эти требования свои цели и тем самым доказывая, что все реквизиты политических институтов могут служить для пользы народа.

Исполнительная власть и правительство — одна из основных сил страны. В руках президента республики и исполнительной власти находится политический аппарат страны: внешняя торговля, внешние связи, полиция, зарплата, цены — все это сосредоточено в руках исполнительной власти, оказывающей влияние на законодательные власти по разным каналам и различными способами, подчиняя их себе... Процесс этот очень сложный... Но, повторяю, основа нашей политики — поднятие сознания народных масс до уровня общих задач чилийской революции. Через национализацию меди и других объектов производства мы отрубили связи с американским империализмом, вернули себе примерно 700 миллионов долларов, уходивших ежегодно в США.

Мы реконструируем металлургический комбинат, который вместо 550 тысяч тонн стали в год будет давать 1 200 тысяч. У нас возрастет добыча угля до 3 миллионов тонн. Мы осуществили аграрную реформу, чего не могли сделать демохристиане в течение 6 лет. Мы увеличиваем количество орошаемых земель. Установили тесные связи с социалистическими странами и одновременно проводим реалистическую политику с соседними странами. Мы поднимаем уровень жилищного строительства, по государственному бюджету вводя сейчас 85 тысяч квартир в год, имея одновременно в виду, что нам, по минимальным подсчетам, не хватает 570 тысяч квартир. Мы снизили уровень безработицы с 8 процентов примерно до 3 процентов. В 1971 году мы достигли прироста валовой продукции промышленного производства на 12 процентов. Всего этого мы добились благодаря применению экономической политики, перераспределению доходов, повышению покупательной способности. Мы можем сказать об определенной активизации промышленного развития...

И вместе с этим мы понимаем, что еще отстаем в реорганизации политических институтов, в развитии культурного строительства, в завоевании более прочных позиций в области пропаганды. Борьба за завоевание политической власти немыслима без господства над средствами пропаганды, которые должны завоевывать сознание и сердца людей.

Мы ведем постоянную, терпеливую борьбу за консолидацию сил Народного единства. Поддерживаем решительную и вместе с тем реалистическую политику президента Альенде. За последнее время мы выиграли целый ряд политических сражений. Я имею в виду выборы руководства профсоюзов, руководства университетов, выборы депутата парламента в провинции Кокимбо. Можно сказать, что после этих испытаний и целого ряда других событий правительство вышло значительно более окрепшим. Что можно сказать еще? Правительство все больше завоевывает инициативу для перехода в наступление. В ближайшее время будут предприняты новые шаги по укреплению экономики и финансовой политики. Подготовка этих вопросов идет быстрыми темпами. Мы переживаем период, который активно способствует изменению в соотношении сил.— Корвалан остановился и спросил: — Что еще? Могу только добавить, что за последнее время ни одно правительство в Чили в первые два года своего правления не имело большинства среди населения. Мы поставили перед собой задачу: изменение этой закономерности. Надеемся, что нам удастся этого добиться, несмотря на бешеное сопротивление врагов народной власти. Вот, пожалуй, и все, что я мог вам рассказать, имея в виду, что со многими людьми вы беседовали, многое повидали и во многом сами убедились.

— Это действительно так, товарищ Корвалан... Но мы еще и запомнили вашу прекрасную речь на Двадцать четвертом съезде Коммунистической партии Советского Союза.

— Двадцать четвертый съезд реально показал, что единство коммунистического движения крепнет, и в этом огромная заслуга мудрой политики КПСС. Борьба за европейскую безопасность имеет большое значение не только для европейских стран. Солидарность с борьбой вьетнамского народа, поддержка борьбы арабских народов, прозвучавшие в резолюциях съезда, имеют большое значение. Международные договоры, заключенные правительством Советского Союза с ФРГ и США, отвечают жизненным интересам народов всех стран... Но я бы сказал еще больше: само направление политики Советского Союза, «мирное наступление», как его стали называть, обозначило новый этап в международной жизни. Чилийский народ, Коммунистическая партия Чили, все партии, входящие в блок Народное единство, самым высшим образом оценивают эту политику и глубоко признательны Советскому Союзу за ту помощь, которую он оказывает Чили.

Беседа закончилась. Корвалан предложил нам осмотреть зал заседаний ЦК, на стенах которого висели портреты тех, кто когда-то заложил основы Чилийской коммунистической партии. Вместе с ним мы вышли на улицу.

— Счастливого полета,— сказал он, прощаясь с нами.

* * *

На другой день на самолете «Люфтганзы» мы взяли курс на Нью-Йорк, чтобы там пересесть на советский самолет и вернуться в Москву.

Еще в самолете, перелистывая страницы записных книжек, я снова и снова возвращался к тем местам, где мы побывали за эти насыщенные дорогами и встречами дни; к тем людям, с которыми нам удалось во время путешествия говорить и открывать друг другу душу. Уже после возвращения в Москву из газетных сообщений мы узнавали о все более обостряющейся классовой борьбе, развертывающейся в Чили, о новых кознях, которые выстраивают различные американские фирмы и компании, потерявшие в Чили огромные доходы и прибыли. Что ж, все это закономерно. Нигде и никогда еще наши классовые и идейные враги не уступали без боя своих позиций. Пример Чили в последние годы, может, является одним из самых типичных в этом отношении.

Да, Чили сейчас действительно является Огненной Землей — не только тот небольшой остров, носящий это имя, как собственное, но и вся страна, насыщенная классовым, революционным зарядом, сметающая тех, кто пытается любыми способами задержать мощное движение чилийского народа к новой, свободной жизни, независимой ни от своих, ни от американских капиталистов!

Мы верим в полную победу чилийского народа!

И мы от всего сердца желаем народу Чили этой победы!

Сантьяго — Москва.

Окончание. Начало см. в №№ 33, 40, 41, 42.

РУКАМИ ИСКУСНЫХ МАСТЕРОВ

Генриетта АЛОВА
Фото Германа МАКАРОВА.

Хотя заслуженному деятелю искусств РСФСР Н. Н. Померанцеву за 80 лет, он продолжает трудиться. Николая Николаевича можно увидеть председателем или членом различных авторитетных комиссий, принимающих реставрированные произведения древнерусских златокузнецов, резчиков по дереву, камню, златошвей...

В первые годы Советской власти он заведовал архитектурными памятниками Московского Кремля, а затем отделом серебра в Оружейной палате. Как-то из Курска пришло сообщение о находке богатого клада. За ним командировали Померанцева.

В Курске Николаю Николаевичу показали литой обруч, украшенный медальоном из перегородчатой эмали, два браслета и двухметровую цепь — все из червонного золота. Померанцев отправился в деревню Большой Каменец, где был обнаружен клад.

Вот что выяснилось. Неподалеку от речки Суджи провалилась тяжело груженная телега. Крестьянин, справившись с бедой, уехал, а на этом месте образовалась яма. Случайно оказавшиеся здесь ребята заметили — в яме что-то блестит. Кто-то из мальчиков крикнул: «Хлопцы, клад!» И закипела работа. Были обнаружены цепь, кованый обруч и браслеты. Ребята надели обруч на собаку, приладили к этому ошейнику цепь и с триумфом возвратились домой. Вскоре эти ценности были отправлены в Курск. У жителей деревни Большой Каменец Николай Николаевич узнал, что впоследствии один из подростков откопал в яме серебряный кувшин необыкновенной красоты и подарил его старшему брату, а матери преподнес крышку от него.

Приняв крышку по акту и записав адрес брата, Померанцев уехал.

Через некоторое время в Оружейную палату привезли кувшин. Судя по клейму на его донышке с изображением богини, покровительницы Византии, эта вещь была сработана за несколько веков до нашей эры. По мнению византолога Л. А. Мацулевича, кувшин был вывезен из Византии конунгом — варварским князем из племени восточных готов. Должно быть, ему принадлежали и остальные вещи.

В инвентарной книге Оружейной палаты часто встречается фамилия Померанцева. Находкам этого историка и крупнейшего знатока древнерусского искусства посвящены многие диссертации, но только он может рассказать о том, как вывозил ценности из монастырей и кремлей. Однажды он вошел в вагон, набитый мешочниками, с деревянным ящиком. Никто не обратил внимания на скромно одетого человека. А в ящике лежал оклад и шейная гривна царя Василия Ивановича Шуйского.

Помимо драгоценностей, в Оружейной палате экспонируется одежда исторических лиц. Из Соловецкого монастыря Померанцев привез шубу митрополита Филиппа — Колычова, убитого, по преданию, Иваном Грозным. Шуба восстановлена реставратором высшей квалификации Марией Григорьевной Баклановой.

Много лет назад эта женщина была в Оружейной палате уборщицей. Стала присматриваться к работе старых реставраторов, учиться у них. На нее обратили внимание. За двадцать шесть лет она укрепила, промыла, освежила бесчисленное количество дробниц, драгоценных каменьев на кокошниках, митрах и других изделиях, заменила обветшавший бархат и шелк. Не счесть перенизанных ею жемчужин. Подвески к древним головным уборам она повторяет с таким совершенством, что не уступает в этом искусстве древним мастерицам.

— Вот моя работа,— говорит она, останавливаясь у витрины с красным бархатным сапожком. Расшитый жемчугом, он повествует о безупречном вкусе златошвеи, выполнившей травный рисунок. Перед реставрацией на сапожке была лишь одна жемчужина. Помогли рентгеновские лучи. С их помощью на бархате обнаружили каждый прокол иглы, каждую вмятину. И теперь сапожком, который носила княжна или боярышня XVI—XVII веков, любуются посетители Оружейной палаты.

Зачастую на столы реставраторов ложатся уникальные вещи. Л. И. Синельниковой, М. Г. Баклановой и Н. Ф. Сотцковой было доверено восстановление знамени дружины Дмитрия Пожарского.

За триста с лишним лет малиновая тафта стала жесткой и хрупкой, сыпалась при каждом прикосновении. С большим трудом из кусочков разной величины удалось собрать знамя. Древний стяг, на котором кое-где сохранилась живопись, лежит теперь под стеклом.

Владимир Михайлович Германюк поначалу работал в Кремле слесарем. Любое дело выполнял так, что многие только прищелкивали языком. Ему предложили стать учеником знаменитого реставратора Ф. Я. Мишукова. Тот был уже в летах и мечтал передать свои знания достойному преемнику. К нему и пришел Германюк.

Придирчивый учитель отметил сноровку и уверенность движений слесаря. Стал показывать «больные» и «излеченные» вещи, рассказывая их биографии. Германюк принялся изучать труды историков, археологов и искусствоведов. И наступило время, когда Мишуков положил на рабочий стол Германюка первую драгоценность, нуждавшуюся в реставрации.

С той поры прошло не так уж много лет, а Владимира Михайловича стали называть Левшой. Ему доступна любая тонкая и тончайшая работа.

На столе Владимира Михайловича побывали хронометры, брегеты и другие творения часовых дел мастеров XVI—XIX столетий. И все они стали точно отмерять время.

На четвертой обложке журнала: В. М. Германюк за работой; ритуальный сосуд из синего венецианского стекла, извлеченный из саркофага Ивана Грозного; личное охотничье ружье Петра I, выполненное тульскими оружейниками; символические ключи от проездных башен Московского Кремля (XIX век); тарелка, выпущенная в первые годы Советской власти Ломоносовским фарфоровым заводом в Ленинграде.

МОЛОДАЯ ВСЕГДА!

Москва. Сущевская улица, 21. Этот адрес известен миллионам юношей и девушек, потому что здесь каждый год рождается 40 миллионов книг, появляются на свет десятки газет, журналов и альманахов. Этот адрес полюбили писатели и поэты, публицисты и песенники, известнейшие имена которых украшают советскую литературу.

В эти дни издательству «Молодая гвардия» 50 лет. Мы попросили директора издательства **Валерия Николаевича Ганичева** ответить на несколько вопросов в связи с юбилеем.

Как, с чего началась «Молодая гвардия»?

Шел 1922 год. Гражданская война окончена, наступило время строительства нового мира. В Москве собирается V съезд РКСМ. Делегаты горячо обсуждают сложные проблемы коммунистического воспитания молодежи. «Коммунистом стать можно лишь тогда,— говорил В. И. Ленин,— когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». Обогатить память, сформировать мировоззрение, нравственные убеждения невозможно без хорошей, правдивой, интересной, умной книги. Книги — собеседника, друга, учителя. V съезд принимает резолюцию о создании молодежного издательства. Робкими и неуверенными были его первые шаги. Не было ни прочной материальной базы — средства поступали на кооперативных началах,— ни своей типографии, ни кадров. В «Юном коммунисте», «Юношеской правде» можно было читать тогда такие объявления: «Тов. Х. вносит рубль в фонд издательства «Молодая гвардия» и вызывает на соревнование всех остальных!» В первый год вышла 71 брошюра общим тиражом 584 тысячи экземпляров — менее полутора процентов того, что выпускается сейчас. Сегодня в распоряжении нашего издательства огромные суммы, современный полиграфический комбинат, жизнедеятельный, творческий коллектив редакторов.

Назовите, пожалуйста, книги, составляющие золотой фонд издательства.

Это прежде всего «Как закалялась сталь», впервые выпущенная нашим издательством еще в 1932 году. Она стала боевым оружием комсомола, на ней воспитывались поколения советских патриотов. Роман «Рожденные бурей», «Разгром», «Тимур и его команда», «Военная тайна», «Молодая гвардия», ставшая эпохальной для издательства... Книг очень много, и перечислить даже золотой фонд невозможно. Правильнее было бы называть авторов, активно печатавшихся в нашем издательстве: Максим Горький, Маяковский, Фурманов, Фадеев, Соболев, Пришвин, Лацис, Светлов, Багрицкий, Гайдар, Федин, Безыменский. Произведения Шолохова, Леонова, Шагинян, Гончара, Пескова, изданные «Молодой гвардией», были удостоены высшей в стране награды — Ленинской премии. Более сорока книг удостоены Государственных премий. Я еще не сказал о плеяде писателей, чьи талантливые, глубоко партийные произведения посвящены воспитанию подрастающего поколения советского общества. К ним относятся Георгий Марков, Кожевников, Алексеев, Стельмах, Айтматов, Грибачев, Михалков, Закруткин, Калинин, Кочетов, Викулов, Рытхэу. Их повести, романы, поэмы стали добрыми и неразлучными друзьями юности.

Образ молодого человека, героя двадцатого века — каким он предстает в произведениях писателей, которых вы назвали?

Главный герой наших книг — молодой человек, рожденный Октябрем, выросший в советское время, строитель социализма и коммунизма. Прежде чем приступить к его характеристике, мне хотелось бы напомнить слова Максима Горького о задачах советской литературы, сказанные им на заре ее рождения: «Мы хотели бы воспитывать героическое, мужественное отношение к действительности, хотели бы внушить человеку, что это он — творец и хозяин мира». Книги нашего издательства участвовали в осуществлении воспитательных задач всем своим содержанием, всеми средствами эстетического и нравственного воздействия, но прежде всего правдой и красотой своего нового героя.

Так каков же он, этот герой? Как развивался его образ на протяжении полувека? Сначала он был героическим Павкой Корчагиным, мужественно отстаивавшим завоевания революции. Потом он сменил буденовку на ушанку, стал строить железные дороги и заводы, врубаться в тайгу и ставить мосты. Образ Павла — олицетворение неиссякаемой энергии молодости, беззаветного служения родине, народу и партии, стал знаменем молодежи.

Вероломное нападение фашистской Германии прервало созидательный труд советского народа. Снова пришлось молот сменить на винтовку. На фронтах Великой Отечественной войны и в тылу врага молодежь ковала победу. На смену Павлу Корчагину пришли бесстрашные Олег Кошевой и Зоя Космодемьянская, Александр Матросов и Лиза Чайкина. Целую галерею немеркнущих портретов молодых героев представили Фадеев, Бирюков, Гончар.

Отгремели бои, и мы видим наследников Павки Корчагина на лесах послевоенных пятилеток. Внешне они как будто далеко ушли от строителей Комсомольска-на-Амуре, Магнитки и Днепрогэса, у них другие как будто запросы в жизни, да и другая наступила эпоха, эпоха научно-технической революции. Но молодой герой — наш современник, будь он рабочим или колхозником, студентом или воином, остается романтиком, человеком большой и щедрой души, активным участником коммунистического строительства. Таким он предстает в произведениях Сартакова, Астафьева, Быкова, Межелайтиса, Бондарева, Шамякина, Чивилихина, Рекемчука, в десятках книг молодых прозаиков и поэтов. Характерно, что в облике героев последних лет все острее вырисовываются новые, социалистические высоконравственные принципы, бескомпромиссность, стремление доискиваться во всем до истины, жить творчески, активно. В этом веяние самого времени, поставившего на повестку дня всестороннее развитие личности, «гармонически сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство». Примером людей такого склада, подлинными героями современности стали советские космонавты. Не случайно в нашем издательстве выходили не только книги о них, но и они сами стали нашими авторами. В редакции бережно хранится верстка книги «Психология и космос». Юрий Гагарин подписал ее за два дня до своего последнего полета. Принес нам свою потом уже посмертно изданную книгу «Шагаем в небо» космонавт Волков. Издательство выпустило книгу космонавта Берегового «Угол атаки» и альбом рисунков космонавта Леонова и другие книги.

Нельзя ли раскрыть на каких-либо примерах творческую лабораторию издательства? Как идет работа с молодыми авторами?

В активе нашего авторского коллектива больше всего молодых прозаиков и поэтов. И многие теперь уже признанные писатели начинали свой творческий путь у нас. Мы можем гордиться, что именно в «Молодой гвардии» впервые отдельными изданиями вышли произведения Олеся Гончара, Расула Гамзатова, Владимира Солоухина... Некоторых авторов мы «открыли» сами. Это Владимир Колыхалов, сибирский писатель, удостоенный премии имени Н. Островского. Юрий Бородкин из Ярославля тоже полностью «наш». Его «Запретная любовь» признана лучшей книгой прошлого, 1971 года. Что же касается творческой лаборатории... Работа с авторами начинается с момента поступления рукописи. Вот как было с Юрием Додолевым. На одном из семинаров он занимался у Юрия Бондарева. Обратил на себя внимание обостренным взглядом на жизнь. Его книга «Что было, то было» — талантливая и интересная, но рукопись первоначально нуждалась в доработке. Работа шла над ней «слоями» — первый заход, второй. Автор много передумал, пересмотрел свои позиции — в конце концов получилось! А вот еще одна история. Станислав Романовский работал в журнале «Сельская молодежь». Первые свои рассказы даже не решался никому показывать. Потихонечку, стесняясь, давал читать нашему корректору. А корректор возьми да и скажи нашим редакторам. Романовского пригласили в издательство, он был участником второго Московского совещания молодых писателей. В итоге — интересный сборник рассказов «Поздняя ягода — ежевика». Помогают находить нам молодые таланты совещания, семинары, республиканские конкурсы. В результате каждый год у нас появляется 40—50 дебютантов. Специально для них созданы серии первых книг — «Молодые голоса», «Молодые писатели», ежегодники «Лауреаты премии Ленинского комсомола», «Комсомол республик представляет», альманах «Мы — молодые».

Приближается 50-летие СССР. Что выпустит издательство к этой знаменательной дате?

Двадцать тематических сборников и отдельных книг, рассказывающих о пути, пройденном нашей страной за полвека. Среди них сборник «Мы живем в СССР». В нем говорится о том, чего мы достигли за годы Советской власти, раскрываются величественные задачи, стоящие перед народом в девятой пятилетке; сборник вопросов и ответов о различных сторонах жизни советского народа «СССР отвечает»; своеобразная поэтическая антология «Песнь любви» — в ней представлены лирические поэты всех народов, живущих в нашей стране. Кстати, писатели союзных и автономных республик всегда желанные наши авторы. Во всех сборниках и альманахах республиканские авторы участвуют самым широким фронтом.

Каковы планы издательства и его перспективы?

Выпускать хорошие книги, конечно. С этой целью проводим обсуждения, устраиваем советы, на которые приглашаем общественность, высказывающую свое мнение о выпущенных нами книгах. Готовим и потом широко освещаем всесоюзные совещания молодых писателей. Сейчас надвигается шестое такое совещание. К его открытию выйдет сборник «Мастерская» — о литературной учебе.

У нас неплохая полиграфическая база, которой предоставлены все возможности для непрерывного расширения, реконструкции и модернизации. Вот и сейчас опробованы многокрасочные машины, которые позволят выпускать книги с офсетными иллюстрациями. В типографии сложился замечательный коллектив наборщиков, печатников, оформителей. Словом, пятьдесят лет — это, конечно, немало, но, пожалуй, никогда наше издательство не чувствовало себя таким молодым и сильным, как сейчас!

Этот снимок сделан в Киеве после возвращения Валерия Борзова из Мюнхена. Но фотография, которую Борзов держит в руках, не олимпийский сувенир, она сделана в 1949 году, в том самом, когда Борзов родился. На финише два знаменитых предшественника сильнейшего спринтера мира — Петр Головкин и Николай Каракулов.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Интервью «Огонька»

НА ОЛИМПИ

Валерий БОРЗОВ, двукратный олимпийский чемпион

В номере 44 журнала «Огонек» за 1971 год был напечатан очерк о Валерии Борзове «Судьба спринтера». К тому времени молодой бегун успел дважды победить на чемпионатах Европы — в Афинах и Хельсинки — и добиться нескольких побед над сильнейшими спринтерами США. И вот теперь снова прозвучало знакомое имя. На XX Олимпийских играх в Мюнхене Борзов завоевал две золотые медали на дистанциях 100 и 200 метров.

Он удостоен за эту победу высшей награды — ордена Ленина.

Мы попросили нашего замечательного спортсмена поделиться с читателями «Огонька» своими олимпийскими впечатлениями.

Мне хочется начать свой рассказ об одиннадцати стартах в Мюнхене с одного признания: к XX Олимпийским играм мы (то есть я и мой тренер Валентин Васильевич Петровский) начали готовиться за четыре года, в те дни, когда спортсмены и любители спорта жили еще предвкушением близящихся стартов XIX Олимпиады в Мехико. Хотя к тому времени мне и удалось добиться некоторых успехов в спринте, Валентин Васильевич, исповедующий довольно парадоксальный для бега на короткие дистанции принцип — торопиться не торопясь,— даже не помышлял о моем участии в XIX Олимпиаде. И вот все четыре года между Мехико и Мюнхеном мы жили по тщательно продуманному графику, в котором было учтено все: количество соревнований и количество тренировок, каждый новый старт — частица единого, тщательно продуманного плана, каждый новый финиш — поправка к этому плану.

Одной из существенных деталей нашей подготовки были встречи с лучшими спринтерами мира, и прежде всего с бегунами США. Они за всю историю современных Олимпиад всего лишь трижды уступали первенство на коротких дистанциях европейским бегунам: на VIII играх англичанину Абрахамсу и на XVII немцу Хари и итальянцу Берутти, и мне было необходимо испытать свои силы в борьбе с заокеанскими корифеями. До Мюнхена пять раз я встречался с ними, и мы, конечно, самым тщательным образом анализировали каждый забег, вели точнейший учет результатов, но не знал я тогда, что этот учет потребуется мне в Мюнхене вовсе не на беговой дорожке, а на пресс-конференции после победы...

Хотя счет встреч с американцами был явно в мою пользу, я понимал, что на Олимпиаде меня ждут серьезные испытания: ни с одним из спринтеров США, попавшим в олимпийскую команду, мне до этого встречаться не приходилось. И вот они передо мной на тренировочном поле олимпийского стадиона — Роберт Тэйлор, Эдди Харт, Рей Робинсон, высокие, столь обманчиво неторопливые за пределами беговой дорожки, поражающие эластичностью и вместе с тем стремительностью своих движений в беге.

Правда, на тренировках мне удавалось пробегать 50-метровые отрезки быстрее, чем великолепной американской тройке, да и Саша Корнелюк не уступал им на прикидках, но кто мог поручиться, что американцы раскрыли все свои возможности еще до первого старта? Ведь борьба на таких соревнованиях, как Олимпиада, начинается задолго до решающих стартов. Именно учитывая это, я избрал тактику открытых карт и решил сразу же, еще на тренировках, потрясти своих соперников. Но американцы, может быть, приберегли свой сюрприз?

Тактика и спринт? Не парадокс ли это? Ведь многие считают, что скоротечные мгновения спринтерского бега исключают тактику как таковую. Может быть, раньше так это и было, но в наше время подобный взгляд — заблуждение. Нет, спринтеры используют тактику так же, как и бегуны на средние и длинные дистанции.

В Мюнхене я провел первую психологическую атаку еще на тренировках, показав, что мне подвластны самые высокие скорости, а затем решил поразить своих соперников в четвертьфинале. Все три американца на предолимпийских соревнованиях сезона пробегали сто метров за 9,9 секунды, повторив время мирового рекорда. Пусть же знают, что и в Европе теперь освоены такие экстраскорости.

Утром 31 августа около 100 спринтеров начали борьбу. Двенадцать предварительных забегов, даже учитывая скоротечность каждого из них, требуют времени, но мне повезло: я стартовал во втором забеге и, закончив дистанцию с достаточно высоким результатом — 10,47 секунды, сразу же отправился в комнату отдыха. Через два часа должны были начаться четвертьфиналы, и в этом забеге мне предстояла встреча с Робертом Тэйлором.

Вскоре рядом со мной на матах расположился и Саша Корнелюк, и это значило, что мы не понесли потерь. Зато потери понесли американцы, и притом самые неожиданные. Когда за полчаса все участники четвертьфиналов собрались в «предбаннике», откуда нас выводили на дорожку, из трех американцев я увидел там лишь одного — Роберта Тэйлора. А где же Харт, где Робинсон? Что, они не собираются бежать?

Отправился на старт первый забег — никого из американцев. Выпустили на сектор второй забег — и снова никого из спринтеров США. Скоро и нам выходить, участникам третьего забега, но где же он, Роберт Тэйлор? Его тоже нет в «предбаннике». Спрашиваю судью по-английски, когда старт третьего забега,— мотает головой. Пытаюсь пройти на поле — не пускает. И вдруг из-за его спины я вижу Роберта Тэйлора, прилаживающего на дорожке колодки. Говорю судье, что бегу по второй дорожке,— не пускает... До сих пор не пойму, в чем была загвоздка. Но тогда раздумывать над этим времени не было. «Опаздываю на старт»,— мелькнула мысль, и я чуть ли не силой прорвался на поле. Но смогу ли я после непредвиденных волнений собраться за те считанные мгновения, которые у меня остались? Не надо ли менять тактический план бега? А Тэйлор рядом, невозмутимый, неторопливый...

Те, кто видел меня перед стартом четвертьфинального забега, не могли себе и представить, как я был взволнован этим неожиданным происшествием. Тут надо расшифровать понятие «волнение». Дело в том, что спринтер не может оставаться спокойным, перед стартом он должен уметь «завести» себя еще до бега, но между этим предстартовым волнением и тем, что я испытал по воле цербера из «предбанника», разница была той же, что между предбанником и парилкой. Вот почему я и задал себе вопрос: а не изменить ли тактику? Может быть, отказаться от высокой скорости, которую я намерен был развить в этом забеге? И тут же я решил: нет, ничего менять не буду, у меня есть еще время прийти в себя.

И действительно, как только я почувствовал под шипами своих туфель упоры стартовых колодок, а под кончиками пальцев упругую поверхность рекортановой дорожки, как сразу же появилась привычная сосредоточенность, страстное желание выиграть у Тэйлора.

В спринте очень важно катапультировать с колодок в самое мгновение выстрела, ни на сотую секунды позже, и, чтобы достигнуть этого, надо не только выработать в себе осо-

бую реакцию на выстрел, но и заранее изучить ритм судейских команд. Я сумел изучить манеру немецкого стартера еще на предолимпийских соревнованиях, а потом и во время тренировочных забегов и был уверен, что старт возьму хорошо...

Я не случайно применил авиационный термин — «катапультирование». Мне никогда не приходилось таким способом покидать борт самолета, но я совершенно ясно представляю себе, что бегун испытывает после стартового броска то же ощущение, что и летчик после выстрела катапульты. Сознание бегуна выключено огромной скоростью, обрушившейся на него, но на сороковом, а иногда и пятидесятом метре над ним как бы вспыхивает купол парашюта, и хотя скорость, влекущая его вперед, не только не снижается, а даже возрастает, он начинает реагировать на окружающее, управлять своим бегом... Первое, что я понял, пробежав половину дистанции,— это то, что Тэйлора рядом со мной нет, что скорость моя близка к предельной, что забег я выигрываю. И тут же принял решение — сбросить темп...

Когда на пресс-конференции после финала меня спросили, бежал ли я в полную силу, я ответил, что бежал примерно на девяносто процентов своей мощности. Да, даже финал стометрового бега был проведен мною не в полную силу. Но лучше все по порядку. Вернемся к финишу четвертьфинального забега, к тому решению, которое я принял за двадцать метров до конца. Вполне допускаю, что на клетках (так мы называем последние пять метров, разлинованных белыми линиями) я потерял новый мировой рекорд, но на Олимпийских играх прежде всего надо думать о победе. С введением электронных счетчиков становится все труднее сбросить хотя бы сотую секунды с мирового рекорда. Отошли в прошлое идиллические времена, когда результат, показанный спринтером, фиксировался с помощью ручных секундомеров, с точностью всего лишь до одной десятой секунды. Электронный счетчик определяет результат бегуна с точностью до одной сотой, и весьма вероятно, что 10,07 секунды, показанные мною в четвертьфинале, в эпоху ручных секундомеров обернулись бы новым мировым рекордом.

забегов так и не явились и таким образом выбыли из дальнейшей борьбы. Почему не явились? Зачем же надо было им добиваться мест в олимпийской команде? Но я тут же отбросил все вопросы. Пусть их задают себе хозяева американской команды, а мое дело — готовиться к завтрашнему дню. Ведь завтра в три часа тридцать минут, вне зависимости от количества американских спринтеров, продолжающих борьбу за золотые медали, меня ждет полуфинал, а еще через два часа и финал. Вот к чему надо готовиться, вот о чем думать. И в тот вечер мои соседи по квартире в олимпийской деревне Евгений Аржанов, Виктор Санеев и Кестутис Шапка предоставили мне и Валентину Васильевичу Петровскому все возможности для того, чтобы спокойно собраться с мыслями.

Психология бега значительно труднее поддается анализу, чем его биомеханика. Значительно проще определить угол отталкивания тела, оптимальный его наклон, чем оптимальную волю бегуна к победе. Тут даже самый опытный тренер не станет навязывать своих советов, и мы с Валентином Васильевичем больше обсуждали детали прошедшей борьбы, чем говорили о борьбе предстоящей.

Как бежать полуфинал? В своих предварительных расчетах я предполагал, что после скоростного четвертьфинала буду бежать не на результат, и еще утром, отправляясь на стадион вместе с Сашей Корнелюком, не собирался менять своего решения. Я был убежден, что выбрал правильный вариант бега. Зачем же менять свою тактику, когда Тэйлор и Миллер, серебряный призер мексиканской Олимпиады, выступают не со мной, а во втором забеге вместе с Корнелюком?..

Вечером я увидел себя в телевизионном репортаже перед стартом (мюнхенское телевидение обычно по вечерам повторяло в записи утреннюю программу). Так вот как я выглядел, готовясь к полуфиналу! Я беспечно пританцовывал перед колодками, а рядом со мной, пытаясь изобразить на лицах полнейшее спокойствие, приплясывали немец Хиршт, тринидадец Кроуфорд, Фрей с Ямайки... Не знаю, чем были заняты мои соперники, но я в эти мгновения решил изменить тактику бега, бежать полуфинал на высокой скорости.

Чем же было вызвано мое неожиданное решение? Даже сейчас трудно ответить на этот вопрос. Может быть, я все еще жалел о потерянных сотых секунды в четвертьфинальном беге и хотел добиться большего? Может быть, посчитал, что хоть мы и бежим с Тэйлором в разных забегах, но мой результат все равно скажется на его настроении? Так или иначе, но перед самым стартом я изменил весь свой план и действительно пробежал дистанцию с высокой скоростью — за 10,21 секунды.

С нетерпением я ждал в комнате отдыха Сашу Корнелюка. Как пробежал Тэйлор? Заставил ли я выложиться его по-настоящему? И когда я узнал, что Тэйлор пробежал дистанцию за 10,30 секунды, я понял, что правильно сделал, отказавшись в полуфинале от спокойного бега.

Но на что способен Тэйлор в финале? На этот вопрос ответить, конечно, было трудно, однако мы понимали, что теперь, когда на Тэйлоре сосредоточились все надежды американцев, этот прекрасный бегун сделает все возможное, чтобы победить. Нет, отсутствие в финале Харта и Робинсона не облегчало моего положения. Их неудача была, конечно, для Тэйлора своеобразным психологическим допингом, и, придя к такому выводу, я тут же решил больше не думать ни о Роберте Тэйлоре, ни о Харте, ни о Робинсоне, непостижимым образом проспавших свои четвертьфиналы, ни о греке Папагеоргопулосе, хоть и боровшемся до конца, но потерпевшем неудачу в своем полуфинале. Их всех не будет в финале, но Тэйлор и Миллер займут места рядом со мной: американец побежит по первой дорожке, ямаец по третьей, а мне бежать по второй.

Четыре года тому назад, выступая на второй дорожке в Киеве, я впервые пробежал 100 метров за 10 секунд, и вот сегодня тоже побегу по второй. Но мне все равно, по какой дорожке бежать. Лишь бы сил хватило.

Когда мы вышли на старт, все было как всегда: я не опоздал с броском и вовремя успел заметить после первых 50 метров, что ни Тэйлора, ни Миллера нет рядом, а когда за финишной чертой меня обнимали товарищи по команде, то уже думал о другом беге — на 200 метров.

ЙСКОЙ ДОРОЖКЕ

Я не мог не подумать об этом, увидев на электротабло мой результат. Вот почему, наверное, я испытал не чувство удовлетворения, а досады. Еще бы! Уже пять раз до этого забега мне удавалось укладываться в десять секунд ровно, и каждый раз что-нибудь мешало прорваться сквозь этот рубеж. То я бежал при встречном ветре, то во время ливня. А тут ручной секундомер сменили на электронный. Попробуй теперь преодолеть «ручной» рекорд, после того как на вооружение судей пришла электронная техника!

Вот о чем я думал, отправляясь на отдых, хотя и понимал, что в Мюнхене надо думать не об утопическом рекорде, а о реальной олимпийской победе. В конце концов рекорды все равно бьются, а победа остается. Особенно олимпийская. Это, видимо, понял и Тэйлор, судя по тактике, избранной им в четвертьфинале: пришел вторым, обеспечил себе дорогу в полуфинал и, наверное, доволен. А как же пробежали Эдди Харт и Рей Робинсон? И тут-то меня и огорошила удивительная новость: ни тот, ни другой на старты четвертьфинальных

Финиш четвертьфинального забега на 100 метров. Американец Роберт Тэйлор проигрывает Валерию Борзову.

Фото А. Каткова и Ю. Моргулиса (ТАСС).

Когда я решил, что буду выступать и на этой второй дистанции? После финиша стометровки или еще раньше, после четвертьфинального забега? Получая свою первую золотую медаль или отвечая на вопросы журналистов? В прокуренном подтрибунном зале, забитом до отказа репортерами, кто-то спросил меня, побегу ли я 200 метров, и я ответил, что этого еще не решил. Но через несколько минут я уже знал, что побегу. Я окончательно понял, что побегу после того, как какой-то маленький человечек, упрямо сующий мне чуть ли не в рот свой микрофон, спросил, не смущает ли меня то, что чемпион Олимпийских игр в беге на 100 метров определен в отсутствие сильнейших спринтеров США...

Я, признаться, не являюсь большим мастером словесных поединков, и то, что заданный мне вопрос имел острый подтекст, понял лишь по возмущенному гулу журналистов. Прежде чем ответить, я посмотрел на представителя пресс-центра, проводящего конференцию, и понял по его невозмутимому виду, что от него нечего ждать помощи и что я сам должен выходить из положения. Что же мне сказать? Потребовать наглеца к барьеру? Нет, я мгновенно решил сделать вид, что не вижу скрытого смысла в вопросе маленького репортера, и ответил лаконично, как ни в чем не бывало:

— За последние два года я много раз встречался на дорожках с сильнейшими американскими спринтерами и ни разу не проиграл ни одному из них.

Мне хотелось к этому добавить, что послезавтра мои встречи с сильнейшими спринтерами США будут продолжены, но от этого заявления я воздержался: мне надо было посоветоваться с Валентином Васильевичем Петровским, чтобы окончательно решить, бежать или не бежать двухсотметровку.

Конечно, до гамлетовских терзаний мне было далеко, но не скрою, кое-какие сомнения я все же испытывал. Обидно было бы после победы проиграть и как бы оправдать бестактный вопрос репортера. А такой исход мог быть вполне вероятен. Ведь бег на 200 метров, хоть я и выиграл на этой дистанции чемпионат Европы и даже установил европейский рекорд, был мною не окончательно освоен. И выступал я на этой дистанции значительно реже, чем в беге на 100 метров.

Я понимал, что для победы в Мюнхене надо пробежать каждый из двух стометровых отрезков за десять секунд, не больше, а я такого времени еще никогда не показывал. И в то же время американцы, считающие 200 метров своей коронной дистанцией, показывали и более высокие результаты. Разве не пробежал один из американских спринтеров, Томми Смит, 200 метров за 19,8 секунды? А теперь за золотую медаль будут бороться его однофамилец Чак Смит и еще два великолепных американских спринтера, Блэк и Бартон, и замечательные европейские бегуны — итальянец Меннеа, Ценк и Шенке из ГДР. И все они будут выступать, не растратив ни грамма своих сил на стометровой дистанции.

Да, все было против меня. А ведь я не мог не учитывать и того, что еще четыре старта на дистанции 200 метров могли поставить под сомнение возможность моего участия в эстафете 4 × 100 метров. Так что же, бежать или не бежать? Бежать? Забыть о том, что за всю историю Олимпийских игр только трем американским спринтерам, Крейгу, Оуэнсу и Морроу, удавалось сделать «дубль», получить две золотые медали? Забыть о том, что времени для подготовки и отдыха у меня в обрез, всего один день, что 3 и 4 сентября старты? Но всем этим здравым доводам мы с Валентином Васильевичем противопоставили лишь один: разве можно не воспользоваться тем огромным психологическим перевесом, который мне удалось образовать в результате моей победы на стометровой дистанции? Так и не использовать этот перевес? Так и не попытаться показать всем, и в том числе маленькому репортеру и тем, кто за ним стоит, что моя победа не случайна?..

Уже после первой встречи со спринтерами США в 1969 году в Ленинграде один из американских репортеров пытался поставить под сомнение мой успех. Он заявил, что мне удалось быть первым, потому что я начал бег с фальстарта. Теперь приводился другой довод — отсутствие на старте двух спринтеров США. Нет, надо бежать! Надо дерзать!

Так 1 сентября был решен вопрос о моем выступлении на второй спринтерской дистанции Олимпиады, а сама Олимпиада тут же, словно предупреждая меня об опрометчивости такого решения, преподнесла сразу два сюрприза: Евгений Аржанов в двух сантиметрах от финишной черты выпустил вперед американца Уоттла, а Янис Лусис в шестой, последней попытке проиграл два сантиметра немецкому копьеметателю Вольферману, никогда не входившему в ведущую тройку...

Золотая медаль — это великое счастье, вот о чем как бы напоминала мне Олимпиада, так будь же благодарен удаче, не искушай судьбы. А я не знал и о другом предупреждении, уже вполне реальном, которое исходило от знаменитого спринтера Армина Хари, победителя американцев на римской Олимпиаде. Хари так, оказывается, ответил на вопрос журналиста о возможном победителе в беге на 200 метров: «Наверное, им окажется все же Блэк или Смит. Борзову нужен опыт для борьбы с американцами на двухсотметровке. Они обладают очень большой энергией, поймать их чрезвычайно трудно». Но я не знал ничего об этом предупреждении Хари и познакомился с его мнением лишь после того, когда финальный бег на 200 метров уже состоялся и я готовился к новым стартам, на сей раз эстафетным.

Если бы мнение Армина Хари мне было известно до финала, я, конечно же, вспомнил бы о нем в тот момент, когда, взяв старт по пятой дорожке и возглавив бег на первых ста метрах, уже преодолев поворот, вдруг увидел впереди себя Ларри Блэка. Высокий негр, казавшийся еще выше от копны волос, словно наэлектризованных его энергией, первым вышел на прямую, а я впервые в Мюнхене оказался в роли догоняющего.

Вот она, та энергия американских спринтеров, о которой говорил Армин Хари, предупреждая, что поймать американцев очень трудно. И все же я поймал Блэка. Поймал на второй половине финишной прямой. Поймал и на последних метрах отбросил назад.

«Все. Вопросов больше нет»,— вот что я сказал себе, закончив первым финальный бег на 200 метров за 20 секунд ровно, и тут же подумал, что так и отвечу запомнившемуся мне репортеру, если он снова задаст мне какой-нибудь нетактичный вопрос на пресс-конференции. Но когда представитель пресс-центра пригласил меня на встречу с журналистами, я вдруг решил: «Нет, больше я участия в пресс-конференциях не принимаю. Там не находят отпора наглецы». «Но у журналистов к вам много вопросов»,— пытался убедить меня сотрудник пресс-центра. «О чем же они меня теперь могут спросить, ведь на сей раз в финале бежал не один, а все три американца»,— сказал я.

«А все-таки бежится!» — вот и все, что мне хотелось сказать, нет, закричать в ту минуту. Вот от какой эффектной реплики я отказался. Она отлично прозвучала бы на пресс-конференции и, наверное, понравилась бы журналистам. И все же мне пришлось ответить на один вопрос, который так и витал в воздухе, хотя его мне никто и не задал: «Все ли силы вы использовали в борьбе за золотые медали?» На этот вопрос я ответил через пять дней, приняв на четвертом этапе эстафетную палочку, в которую вложили все свои силы мои друзья — Александр Корнелюк, Владимир Ловецкий и Юра Силов. И мне удалось, завершая их усилия, финишировать вторым после американского бегуна. (Теперь можно раскрыть один секрет: так уж получилось, что на Олимпийских играх наша эстафетная команда выступала не в сыгранном составе, и поэтому серебряная медаль, кроме радости, нам ничего доставить не могла.)

И вот я снова дома, в родном Киеве, снова меня заботит диссертация, пора начинать подготовку к новому сезону, но XX Олимпийские игры все еще рядом, и я не могу не вспоминать о днях, отданных борьбе с сильнейшими спринтерами мира. Они еще долго будут рядом со мной, американские спринтеры и Олимпиада, на которой советские спортсмены добились такой убедительной победы.

УТВЕРЖДЕНИЕ НОВОЙ ТЕМЫ

«Страж порядка», «Портрет полковника милиции М. Дайнеко»,— эти две картины, репродукции которых представлены сегодня на цветной вкладке, войдут в экспозицию выставки «Всегда начеку» — первой всесоюзной художественной выставки, посвященной нашей советской милиции.

Художники всех союзных республик, многих городов Российской Федерации создали для этой выставки живописные полотна, скульптурные композиции, графические листы... История, сегодняшний день советской милиции, разные стороны деятельности — все это предстает перед нами в художественных образах. Экспозицию объединяет главная тема: «Ленин и Коммунистическая партия — организаторы советской милиции»,— которой посвящены такие произведения, как скульптура «Ленин» Героя Социалистического Труда Е. Вучетича, полотно «Ленин и Дзержинский» Б. Щербакова и другие.

Этапы славного пути нашей милиции воскресают уже в самих названиях картин: «Рыцари революции» (Н. Бахчеван, Кишинев), «Первый отряд милиции» (Я. Аннануров, Ашхабад), «Патруль ЧОН» (народный художник Украины В. Пузырьков), «Падение эмирата» (Р. Чарыев, Ташкент). Московский живописец В. Гольцов запечатлел образы первых милиционеров Москвы Швыркова и Пекалова, геройски погибших в схватке с бандитами и похороненных у кремлевской стены.

Пример отцов, старших братьев... Он и сегодня вдохновляет на подвиги тех, кто стоит в рядах советской милиции. И об этом полотна «Во имя жизни» заслуженного художника РСФСР А. Белых, «Подвиг офицера милиции Джапаридзе» — заслуженного художника Грузии Д. Хундадзе, картины москвича Ю. Князева, рассказывающие о самоотверженном мужестве ташкентской милиции, проявленном в дни землетрясения 1966 года. Даже мирные пейзажи академика Н. Ромадина — «Улица имени старшего лейтенанта милиции Петушкова», «Улица имени первого начальника милиции Домбровского» — посвящены этой теме.

Покажут свои работы на выставке и художники недавно организованной Студии МВД СССР. «Часовые порядка на Красной площади» — так назвал свою работу художник М. Отвагин; она раскрывает духовный облик людей, которым поручена милицейская служба в самом центре нашей страны. На полотне изображена группа отличников 80-го отделения милиции во главе с начальником отделения А. Волчковым. Среди них ветеран милиции, заслуженный работник МВД СССР Николай Савватьевич Белков, который свыше 20 лет прослужил в этом подразделении и сейчас, находясь на заслуженном отдыхе, постоянно приходит в родной коллектив, беседует с молодыми сотрудниками, передавая им свой богатый опыт службы в милиции.

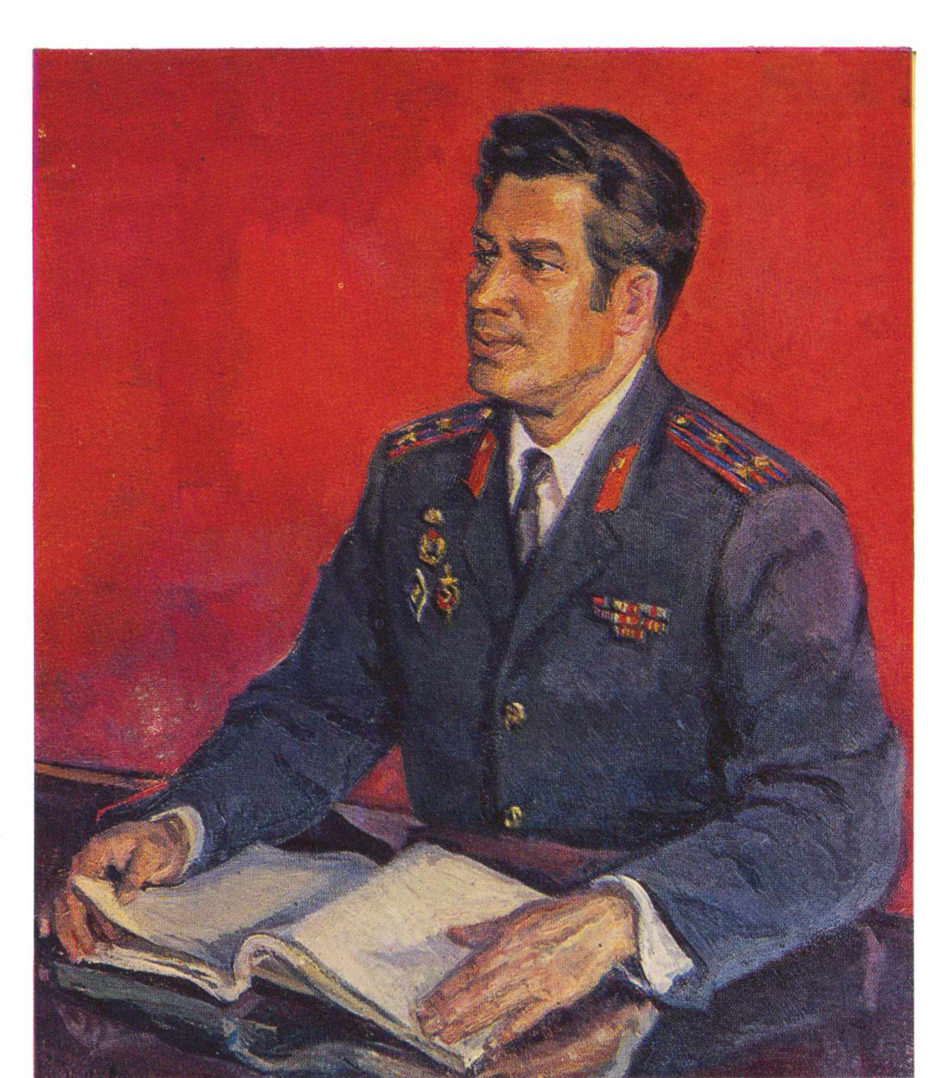
Графики Д. Надежин и Г. Шуршин нашли много интересных мотивов на улицах столицы: «Мама потерялась», «Первый раз в Москве».

Интересная, богатая творческим вдохновением выставка, которая открывается в Доме художника на Кузнецком мосту, положит начало утверждению новой темы в советском изобразительном искусстве.

А. КЕТОВ

И. Лисиков (Душанбе). СТРАЖ ПОРЯДКА.

Выставка произведений художников Средней Азии и Казахстана.

Н. Навашина (Москва).

ПОРТРЕТ ПОЛКОВНИКА МИЛИЦИИ М. ДАЙНЕКО.

Г. Фадин (Ленинград). КУПАНИЕ КОНЕЙ.

Выставка произведений молодых художников в Академии художеств СССР.

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ АРХИВЫ

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО И. С. ТУРГЕНЕВА И ЕГО ИСТОРИЯ

В юбилейном тургеневском номере «Огонька» (1968 год, № 46) Н. А. Хмелевская опубликовала несколько писем к Тургеневу от почитателей его таланта. Среди них письмо студента филологического факультета Московского университета Е. Ф. Шнейдера.

«Многоуважаемый Иван Сергеевич, [...] читать я начал Ваши произведения с 14 лет и перечитываю их до сих пор (мне недавно минул 21 год) [...] 4-й том, где помещены «Дворянское гнездо» и «Накануне», у меня положено перечитывать каждый год [...]. Когда я читаю Ваши произведения, то многие места действуют так сильно, что я чувствую дрожание в голосе и слезы готовы выступить. Откроешь иногда случайно страницу, и на многие, многие думы наведет она: станешь вдумываться в свое положение, от себя перейдешь к окружающим, а затем пустишься в размышления обо всем человеческом... Сердцем веет от каждой Вашей строчки: это сердце и чарует Ваших читателей, оно обеспечивает за Вашими произведениями века бессмертия, быть может, не в одной России [...]»

Письмо было без даты. Каких-либо сведений о Шнейдере и судьбе его переписки с Тургеневым отыскать тогда не удалось.

И вот четыре года спустя мы узнаем, что в архиве семьи Шнейдеров найдено ответное письмо Тургенева московскому студенту. Оно публикуется впервые.

Париж
50, Rue de Douai
Понедельник, 21/9-го Апр[еля]
[18] 79 [года]

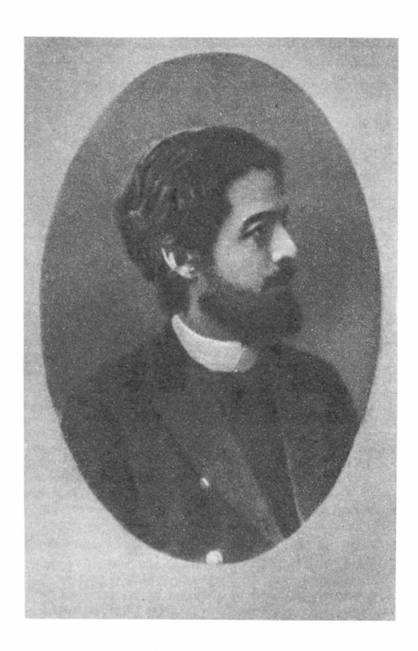
Милостивый государь,
Евгений Федорович!

Благодарю Вас за присланное Вами письмо. Оно доставило мне много удовольствия, как доказательство, что мои труды не пропали даром. Радуюсь также за тот сердечный тон, которым оно дышит: пусть он никогда не покидает Вас — так же как и любовь к прекрасному и твердая решимость посвятить всю жизнь правде — vitam impendere vero[1].

Согласно желанию Вашему, посылаю Вам мою фотографическую карточку и прошу принять уверения в совершенном уважении
Вашего покорного слуги
Ив. Тургенева.

Публикуемый документ примечателен не только в том отношении, что отныне еще одно неизвестное письмо присоединяется к эпистолярному наследию Тургенева. Обмен посланиями с московским студентом Е. Ф. Шнейдером — характерный эпизод своего времени. Первые месяцы 1879 года Тургенев провел на родине. Его поездка сопровождалась овациями в разных слоях тогдашнего общества. Умеренные, либеральные круги пытались в политических целях показать свою близость к популярному писателю, гражданская честность которого была общепризнанной. Громадное большинство соотечественников выражало горячую признательность Тургеневу за многолетнее служение русской культуре, отдавало должное его могучему таланту. А революционная молодежь России предприняла тогда демонстрации, чтобы напомнить о заслугах Тургенева перед освободительным движением. «Мною,— говорил сам Тургенев,— как бревном, бьют в правительство».

Отзвуком всех этих событий был поток писем к Тургеневу. Студент Шнейдер относился, как видно по всему, к тем учащимся, от чьего имени 18 февраля 1879 года выступил, приветствуя Тургенева во время публичного заседания Общества любителей российской словесности, будущий революционер-семидесятник П. Викторов.

Е. Ф. Шнейдер. Фото 1870-х годов.

Московский инженер Е. Ф. Шнейдер-младший, передавший письмо Тургенева для публикации, говорит, что его дед был страстным поклонником русской литературы и всю свою дальнейшую жизнь посвятил педагогической деятельности. Е. Ф. Шнейдер (1858—1900) после окончания университета работал учителем древних языков на родине Тургенева в Орле, потом был педагогом и инспектором 2-й Московской и Владимирской гимназий.

Как выяснилось теперь, семья Шнейдеров находится в некоторых отношениях с Тургеневым не только вследствие переписки их деда. Нынешние Шнейдеры являются правнучатыми племянниками писателя — так по крайней мере определилась степень их родства после непродолжительного выяснения. Уже после смерти Е. Ф. Шнейдера его сын Федор женился на В. Н. Бом — правнучке П. Н. Тургенева, дяди писателя. В семье Бом-Шнейдеров имелись, кроме публикуемого ныне, письма Тургенева к его двоюродной сестре, а их бабушке, Е. П. Крюгер, которые несколько лет назад переданы в Литературный музей.

Все эти обстоятельства выявились в результате проводимой сейчас работы по сбору материалов для биографии писателя. В семьях отдаленных родственников Тургенева по отцу можно и теперь еще записать разнообразные, далеко не безынтересные сообщения. У К. Н. Жудро, Е. Ф. Преображенской, в семье москвичей Захаровых сохранились фотографии и портреты современников Тургенева и лиц из его ближайшего окружения. Из воспоминаний М. Н. Эгерштром нам стало известно, что Тургенев до последних дней жизни оплачивал стоимость обучения своего племянника Э. Крюгера, известного впоследствии музыканта, профессора Ленинградской консерватории. Это подтвердилось и документальными источниками. Н. Д. Кучин сообщил о визитах писателя в московский дом С. П. Тургенева, его двоюродного брата (теперь № 8, на Спасо-Песковской площади), где собиралось тогда много молодежи. Мы узнали подробности жизни и быта нескольких московских семей, с которыми общался Тургенев. Н. П. Оленина помогла выяснить отношения писателя с одним из его племянников — студентом Алексеем Тургеневым. Он гостил в Спасском летом 1881 года во время пребывания там Ивана Сергеевича, и впечатления от этой встречи послужили, как теперь понятно, побудительным мотивом к написанию очерка «Отчаянный».

Литературоведение — наука точная. Никаким, даже самым малым фактом пренебрегать нельзя. В последнее время исследователи творчества Тургенева получили в свое распоряжение много неизвестных до сих пор материалов, среди которых только писем около двухсот. Нет сомнения, в частных и семейных коллекциях возможны новые находки.

Нередко владельцы с большим опозданием узнают, какие важные реликвии им принадлежали. Например, до сих пор не выяснена судьба тургеневских материалов, которые хранились у его двоюродной сестры В. Н. Арсеньевой-Мосиной. В последний свой приезд в Россию Тургенев посещал эту семью в сельце Судакове Тульской губернии.

До 1965 года Арсеньевы проживали в Краснодаре. Теперь там уже никого не осталось. Их тургеневское собрание в 1910-х годах было довольно значительным и включало письма, рукописные и мемориальные материалы, фотографии, портреты. В их числе—акварельный портрет Тургенева 1828 года. Никаких поступлений из этой коллекции в государственные хранилища пока не отмечалось. Но будем надеяться, что эта потеря не безвозвратна.

Н. ЧЕРНОВ

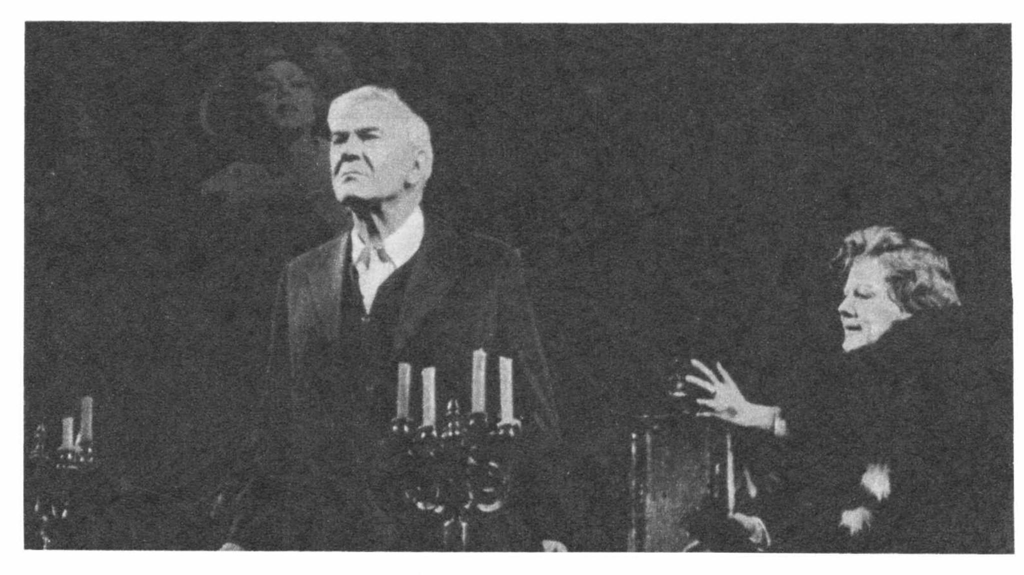
---

[1] Жизни не пожалеть ради истины (лат.).

ТРАГЕДИЯ МАТТИАСА КЛАУЗЕНА

Сценическое осуществление классики всегда привлекает внимание зрителей не только новым прочтением пьесы, но еще и новым исполнительским решением. Вместе с большим актером мы заново начинаем чувствовать боль и радость героя, начинаем жить его жизнью. Именно этого добивается своим высочайшим мастерством Михаил Иванович Царев в роли Маттиаса Клаузена в спектакле «Перед заходом солнца» на сцене Малого театра.

Мы, зрители, встречаем Клаузена в пору зрелости, в пору процветания: он крупный издатель, почетный гражданин города... Он счастлив своим благополучием; счастлив, что вокруг него семья, дети, которым он нужен, которых он слепо любит, которые всегда видели в нем и защитника и опять же источник буржуазного благополучия.

Но постепенно, шаг за шагом, Маттиас — Царев обнаруживает, что его счастье — мираж, поскольку окружающие, привыкнув видеть в нем лишь покровителя и защитника, совершенно не желают знать, что он еще и Человек... Мало того, они не хотят признать за ним права быть Человеком: Клаузен в этом не свободен!

Поздняя любовь Маттиаса Клаузена к девушке из «простой» семьи, славной Инкен — последняя попытка отчаявшейся личности отстоять, сохранить душу... Клаузен понимает: потерять душу, неизбежно превратившись в орудие жестокого, равнодушного общества, гораздо страшнее самоубийства. Да, мы встретились с Маттиасом Царева, когда он был полон жизненной энергии, когда голос его звучал властно и горячо, когда глаза его сияли. Тем страшнее видеть, что стало с этим могучим человеком. Неверные, стариковские движения, дрожащие, беспокойные руки, словно ищущие опоры; сухой, бесцветный голос. Душа убита жестокостью, античеловечностью окружающего.

Об этом спектакле (режиссер Л. Хейфец) еще будут писать. Возможно, возникнут какие-то споры по поводу самой постановки либо оформления спектакля. Бесспорно одно: работа народного артиста СССР М. И. Царева волнует зрителя и близка ему; она не оставляет никого из нас равнодушным к трагедии человека, отстаивающего право быть Человеком.

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото И. Туннеля.

Вот она, «счастливая» семья Клаузенов... Беттина (М. Седова) просит прощения у отца.

С НАДЕЖДОЙ НА НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

Одним из примечательных событий нынешнего гастрольного сезона был приезд в СССР пражского музыкального театра «Карлин». А осенью с ответным визитом в Чехословакии побывал Московский театр оперетты.

Мы попросили народную артистку РСФСР Татьяну Шмыгу поделиться впечатлениями об этой поездке.

Открытие гастролей.

— Встречи с чешскими артистами театра «Карлин» в Москве были для нас праздником,— сказала актриса,— и мы радостно приняли приглашение посетить Чехословакию. К поездке начали готовиться задолго: хлопот всяких было много, но прежде всего требовалось перевести на чешский и словацкий языки наши тексты.

И вот мы в Праге. На первом же спектакле-концерте «Мелодии рампы», которым начались наши выступления, стало ясно: зрители оценили наши усилия по заслугам. Слушая актеров, говорящих и поющих на родном языке зрителей, они бурно выражали свои восторги... Мы показали нашим чешским друзьям «Девичий переполох» Ю. Милютина, «Фиалку Монмартра» И. Кальмана... На многочисленных, организованных общественностью встречах наши концерты проходили с неизменным успехом.

Пребывание Московского театра оперетты в Чехословакии совпало с традиционным фестивалем «Руде Право-72», проходившим на открытых площадках в парке имени Юлиуса Фучика. Было холодно и дождливо, но на праздник собралось множество людей. Наши выступления вновь оказались сюрпризом для зрителей, принимавших каждый номер громом аплодисментов и многочисленными вызовами.

Прага высоко оценила наше участие в фестивале. Театр получил благодарственный адрес от городского комитета Коммунистической партии Чехословакии в Праге, а наш художественный руководитель Г. П. Ансимов, давний друг деятелей культуры ЧССР, заслуженный деятель искусств Казахской ССР, награжден памятной медалью.

Раскрывая утренние газеты, мы с радостью и удовлетворением часто видели теплые отзывы о наших спектаклях и концертах. Пресса отмечала высокие вокальные данные, большую музыкальную культуру и актерское мастерство советских артистов.

Матлюба — А. Юнусова и Самиг — У. Бакаев.

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

Группа молодых узбекских кинематографистов сняла интересный фильм. Это рассказ о любви и жизни, о двух влюбленных, которые по-разному представляют себе счастье.

Девушка любит страстно и беззаветно. А юноша — легко и просто, не задумываясь о том, что будет. Девушка убеждена, что любовь не только один из прекрасных и могучих даров жизни, но и серьезное испытание. Юноша же видит в любви лишь романтическое увлечение, некое приключение чувств.

Так рождается конфликт между Матлюбой и Самигом, так сталкиваются два мироощущения... Может ли любовь быть легкомысленной? Можно ли жить счастливо, порхая по жизни, избегая трудностей, не «усложняя» себе существование?

И вместе с тем Самиг не отрицательный герой. Он натура увлекающаяся, баловень судьбы, не умеющий (так уж его воспитали) заглядывать вперед и не понимающий пока еще той ответственности, которая лежит на нем как на человеке и гражданине. Именно любовь заставляет его в конце концов по-иному взглянуть на жизнь, задуматься.

Сценарист А. Якубов и режиссер А. Кабулов нашли свое, оригинальное решение для фильма. Мягко и поэтично повествуют они о рождении любви Матлюбы и Самига, находят точные детали для выражения самых затаенных чувств девушки и юноши. Великолепны романтические кадры прекрасного нового Ташкента, вставшего из руин. Именно они служат камертоном для всего фильма, определяют его стилистику.

Как и в предыдущих фильмах, так и в «Слепом дожде» Анатолий Кабулов поручил главные роли дебютантам. На этот раз — Аиде Юнусовой и Убайдулле Бакаеву. Одаренные актеры сыграли предельно искренно, психологически очень убедительно.

Мих. СЕРГЕВИЧ

ПОЭТИЧНЫЙ ТРИПТИХ

Сказать по правде, в моем сознании Имран Касумов живет прежде всего как драматург. Память хранит такие замечательные документальные фильмы, как «Повесть о нефтяниках Каспия», «Покорители моря», поставленные по его сценариям, такие широко известные острые пьесы, как «Человек бросает якорь» и «Мы так недолго живем».

Поэтому встреча с книгой И. Касумова «Французский гобелен» была для меня приятной неожиданностью.

В этой немноголистной по размеру, но значительной по содержанию книге интересно рассказано о поездке автора во Францию с целью отыскать следы отважной азербайджанской комсомолки Джайран Сафаровой. Она уехала в свое время добровольцем в Испанию и считалась погибшей там. А по другому предположению попала из Испании во Францию и приняла участие в борьбе бойцов Сопротивления. Имрану Касумову не удалось пока обнаружить веских доказательств пребывания Джайран на французской земле, но взволнованные встречи с бывшими бесстрашными героями французского Сопротивления изображены автором темпераментно и ярко, с горячим чувством интернационализма.

И вот я с увлечением читаю новую книгу Имрана Касумова — «Итальянская мозаика».

Опять поездка за рубеж. На этот раз в Италию, Югославию и Швейцарию. Опять поиски исторических вех тернистой дороги, по которой мужественно прошел земляк автора, азербайджанский художник и лингвист Мехти Гусейн-заде. Он прославился в годы второй мировой войны на Адриатике под кличкой «Михайло», совершил беспримерные боевые подвиги в рядах итало-югославского Сопротивления и пал смертью храбрых в схватке с гитлеровцами под Триестом.

Это о нем, получившем посмертно высокое звание Героя Советского Союза, упомянул Л. И. Брежнев в докладе по случаю двадцатилетия Дня Победы.

Ныне на одной из центральных площадей Баку воздвигается памятник незабвенному «Михайле».

Далеко-далеко от родимого Апшерона покоится прах героя.

Вот туда-то, на берег Адриатического моря, в село Чеповане, и отправился неугомонный Имран Касумов, чтобы своими глазами увидеть могилу «Михайлы», положить на нее горсть азербайджанской земли, взять горсть с дорогого холмика, доставить в Баку и замуровать ее в основание памятника.

Но перед тем как достигнуть цели и оказаться у дорогой могилы, И. Касумов столкнулся с десятками незнакомых людей, неизменно сочувствовавших и содействовавших ему, приобрел в поездке открытых и верных друзей, и прежде всего итальянских коммунистов, борцов за свободу.

Со страниц талантливой «Итальянской мозаики» глядит обаятельный облик генерального секретаря Национальной ассоциации итальянских партизан Роберто Ваттерони, одетого в пиджак, с пустым рукавом. Вместе с автором мы знакомимся с президентом общества «Италия — СССР» Джелазио Адамоли коммунистом, сенатором, видным общественным деятелем, активно работающим над расширением и углублением контактов между итальянской и советской культурой.

Запоминается сильный, порывистый характер Марии, юной девушкой вступившей в партию коммунистов, испытавшей и ссылку, и голодную судьбу стачечников, и походы с винтовкой за плечами.

Несмотря на свой зеленый возраст, она в годы Сопротивления была комиссаром в гарибальдийском корпусе!

В полный могучий рост встает перед читателями «Саесо» — Марио Фантини, вчерашний вожак партизан в Юлийских Альпах.

Кратно, но трогательно-зримо дана встреча с Видали — легендарным капитаном Карлосом, участником первых стычек с фашистами в Испании.

«Итальянская мозаика» насыщена конкретными именами, оснащена героическими фактами, озарена огнями давних и недавних грозных событий.

Зоркость автора, образный язык, неназойливая улыбчивость, соседствующая с драматизмом, делают повествование увлекательным и доходчивым.

У «Французского гобелена» и «Итальянской мозаики» есть одно примечательное свойство: и та и другая книги имеют свой органический смысловой стержень — они устремлены к благородной задаче увековечения человеческого величия.

И справедливости ради следует признать, что обе книги отличают точная правдивость, изящество стиля.

Мне известно, что Имран Касумов приступил к работе над завершающей частью повествования, которая получит название «Азербайджанский ковер» и будет посвящена легендарным героям труда Нефтяных Камней.

Таким образом, повествовательный круг замкнется и приобретет своеобразную литературную форму поэтичного триптиха.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Имран Касумов «Французский гобелен». Азербайджанское государственное издательство. Баку. 1970.

«Итальянская мозаика». Издательство «Гянджлик». Баку. 1972.

НИТИ ЖИЗНИ

Лет восемь тому назад А. Старков мне сообщил:

— Сейчас познакомился с человеком, который вместе с Лениным и Крупской встречал первый советский новый год. Думаю найти всех, оставшихся еще в живых участников революции. Записать их рассказы о прошлом. Ведь уходят свидетели тех лет. Сколько неведомого унесут они с собой...

Речь тогда шла о Илье Митрофановиче Гордиенко. Это о нем Максим Горький говорил: «Рабочий, старый большевик, один из тех большевиков-ленинцев, которые строили партию снизу, из подполья». Об удивительной жизни Гордиенко очерк был написан, опубликован. От него потянулись ниточки к другим героям революции, в частности к четырем женщинам-москвичкам. Благодаря перу А. Старкова о жизни и подвигах Екатерины Григорович, Марии Кубанцевой, Анастасии Блохиной, Евгении Багатурьянц узнали миллионы. Потом появился очерк о Вячеславе Алексеевиче Карпинском —журналисте, первым редактором которого был Ленин.

Очерки об этих замечательных людях вошли в книгу «Свидание продолжается», изданную «Советской Россией» пять лет назад. Но А. Старков ни на йоту не изменил своему внутреннему наказу. И ведущей темой новой книги — «Я оказался живой...» — тоже являются судьбы людей далекого, ставшего легендарным времени.

Есть в центре Москвы Померанцев переулок, соединяющий Кропоткинскую и Метростроевскую улицы. Назван так этот переулок 45 лет тому назад в честь героя октябрьских боев 1917 года. Обычно города, улицы получают имя заслуженного человека после его смерти, чтобы память о нем никогда не угасла. И все решили, что Померанцева среди нас давно уже нет. А он оказался живой. Алексей Александрович Померанцев, профессор Московского университета, доктор физико-математических наук. И разыскал его А. Старков. Рассказал не только, как это было, но и что с героем стало.

Человек живет не в вакууме, у него есть друзья и соратники. Оказались таковые и у Померанцева. Одним особо заметным был солдат 193-го запасного полка Георгий Тандетников, тоже участник октябрьского переворота в Москве. Снова розыски и снова очерк — «Солдат Тандетников». Дальше — больше. Письма автору, из коих он узнает о других забытых именах. Среди них — комиссар Григорий Белянков, соратник Александра Пархоменко. Очерк «В одной тачанке» посвящен этому человеку.

Как-то один мой товарищ, прочтя очерк о Померанцеве, сказал: «Это же в роман можно развернуть!» Можно, но в данном случае не нужно, ибо «Я оказался живой...» — оригинальное законченное произведение. Не мост-времянка. А. Старков передает не протокольную запись бесед с героем (что тоже бы представляло свою ценность), а, заглядывая в блокнот, строит многоплановый сюжет, раскрывая основную фабулу в занимательной форме, ни на шаг не отступая от истины, не прибегая к неоправданному домыслу. Трудно? Еще бы! Но в этом и заключается искусство очеркиста-художника.

Здесь хочется остановиться на манере письма А. Старкова. Она проста, откровенна и доверительна. Автор будто сел за стол, пригласил читателя, улыбнулся и начал рассказывать о том, где был, что видел, с кем встретился.

«Петя Корзинкин позвонил мне в день выхода журнала, в котором был напечатан мой очерк «Я оказался живой...» («Солдат Тандетников»).

«Идут письма профессору Померанцеву. Пишут прочитавшие о нем в очерке «Я оказался живой...». Люди разные: знакомые и незнакомые, молодые и старые. Знаете, кто написал Алексею Александровичу, которому 72 года? Гимназический его учитель латыни!» («В одной тачанке»).

«Опять встречаюсь с человеком, который говорит мне, что жизнь у него самая обыкновенная, тихая жизнь, без каких-либо примечательных событий. А я говорю ему, что вот писал недавно о почтальоне...» («Жизнь обыкновенная»).

Это начало трех очерков. Чувствуете непосредственность стиля? А завязка уже есть. Хочется узнать: ну, а что дальше? Образ своего героя А. Старков, как правило, лепит постепенно, не спеша, от штриха к штриху, показывая его в различных обстоятельствах, поступках — словом, в действии, в движении души. И встает перед нами живой человек, не схема, не манекен. И видишь его фигуру, манеру говорить, слушать. Хотя прямо обо всем этом и не сказано.

Есть в книге и очерки о людях, знающих о революции и гражданской войне лишь из истории или рассказов своих отцов. Профессии у этих людей не знаменитые. Но их опыт, их судьбы так близки и так сплелись с судьбами представителей старшего поколения, что составляют как бы одно целое. Труд, верность, отвага или просто честное исполнение долга принесли им почет. Такими вот людьми, честно и скромно исполняющими свой долг, и являются наши современники, герои очерков А. Старкова «Саша Котиков, рабочий человек», «Листоноша», «В киоске возле метро», «Самая тоненькая ниточка», «Про воробья и про медведя».

Как говорится, необъятного не обнимешь. Всех семнадцати очерков А. Старкова, составивших книгу «Я оказался живой...», в короткой рецензии не перескажешь, не разберешь, не оценишь. Но определенно и твердо можно сказать: героев этой книги, хороших и разных, крепко связали черты, присущие нашему советскому человеку,— чистота помыслов, жар сердец, чувство ответственности перед временем и людьми.

Борис ИВАНОВ

А. Старков «Я оказался живой...». «Советская Россия».

Ричард ДЖЕССЕП

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

ТЕМНОЕ ДЕЛО В ГЭЙТВЕЕ

Биль Уэстин стоял в дверях, пытаясь вспомнить и повторить каждое свое движение.

— Когда я вошел...

— Подожди! — оборвал его Эллендер.— За каким чертом ты вообще ввалился сюда?

— Я услышал, как она вскрикнула.

— А как она вскрикнула?

— Вскрикнула, и все.

— Что это было — визг, вопль, крик, как кричит человек, когда его ударят, или что другое? — спросил Вирлок, чем вызвал удивленный взгляд Эллендера.

— Нет, она просто громко вскрикнула... ну, как иногда кричат в кинофильмах.

— Хорошо, хорошо! — снова вмешался Эллендер.— Ты услыхал крик. Что ты сделал дальше?

— Я немного подождал, раздумывая, входить мне или не входить. Потом она снова вскрикнула, после чего раздался выстрел.— Уэстин смотрел то на Эллендера, то на Вирлока.

— Следовательно, ты вошел сюда после выстрела? — переспросил Эллендер.— Но ты же говорил, что вошел после того, как услышал крик.

— Но между криком и выстрелом прошла всего какая-то секунда. Я подошел к двери и постучался. Потом я позвонил, услышал какой-то топот, словно кто-то убегал, и толкнул дверь. Она оказалась незапертой, и я вошел — вот так...

Уэстин сделал несколько шагов, остановился и продолжал:

— Она стояла посредине комнаты, немного подавшись вперед, и держалась обеими руками за грудь. Потом взглянула на меня, сказала: «Боже мой, я ранена!» — распахнула дверь в спальню и упала.

— А ты что же делал все это время? — спросил Эллендер.

— Я был так потрясен, что, кажется, стоял как вкопанный.

— Кажется?!

— Ну, хорошо, стоял,— вяло поправился Уэстин.

— Дальше.

— Потом я вошел в комнату, вот так...— Уэстин снова сделал несколько шагов.— Хотел подойти к ней, но увидел пистолет, поднял его, однако тут же сообразил, что этого не следовало делать, и бросил его на пол. Тут мне пришло в голову, что на нем могут остаться отпечатки моих пальцев, поэтому я опять поднял пистолет и стал обтирать его платком. В эту минуту в парадную дверь вошел ее муж.

— Вы уверены, что он вошел в парадную дверь? — спросил Вирлок.

— Уверен. Я стоял спиной к двери, а он приказал мне поднять руки и не поворачиваться. Потом он заставил меня подойти к стене и стоять там с поднятыми руками, пока он будет звонить в полицию.

Уэстин замолчал и обвел взглядом Эллендера, Вирлока и Хиллори Смита.

— Клянусь, я говорю правду.

— Вирлок, что вы можете сказать? — угрюмо осведомился Эллендер.

— Вы утверждаете, что услышали, как кто-то бежал,— вместо ответа обратился инспектор к Уэстину.— Но как вы могли услышать топот, если полы в доме покрыты коврами?

— Не знаю... Не могу объяснить... Я рассказал все, что знал. Повторяю, я слышал, как кто-то побежал.

— Оззи, ну-ка пробегите по комнате,— распорядился Вирлок.

Оззи злобно взглянул на инспектора и неловко сделал несколько медленных шагов.

— Беги, тебе говорят! — вспылил Эллендер.

Оззи несколько раз тяжело пробежал вокруг комнаты. Ковер настолько заглушал шаги, что их почти не было слышно.

— Ни звука,— повернулся Эллендер к Вирлоку.— Что вы обнаружили на пистолете? — спросил он у дактилоскописта.

— Ничего, никаких отпечатков.

— А что сказал врач о характере ранения? — обратился Эллендер к Смиту.

— Нанесено пулей из автоматического пистолета сорок пятого калибра. Выстрел произведен, очевидно, с расстояния не более нескольких футов. Смерть последовала между восемью сорока и восемью сорока пятью.

Некоторое время в комнате стояло молчание.

— Ну вот, теперь обстановка представляется мне так,— заговорил наконец Эллендер.— Вирлок, проверяйте меня... Уэстин топчется около особняка, намереваясь, очевидно, пробраться в него с целью грабежа. Он проникает в сад и через незакрытое окно проскальзывает в дом. Женщина слышит какой-то шум, пугается, хватает пистолет и пытается задержать Уэстина.— Излагая свою версию, Эллендер ходил по комнате и жестикулировал.— По всей вероятности, она напугана гораздо сильнее, чем сам Уэстин, и потому не составляет особого труда отобрать у нее пистолет. Она начинает кричать, и Уэстин, потеряв голову, стреляет в нее. Он принимается стирать отпечатки пальцев с оружия, и тут в комнату вбегает Мандафф... У кого-нибудь есть вопросы?

— Не стрелял я в нее! — закричал Уэстин.— Зачем бы мне убивать ее?!

— Вирлок, отвезите его в полицию и оформите арест,— приказал Эллендер, даже не взглянув на юношу. Он закурил сигару и направился к двери.

По знаку Вирлока Смит надел на Уэстина наручники и повел его к полицейской машине.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вирлок закончил оформление ареста лишь часам к двум ночи, сам отпечатал рапорт, подписал его и, положив Эллендеру на письменный стол, вернулся в дежурную комнату, где Смит посвящал Адамса в подробности происшествия на Бэнкер-авеню.

— Пойдем посидим, отдохнуть надо,— предложил инспектор своему помощнику.

Примыкавшую к зданию полиции тюрьму окружали высокие, массивные стены. Вязы и дубы соседнего парка, склоняясь над одной из стен, образовывали в жаркие дни тенистый уголок, где Вирлок любил посидеть в свободные минуты.

— Ну, так что вы думаете, Смит? — спросил Вирлок, как только они присели на скамейку.

Смит сразу понял, что его начальник чем-то озабочен.— Вы согласны, что миссис Мандафф убил этот паренек?

Смит, собираясь с мыслями, сделал вид, что прислушивается к шелесту листьев над головой.

— Как вам сказать, сэр...— наконец ответил он.— Вот мистер Эллендер, кажется, нисколько в этом не сомневается.

— Видите ли, у каждого из нас найдется по меньшей мере десяток версий — у всех разные и у всех одинаково убедительные.— Вирлок помолчал и добавил: — Не так ли?

— Так-то оно так, сэр. Но ведь мистер Эллендер зарится на место начальника городского управления внутренних дел.

— Знаю.— Вирлок хрустнул спичкой, которую держал в зубах.— Знаю, что на эту должность метит и начальник полиции Фэйн. По-вашему, и тот и другой готовы сфабриковать дело против этого парня или кого-нибудь другого, чтобы показать себя с выгодной стороны?

— Не сомневаюсь.

— Если парень действительно виноват, туда ему и дорога,— с ожесточением заметил Вирлок.— Но меня беспокоит мысль, что Эллендер и Фэйн собираются пришить Уэстину дело в интересах собственной карьеры. Помешать им мы можем только при одном условии: если будем располагать неоспоримыми доказательствами виновности или, напротив, невиновности Уэстина.

— Но если допустить, что Уэстин невиновен, кто же тогда убийца? — спросил Смит и нерешительно добавил: — Мандафф?

— Не знаю, не знаю... Надеюсь, не Мандафф. Если убийца он, нам не удастся привлечь его к ответственности. Да Фэйн и Эллендер в порошок нас сотрут, как только мы заикнемся о Мандаффе,— они же оба рассчитывают на его поддержку в борьбе за место начальника управления внутренних дел. Но не могу я спокойно смотреть, как они хотят сделать из юноши козла отпущения, осудить его на смерть! Не могу, понимаете?!

— Понимаю, мистер Вирлок, но ведь объяснения Уэстина шиты белыми нитками, а поверить ему на слово мы просто не имеем права.

— Согласен. И все же должен сказать, что эти объяснения можно толковать и в его пользу.

— Но, если Эллендер получит место начальника управления внутренних дел, вас немедленно назначат начальником отдела уголовного розыска, а это означает ежегодную прибавку к жалованью в пять тысяч долларов.— Смит радовался, что темнота мешает Вирлоку видеть краску стыда, проступившую у него на лице.

— А если я стану начальником отдела уголовного розыска, вы автоматически займете мое место,— в тон ему ответил Вирлок.— Я понимаю вас. Разумеется, и лишние деньги мне не помешали бы, и возражать против продвижения было бы глупо. Но...

— Тогда пусть события развиваются своим путем,— с невинным видом сказал Смит.— В общем-то дело ясное.

— Вот, вот! Как раз это мне и не нравится. Слишком уж ясное.

— К тому же начальство не поймет вашего поведения, пока нет доказательств, что Элен Мандафф убил не этот парень, а кто-то другой. Начинать сейчас какие-то поиски весьма рискованно хотя бы потому, что невозможно предсказать, на кого выйдешь.

— Вы имеете в виду Мандаффа? Или, может, одного из представителей так называемой золотой молодежи, которые ухитряются спать по очереди со всеми богатыми бездельницами с Бэнкер-авеню? Не принимайте Мандаффа за простака, неспособного усмирить собственную жену.

— Он тщеславен и не захотел бы выносить сор из избы.

— Ладно, оставим пока Мандаффа. Слушайте, а вы бы не хотели попытаться несколько поунять этого ретивого Эллендера?

— Да я бы не против, мистер Вирлок, но вы же понимаете, какая каша заваривается вокруг дела Уэстина.

— Тогда, выходит, мы должны сделать все возможное, чтобы парню дали лет двадцать тюрьмы, а не посадили на электрический стул, как того жаждет Мандафф?

— Но ни Фэйн, ни Эллендер никогда не позволят нам заниматься новыми поисками.

Вирлок выругался.

— У меня создается впечатление, что все они рады этому происшествию,— продолжал Смит.— Дело Уэстина — настоящая находка для них: подозреваемый — северянин, схвачен на месте преступления, признался, что вытер отпечатки своих пальцев с пистолета, что бродил в поисках работы из города в город, и все такое... Это же дар божий для районного прокурора Энстроу, он же спит и видит себя в кресле судьи!

— Как же можно после этого рассуждать о какой-то справедливости! Но мы с вами не должны уступать.

— То есть?

— Если Уэстин виновен, я первый буду добиваться его осуждения, но я сделаю все, что в моих силах, чтобы не пострадал невиновный.

Нонна Эш долго ворочалась в постели, вставала, снова ложилась, но уснуть не могла. Ее неотступно преследовала мысль, что кто-нибудь из соседей, заметив у них в доме полицейских, обязательно шепнет им о прошлогоднем романе ее муженька с Элен Мандафф. Миссис Эш не тешила себя надеждой, что об этом знает лишь она одна,— подобные делишки не утаишь от чужих глаз! Вообще-то обитатели Бэнкер-авеню не осуждали такие вещи, скорее, смотрели на них как на невинную забаву, по-

Продолжение. См. «Огонек» № 42.

скольку и сами грешили при каждом удобном случае. До поры до времени над Нонной Эш подсмеивались, и только. Но если в дело вмешается полиция, а потом газетчики, тогда все повернется иначе. Тогда над ней — так уж повелось — начнут издеваться, ее станут презирать, бульварные газеты поднимут свистопляску, и все это неизбежно отразится на ее положении в обществе и на положении ее детей.

Нонна Эш пыталась не думать, что кое-кто, возможно, посчитает роман ее мужа с Элен Макдафф достаточным основанием, чтобы заподозрить мистера Эш в убийстве. Могут же сказать, что он, например, приревновал ее... Значит, надо лишить полицейских предлога появляться в доме, и тогда ничто не нарушит спокойной жизни семьи.

Миссис Эш встала, спустилась в кухню, приготовила и выпила чашку крепкого чая и закурила. Она пришла к окончательному выводу, что главную опасность в данный момент представляет горничная Берта Пул. Берте придется уехать, и уехать немедленно!

Миссис Эш вернулась в спальню, разбудила мужа и изложила ему, еще полусонному, свои соображения. Джордж Эш нехотя согласился с ней.

— Пойду разбужу Берту, хотя это будет трудно: я же напичкала ее снотворным. А ты оденься и подожди нас внизу. Машину поставь у черного входа — у дома Макдаффов дежурит полицейский, не надо, чтобы он видел.

Только убедившись по удаляющемуся шуму, что машина уехала, миссис Эш вернулась в спальню, но и теперь уснуть не могла, перебирая в памяти события дня и размышляя, все ли она сделала, что надо.

— Так что же, по-твоему, произошло? — в темноте спросила у мужа Этта Саймонсон.— По-моему, знаешь что?

— Ну? — Рой Саймонсон давно привык к тому, что жена задавала вопрос и тут же, не ожидая ответа, сама на него отвечала.

— Ты помнишь интересного молодого человека, который так хорошо играл на пианино на последней вечеринке у Макдаффов?

— Ну?

— Так вот, он был там сегодня,— категорически заявила Этта Саймонсон.— Я видела их.

— Спи-ка ты лучше, Этта, и мне не мешай спать.

— Он провел там всю вторую половину дня. И знаешь, Элрой, что еще?

Саймонсон промолчал.

— Элрой, послушай. Это же так важно! Я подошла к дому Макдаффов и позвонила. Никто не ответил. Слышишь, Элрой, я позвонила, а мне никто не ответил, хотя я знала, что Элен и этот молодой человек были там.

Саймонсон сел на кровати.

— Я всегда подозревал, Этта, что ты простонапросто старая сплетница.

— Помолчи, Элрой, послушай, что я говорю. Не знаю, при чем тут юноша, которого арестовали полицейские, но точно знаю, что Элен Макдафф и этот пианист провели вместе всю вторую половину дня. Наверно, дел у них было по горло, если они не ответили на мой звонок!

Элрой Саймонсон уже окончательно проснулся и с интересом слушал жену. Он давно знал, что Элен не упускала случая наставить рога своему старику мужу. Больше того, однажды, когда Этта уехала на три недели в Нью-Йорк, он и сам не без успеха приударил за миссис Макдафф. Теперь он дорого бы дал, чтобы ничего подобного не было и в помине. Ревность Этты не знала границ, и если она пронюхает об его шашнях с миссис Макдафф, грандиозный скандал обеспечен. Сейчас, когда кто-то убил Элен, нужно быть осторожным. Очень осторожным.

— Я хочу сообщить об этом в полицию,— продолжала миссис Саймонсон.— Завтра же.

— Знаешь, Этта, пожалуй, не следует,— начал он после некоторого раздумья.— Сплетники заработают языками, начнут трепать нашу фамилию. К чему нам это? И потом, полицейские же схватили убийцу на месте преступления. Ты ведь слышала, Мак говорил, что они, наверно, уже выколотили у него признание. Даже если то, о чем ты рассказала, правда, какой нам смысл впутываться в эту историю? Оставим лучше все как есть. Кстати, парень мог проникнуть в дом и после ухода пианиста.

— Не уговаривай меня, Рой. Я считаю своей обязанностью сообщить полиции все, что знаю.

— Черт бы тебя побрал, Этта! Я запрещаю, понимаешь? Ты подумала, как это скажется на делах нашего магазина? Каково мне будет, если покупатели начнут задавать всякие идиотские вопросы?

— Но бедный парень...— заикнулась было миссис Саймонсон.

— Дался тебе этот парень! Пусть им занимаются полицейские. Эллендер знает свое дело, и если он утверждает, что Элен Макдафф убил этот тип, значит, так оно и есть. Меня не интересует, с кем и когда она изменяла мужу, это их частное дело. А сейчас спи и дай мне уснуть. Завтра понедельник, ко мне должны приехать из Нью-Йорка четыре коммивояжера с образцами осенних товаров.

Принадлежавший Саймонсону универсальный магазин обслуживал главным образом избранное общество Гэйтвея. Конечно, заманчиво было бы поделиться пикантным слушком с покупателями из этого «избранного» общества — за таким разговором легче сплавить подороже какой-нибудь дрянной товарец. Но в данном случае слушок-то имеет отношение к нему самому... Нет, нет, тут надо держаться начеку...

Кайль Теодор Макдафф лежал в одной из комнат дома Саймонсонов и не мигая смотрел в потолок. Он не стал раздеваться, только расстегнул воротничок, распустил галстук, снял башмаки.

«Ну вот,— думал он,— она мертва и, слава богу, наконец-то ушла из моей жизни... Шлюха! Ведь я дал ей все, что может пожелать женщина. Все! А она платила мне тем, что бросалась на шею каждому, кто ей подмигнет...»

Макдафф закрыл глаза, и перед ним предстала Элен... Нет, не та, что еще недавно лежала на полу в спальне, а та — живая, смеющаяся, какой он впервые увидел ее на пляже и сразу сказал: «Она будет моей женой!»

Юная, жизнерадостная Элен Шульц жила до замужества в одном из западных пригородов Гэйтвея. Для него не являлось секретом, что соседи с Бэккер-авеню и коллеги из муниципалитета подсмеиваются над ним, сплетничают, что он-де купил себе молодую жену. Это нисколько его не трогало, он весь был во власти своего чувства к Элен. К тому же он понимал, что смеются над ним больше для вида, а в действительности просто завидуют. Первые пять лет жизни с Элен он вспоминал как самые счастливые свои годы. Но потом все постепенно начало меняться. Вечеринки принимали все более необузданный характер. Элен все больше привыкала к вину, а его друзья все чаще и настойчивее стали добиваться ее милостей. Кое-кто из его коллег не раз намекал ему, что пора бы обуздать жену и выгнать из дома ее возлюбленных, но Макдафф не без оснований подозревал, что заботятся они не об его чести, а лишь о том, чтобы заполучить Элен. И вот что самое неприятное: она даже не пыталась скрывать от него свои романы. Однажды Макдафф поймал себя на мысли, что старается избежать встреч с очередным возлюбленным жены,— не возвращается домой неожиданно, всегда предупредительно звонит. И вот ее уже нет в живых. Выстрел из пистолета положил конец всем ее интрижкам...

Макдафф повернулся на бок и уснул.

Лишь за час до рассвета Вирлок и Смит покинули тюрьму на Мэретта-стрит и зашли в соседнее кафе, открытое круглые сутки. Вирлок устал, у него болела голова, но он не позволял себе раскиснуть. Обстановка в связи с делом Уэстина осложнялась. Эллендер, еще более беспринципный и жестокий, чем Фэйн, не скрывал своих намерений использовать убийство Элен Макдафф, чтобы обогнать Фэйна в гонке за место начальника управления внутренних дел. Машинально отпивая холодный кофе, Вирлок размышлял над своим положением и прикидывал, какую позицию ему следует занять. Уже пять лет он ждал наступления дня, когда с Эллендером что-нибудь произойдет и он сможет занять место начальника отдела уголовного розыска. После пятилетнего пребывания на этой должности он получал право выйти в отставку с пенсией в сто пятьдесят долларов в неделю вместо теперешних восьмидесяти пяти. Вирлока, конечно, привлекала перспектива стать начальником отдела, но какой ценой? Сейчас такая возможность представлялась — надо только собрать доказательства виновности Биля Уэстина. Обязательно виновности. Всякое иное направление расследования чревато крупными неприятностями для карьеры. Однако как ни решай эту проблему, допросы Уэстина надо продолжать.

В тюрьме уже начиналась уборка, когда Смит привел Уэстина из камеры на третьем этаже в кабинет Вирлока. В углу, распространяя приятный аромат, бурлил кофейник. Уэстин сел на стул, поставленный в центре комнаты, и уставился на Вирлока. Смит отошел к стене.

— Ну вот,— начал Вирлок, споласкивая под краном чашки для кофе.— Сейчас мы с вами во всем разберемся.

Уэстин промолчал.

— В ваших объяснениях много уязвимых мест и странных совпадений.

— Все, что я говорил,— истинная правда,— ответил Уэстин.

— Докажите, что это так, и я сейчас же прикажу освободить вас.

— Докажите, что это не так.

— Неубедительно, Уэстин,— поморщился Вирлок; минут десять все его внимание было приковано к столу: он расставлял посуду, разливал кофе и сливки, насыпал в чашки сахар. Уэстин изредка бросал на инспектора внимательные взгляды, покачивал головой и пожимал плечами. Хиллори Смит неподвижно стоял у стены, с любопытством наблюдая за своим начальником.

Уэстин неловко пошевелился на стуле и откашлялся.

— Вы что, хотите, чтоб я снова все рассказал? — спросил он.

Вирлок удивленно взглянул на него.

— Зачем? Вы лучше расскажите, как все произошло на самом деле.— Вирлок снова отвернулся от Уэстина, медленно выпил чашку кофе, сел за письменный стол и закурил, исподтишка посматривая на юношу.

— Ну, хватит играть в молчанку, Уэстин, начинайте,— предложил он после затянувшейся паузы.

— Мне уже невмоготу пережевывать одно и то же, и этот ваш трюк с кофе — пустая трата времени. Пробуйте свои методы психологического воздействия на том, кто что-то скрывает. А мне нечего скрывать.

— Что вы, собственно, знаете о психологии? — резко спросил Вирлок.— Или просто так ляпнули, ради красного словца?

Уэстин не ответил.

Вирлок начал не спеша рассказывать о Макдаффе как об одном из самых видных деятелей штата и безусловно самом важном и влиятельном человеке во всем Гэйтвее. Особенно подробно он остановился на том, как Макдафф встретил и полюбил Элен Шульц, как был привязан к ней, причем все это в выражениях, которые не оставляли у юноши никаких сомнений, что Макдафф ни перед чем не остановится, дабы беспощадно покарать преступника, отнявшего у него эту любовь. Кончив говорить, Вирлок встал и подошел к Уэстину.

— Теперь, надеюсь, вы понимаете, что у вас есть единственная возможность как-то смягчить приговор: сказать всю правду.

— Я и сказал всю правду,— ответил Уэстин, но уже без прежней уверенности.

— В таком случае скажите еще раз,— тихо произнес Вирлок, снова усаживаясь за стол.

Уэстин, по существу, повторил то же самое, что говорил до сих пор, только выпустил несколько незначительных подробностей и добавил кое-какие несущественные для Вирлока детали.

Как только Уэстин умолк, Вирлок кивнул Смиту. Тот подбежал к юноше, схватил его за шиворот и заставил подняться.

— Уэстин! — крикнул он.— Даю слово, вас никто не спасет, если вы не перестанете упорствовать! Эту женщину убили вы, так? Вы пробрались в дом, собираясь ограбить ее, так? Именно у нее вы взяли те семьдесят с лишним долларов, что оказались в вашем бумажнике, так?

Вирлок знаком остановил Смита, и тот вышел из кабинета.

— А правда, откуда у вас эти деньги? — спросил Вирлок.— И, кстати, сколько их, если сказать точно?

— Семьдесят девять долларов.

— Почему вы запомнили сумму?

— Потому, что именно столько я получил, когда оформлял расчет.

Вирлок молча кивнул, отвернулся к окну и молча смотрел на улицу, пока не пришел Смит. Взглянув на него, Вирлок повел головой в сторону Уэстина, и по этому знаку Смит сунул юноше в руку дамское портмоне. Осмотрев его, Уэстин растерянно уставился на Вирлока.

— Что это?

Смит осторожно, кончиками пальцев, взял портмоне обратно.

— Это портмоне Элен Макдафф, и теперь на нем остались отпечатки ваших пальцев,— усмехнулся Вирлок.

— Да что же вы делаете! — заволновался Уэстин.— Дайте.— Он попытался выхватить портмоне у Смита, но тот быстро убрал его за спину.

— Одной такой улики достаточно, чтобы посадить вас на электрический стул,— заметил Вирлок.— С помощью такого козыря я в любое время могу добиться для вас смертного приговора.

— Вы же пытаетесь пришить мне дело! — крикнул Уэстин.— Вы...

— Пришить дело? — иронически переспросил Вирлок.— Зачем пришивать вам дело, если оно и так уже есть? Ну, вы скажете наконец правду?

— Подлецы! Какие подлецы!

— Молчать! Убита женщина, вы схвачены на месте преступления... Неужели вы не хотите ничего видеть дальше своего носа? — Вирлок подбежал к Уэстину и, тыкая его пальцем в грудь, продолжал: — Твоя песенка спета! Ты у меня в руках, и пока ты не скажешь правду, это портмоне останется твоим смертным приговором... Смит, уведите его! Он настолько туп, что не хочет воспользоваться единственной возможностью спасти свою шкуру.

— Но что вам нужно от меня? — беспомощно озираясь по сторонам, простонал Уэстин.

— Признание! Правду!

— Я сказал всю правду.

— Вы отрицаете, что ограбили Элен Макдафф? — крикнул Вирлок.

— Да, отрицаю.

— Но вы не можете отрицать, что пытались стереть отпечатки пальцев с пистолета, из которого она была убита?

— Я уже объяснил, как получилось...

— Объяснил... Не объяснил, а сочинил... Смит, уведите его.

Смит стащил Уэстина со стула и начал подталкивать к двери.

— Одну минуту! — остановил его Вирлок.— Уэстин, одумайтесь, пока не поздно, пока я не передал портмоне Эллендеру и районному прокурору,— вы же знаете, что они с вами сделают. Вы уже имели дело с Эллендером, ну а районный прокурор еще хуже.

— А вы хуже их обоих! — крикнул Уэстин.— Сколько раз я должен повторять, что никого не убивал, что я ни в чем — слышите? — н и в ч е м не виноват?!

— Столько, сколько потребуется, чтобы сказать правду.

— Ваше признание, Уэстин, и на этом кончим,— тихо добавил Смит.

— Признание в чем? В том, что я убил ее, хотя я не убивал?

Смит пожал плечами.

— Ну что ж, отправляйтесь в свою камеру и подумайте как следует о портмоне с отпечатками ваших пальцев...

Смиту и самому претил этот трюк с портмоне, якобы принадлежавшим убитой, но и он и Вирлок понимали, что начальство не даст им покоя, пока они любой ценой не добьются признания Уэстина.

Оставшись один, Вирлок взял портмоне, осмотрел его и небрежно бросил на стол. Часы показывали без десяти восемь. Скоро придут Лейси Эллендер и районный прокурор Энстроу. Последний, вероятно, в самые ближайшие дни передаст дело Уэстина судье Сэму для срочного рассмотрения. Судья Сэм готов

на все, лишь бы добиться выдвижения своей кандидатуры на пост губернатора штата. Судья Сэм, районный прокурор Энстроу, начальник отдела уголовного розыска Эллендер, начальник городской полиции Фэйн и Макдафф против Уэстина... Любопытная расстановка сил, ничего не скажешь!

В кабинет вошел Смит, и Вирлок повернулся к нему.

— Ну?

Смит отрицательно покачал головой.

— Откровенно говоря, вы ввязываетесь в неприятную историю,— заметил он.

— По-вашему, Уэстин невиновен?

— Я так не говорил.

— Но вы так думаете?

— Не сказал бы.

— В таком случае давайте прекратим разговор. С минуты на минуту должны прийти Эллендер и Энстроу, и мне надо решить, какую позицию занять.

— Тогда и у меня возникает тот же самый вопрос: по-вашему, Уэстин невиновен?

— Не берусь утверждать, что он совершенно ни в чем не виноват. Мягко выражаясь, это объяснение не вполне правдоподобно, но...

— Но кто же тогда преступник?

— Преступником может быть любой из сотни друзей и знакомых Макдаффов, кто-нибудь из соседей, у кого был роман с Элен Макдафф и кто либо приревновал ее, либо оказался отвергнутым, либо боялся, что она проболтается... Нельзя сбрасывать со счетов и самого Макдаффа.

— Но что заставляет вас думать, что Уэстин невиновен?

— Скажите мне, почему преступником не может быть кто-нибудь другой, и тогда я признаю, что Уэстин виновен.

— Пожалуй, этого я не скажу.

— То-то. А можно ли на основании известных нам фактов сказать, что миссис Макдафф убил Уэстин,— только он, и никто другой?

— Честно говоря, нет, сэр.

— А мне нужна твердая уверенность, что убийца именно он, или, наоборот, что он не имеет никакого отношения к убийству. Твердая уверенность, понимаете?

— Понимаю, мистер Вирлок.

В тот же день судья Сэм уведомил районного прокурора Энстроу, что он не возражает против дальнейшего содержания Уэстина в тюрьме. В четверг Уэстину предстояло предстать перед Большим жюри присяжных, которое должно было рассмотреть материалы следствия и решить вопрос о предании его суду по обвинению в предумышленном убийстве. Эллендер заверил прокурора, что к этому времени он будет располагать признанием Уэстина. А это, как тотчас понял Фэйн, резко повышало шансы Эллендера в их борьбе за место начальника управления внутренних дел. Казалось, теперь ему остается только молча наблюдать за успехом соперника, заручившегося поддержкой прокурора Энстроу. Однако, обладая солидным опытом в подобных интригах, Фэйн не собирался уступать без борьбы. Он прекрасно понимал, что если Эллендер станет начальником управления внутренних дел, ему, Фэйну, не удержаться на посту начальника полиции,— Эллендер обязательно протолкнет на это место своего двоюродного брата.

В понедельник Вирлок вернулся домой в полдень. Жены дома не было. Он выпил бутылку пива, съел бутерброд, принял холодный душ и лег спать. Спал он плохо.

В полдень же миссис Джейн Морган все еще не знала, как ей поступить, хотя довела себя почти до истерики. Особенно удручающее впечатление произвела на нее заметка в газете, где происшествие на Бэнкер-авеню описывалось со множеством всяких подробностей. Все валилось у нее из рук, и это так удивило доктора Оттера, что он посоветовал ей уйти домой. Джейн Морган охотно последовала его совету.

В полдень же из поездки вернулся Джордж Эш. Миссис Эш (она была в саду и приводила в порядок пострадавшие накануне цветочные клумбы) приветствовала его бодрым взмахом руки. Эш поцеловал жену и, не дожидаясь ее расспросов, сообщил, что благополучно доставил Берту Пул к ее сестре в Мейкон, где она в целости и сохранности пробудет целый месяц. Они вошли в дом и вместе со своими четырьмя сыновьями уселись за ленч.

В тот же полдень Элрой Саймонсон в одиночестве завтракал в своем особняке. Он тоже прочитал заметку об убийстве, но думал совсем о другом. Он размышлял о переговорах с четырьмя коммивояжерами, о новых товарах на осенний сезон и о том, не следует ли увеличить заказ на пользующиеся хорошим спросом шерстяные пальто фирмы «Форстмен».

Кайль Теодор Макдафф, полупьяный и небритый, вместе со своим адвокатом придумывал какой-нибудь трюк, который позволил бы свести к минимуму налог на имущество Элен Макдафф, перешедшее к нему после ее смерти.

В тюрьме на Мэррета-стрит Биль Уэстин, почти не прикоснувшись к принесенной еде, измученный бесконечными допросами, в изнеможении свалился на грязную койку и забылся тяжелым сном.

На центральном телеграфе администрации пришлось дополнительно выделить двух работников на обработку телеграмм, поступавших со всех концов Джорджии на имя Макдаффа со словами соболезнования и утешения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Лейси Эллендер хорошо представлял, что следует предпринять, если он хочет занять кресло начальника управления внутренних дел. А он, конечно, хотел. Уже тридцать лет он служил в полиции и понимал, что время работает не на него,— уже и теперь любой начальник управления мог бы, учитывая возраст Эллендера, отправить его на пенсию. Теперешний начальник Алексион Гомерех в октябре должен был стать членом верховного суда штата, и по сложившейся в Гэйтвее традиции вместо него могли назначить только Фэйна или Эллендера. Отставка в пятьдесят три года и пенсия в две трети нынешнего жалованья («Деньги на карманные расходы, а не жалованье!» — говорил он) никак не устраивали Эллендера. Другое дело — пост начальника управления внутренних дел... Вон Гомерех получает триста пятьдесят долларов в неделю да долларов на шестьсот еженедельно берет взятки у четырех букмекеров и у трех владельцев игорных домов. Итого без малого пятьдесят тысяч в год... И такое место уступить Фэйну?! У него, Лейси Эллендера, есть на руках козырная карта, и он подбросит ее Макдаффу, одного слова которого достаточно, чтобы начальником управления стал он, Эллендер.

Часа четыре Эллендер работал у себя в кабинете, а в пять пятнадцать поднял трубку телефона и распорядился: «Доставьте Уэстина в комнату для допросов».

После нескольких часов сна, в семь вечера, Вирлок вновь приехал на службу. Инспектор решил допросить Уэстина ночью, когда никто не сможет ему помешать. Он достал из стола бритву и уже начал бриться, когда дверь за его спиной открылась, и он увидел в зеркале лицо вошедшего.

— Ба, Кэйджен! — воскликнул он, поворачиваясь.— Что вы тут делаете в такое время? А я-то думал, что у ловких адвокатов только одно занятие по вечерам: усиленно угощать старых дам коктейлями и выуживать у них согласие на управление всеми делами и всем имуществом покойных мужей!

Гарольд Кэйджен, лысеющий обходительный человек лет тридцати пяти, один из немногих действительно знающих, по мнению Вирлока, адвокатов в Гэйтвее, лишь улыбнулся на шутку инспектора. Он устало опустился на стул, небрежно поставил рядом дорогой портфель и сунул в рот огромную сигару.

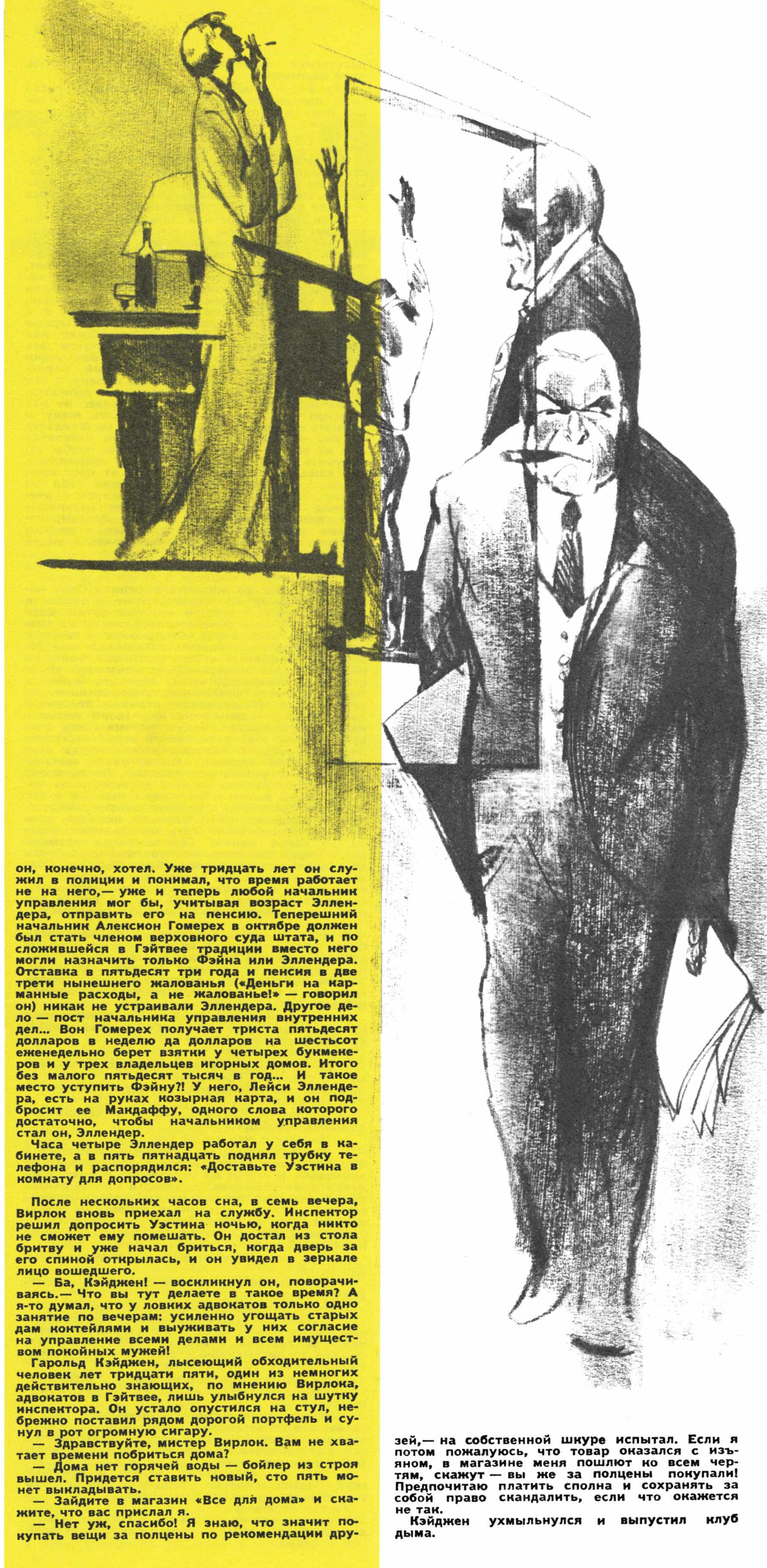
— Здравствуйте, мистер Вирлок. Вам не хватает времени побриться дома?

— Дома нет горячей воды — бойлер из строя вышел. Придется ставить новый, сто пять монет выкладывать.

— Зайдите в магазин «Все для дома» и скажите, что вас прислал я.

— Нет уж, спасибо! Я знаю, что значит покупать вещи за полцены по рекомендации друзей,— на собственной шкуре испытал. Если я потом пожалуюсь, что товар оказался с изъяном, в магазине меня пошлют ко всем чертям, скажут — вы же за полцены покупали! Предпочитаю платить сполна и сохранять за собой право скандалить, если что окажется не так.

Кэйджен ухмыльнулся и выпустил клуб дыма.

— А все же, что вы тут делаете? — поинтересовался Вирлок, приводя себя в порядок после бритья.— Может, одна из ваших богатых старух подралась с нем-нибудь?

Кэйджен отрицательно покачал головой.

— Судья Сэм, чтоб ему пусто было, назначил меня защитником мальчишки, который отправил на тот свет жену Макдаффа.

— Вон что! — удивился Вирлок.— Уэстину повезло.

— Благодарю за лестное мнение, но мне это назначение вовсе не улыбается.

— Отчего?

— Вы же прекрасно понимаете,— ворчливо ответил Кэйджен и кивнул на дверь.

— А что именно я должен прекрасно понимать?

— Эллендер с пяти часов его допрашивает, вернее, выколачивает признание, и категорически отклонил мою просьбу повидаться с арестованным.— Кэйджен пожал плечами.— Думаю, после допроса Эллендер сунет мне под нос признание паренька и предоставит, так сказать, свободу рук — дескать, попробуй теперь сделать что-нибудь для своего подзащитного, если осмелишься.

— И вы, конечно, осмелитесь? — небрежно спросил Вирлок.

— Я?! И не подумаю!

— Почему же?

— Да потому, что мне... не рекомендовали,— тихо ответил Кэйджен.— Знаете, Вирлок, оставьте-ка меня в покое, слышите? И никогда больше не заводите со мной подобных разговоров, иначе...

— Постойте! Кто не рекомендовал?

— Не ваше дело.

— Эллендер? Макдафф? Судья Сэм?

— Повторяю: не ваше дело! — Кэйджен встал.— Вирлок, я дорожу нашими хорошими отношениями, но тут совсем другое дело.

— То есть?

— Разжевать и положить в рот?

— Почему бы и нет, если я такой непонятливый?

— Тогда слушайте,— раздраженно поморщился Кэйджен.— Подавляющее большинство моих дел проходит через гражданский суд по делам о наследствах и опеке. Адвокат, если он хочет успешно проводить такие дела, должен поддерживать хорошие отношения с председательствующим судьей. Я пользуюсь репутацией адвоката, который умеет довольно ловко отделываться от родственников и сумасшедших, претендующих на свою долю наследства. Поэтому но мне часто обращаются со всякими вопросами, связанными с завещаниями. Ну как тут обойтись без хороших друзей в суде, где утверждают действенность завещаний?.. А теперь внимательно следите за ходом моих рассуждений. Судья Сэм — приятель Дэйла, председателя суда по делам о наследствах и опеке. Сэм, закусив удила, рвется в губернаторы, а прокурор Энстроу мечтает стать вместо него судьей. Потому-то оба они и танцуют вокруг Макдаффа, от которого зависит все. Макдафф, разумеется, не хочет, чтобы романы его женушки стали достоянием газет,— это нанесло бы ущерб его репутации политического деятеля, и поэтому решено принести Уэстина в жертву так называемому правосудию. Если я начну выносить всю эту грязь наружу, судья Сэм пожалуется на меня судье Дэйлу, и со мной, как адвокатом, будет кончено. Что же мне остается, как не держать язык за зубами?

— Так, так... Выходит, парень должен сесть на электрический стул ради спасения репутации этого старого пройдохи и мерзавца Макдаффа?

— Вы же знаете наши политические нравы,— пробормотал Кэйджен.

— Ну хорошо, я ценю вашу откровенность, Кэйджен. Скажите только вот еще что. Кто именно оказал на вас давление?

— Сами догадайтесь, не прикидывайтесь таким наивным. Я вовсе не криминалист, моя специальность — гражданское право, и в этой области я пользуюсь хорошей репутацией в городе. Чтобы сохранить ее, я проведу дело Уэстина так, как от меня требуют. Если бы судья хотел объективного рассмотрения дела, он назначил бы защитником Уэстина Джо Вульфа. Вот уж кто сумел бы добиться оправдания самого Нерона, если бы даже присяжные заседали среди руин сгоревшего Рима! А теперь сами делайте вывод.

Некоторое время Кэйджен и Вирлок молчали. Кэйджен курил, нервно передвигая сигару из одного угла рта в другой.

— Вы, как видно, полагаете, что парень невиновен,— заговорил наконец он.— Почему?

— Не полагаю я этого, но коль скоро у вас возникла такая мысль, значит, вы еще не совсем потеряли совесть... Что касается меня, то я заинтересован лишь в том, чтобы осудили настоящего убийцу, и вы сегодня второй, кого я должен убеждать в необходимости простой справедливости.

— Что вы называете справедливостью в сложившейся обстановке?

— Справедливость остается справедливостью в любой обстановке. Почему бы мне или кому-то другому не заняться расследованием дела в обычном порядке и найти убийцу, не считаясь с любым давлением? Неважно, Уэстин или не Уэстин убил жену Макдаффа. Важно другое: установить подлинного преступника и доказать его вину. Почему-то считается уже доказанным, что именно Уэстин убил Элен Макдафф, в действительности же этого никто пока не доказал, а сам Уэстин категорически все отрицает.

Больше говорить было не о чем. Кэйджен пожал плечами и опустил глаза. Вирлок вышел из комнаты и с силой хлопнул дверью.

Продолжение следует.

Перевел с английского
Ан. ГОРСКИЙ.

ПАРОЛЬ? «ВАРЕНИКИ»!

Приехал мой тамбовский приятель. Москву он знает по книгам и фильмам. Остановился в гостинице, а поутру позвонил и сказал, что ждет меня около кафе «Сирень». Разыскал такси, назвал адрес: Сиреневый бульвар.

Подъехали. Кафе на месте, а гостя нет. Побродил я полчаса, отправился восвояси. Едва добрался — звонок: «Почему не приехал?»

Оказалось, что есть еще одна «Сирень», на улице Чернышевского.

— И в парке Сокольники,— уточнили в «Мосгорсправке».

Три одноименных кафе. Не многовато ли для одного, даже большого города?

После этого случая стал я присматриваться к вывескам. Нашел две «Весны», две «Искры», два «Привета», два «Снежка» — это тоже кафе. Есть еще двойня — «Вареники»... Представьте сюжет детективного рассказа, с явками, с погонями, с паролем «вареники» и срывом операции — произошла путаница из-за одинаковых названий...

Может, недостаточен словарь у тех, кто дает имена кафе, тканям, новым продуктам, фасонам одежды, новым изделиям?

Зайдите в магазин. Хорошее само по себе слово «экстра» красуется на пачках стирального порошка и соли, на какой-то хозяйственной пасте, на печенье... Вот бы тем, кто так назвал товар, взять да и заглянуть в словарь: сразу выяснилось бы, что экстра — не название, а, скорее, мера качества, добротности.

Но «экстра» — цветочки по сравнению с «ИННТ». За какие же провинности так обозвали новое, весьма эффективное средство для чистки ковров и мягкой мебели?!

Подойдите к продавцу, попробуйте спросить:

— Есть в продаже «ИННТ»?

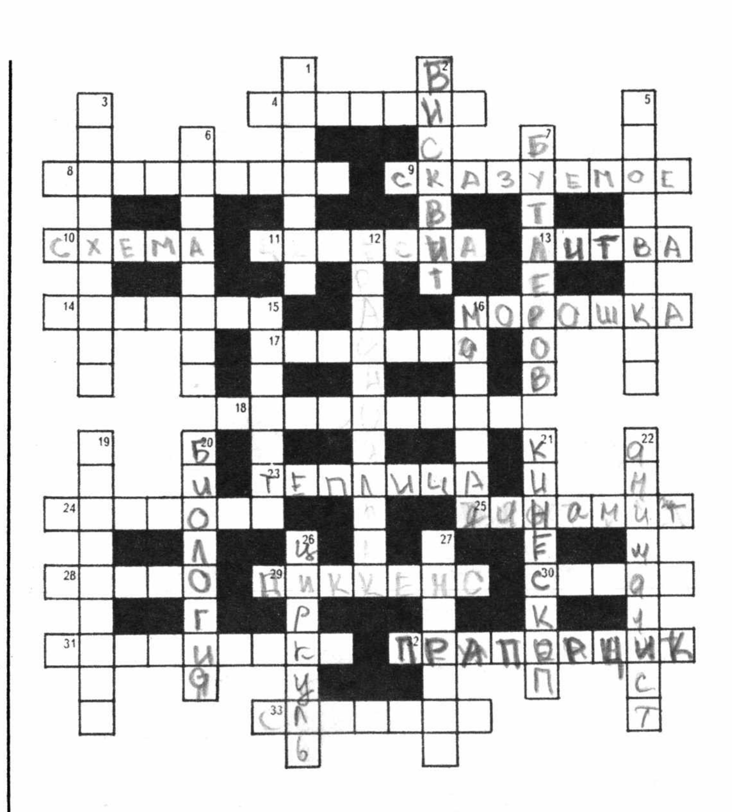
Химики вообще склонны к «новаторству». Они берут слово «кок» и приклеивают его на этикетку баллона с аэрозолем. И расшифровывают: комплексный освежитель кухни. Чтобы знали свое место корабельные коки!

...Помню, как на одном из заседаний экспертного совета павильона лучших образцов товаров широкого потребления Министерства торговли СССР первый заместитель министра С. А. Трифонов предложил (и правильно!) не утверждать образец нового изделия, пока ему не подберут приличествующее название. С тех пор прошло много времени...

Ведется большая работа по приведению в стройность имен улиц, площадей, переулков. Есть по сему поводу справочники, каталоги, карты-схемы. Но вот до кафе, до названия товаров, до наименования магазинов руки, кажется, не доходят. Открыли два магазина и назвали одинаково — «Журналист». В одном — книги, в другом — оргтехника. Документы и товары, предназначенные для оргтехнического «Журналиста», не раз засылались в книжный. Чтобы узнать о книжных новинках, звонят в оргтехнический...

Никто еще не подсчитал потерь времени от одинаковых или просто нелепых названий. А жаль!

К. БАРЫКИН

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Персонаж оперы Р. Леонкавалло «Паяцы». 8. Тонкий, глянцевитый картон. 9. Главный член предложения. 10. Упрощенный чертеж. 11. Спутник планеты Уран. 13. Союзная республика. 14. Роман Б. Горбатова. 16. Северная ягода. 17. Столица Никарагуа. 18. Иносказание. 23. Застекленное помещение для выращивания растений. 24. Стихотворное произведение. 25. Взрывчатое вещество. 28. Порт во Франции. 29. Английский писатель. 30. Рыба семейства окуневых. 31. Созвездие северного полушария неба. 32. Воинское звание. 33. Металл.

По вертикали: 1. Курорт в Крыму. 2. Кондитерское изделие. 3. Птица отряда воробьиных. 5. Русский поэт-декабрист. 6. Помост на столбах. 7. Русский химик, академик. 12. Областной центр в РСФСР. 15. Цветное стекло для мозаики. 16. Смесь уксуса, пряностей и воды. 19. Отрезок прямой, соединяющий две несмежные вершины многоугольника. 20. Наука о строении живого организма. 21. Телевизионная трубка. 22. Художник, изображающий животных. 26. Чертежный инструмент. 27. Свойство тел сохранять состояние покоя или движения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали: 7. Лаванда. 9. Рафаэль. 10. Штора. 11. Нона. 12. Кекс. 13. Бакуриани. 15. Кипарис. 17. Монолог. 18. Капри. 20. Пенза. 22. Бахрома. 23. Светлов. 24. Антонова. 27. Фара. 29. Герб. 30. Наина. 31. Городки. 32. Газолин.

По вертикали: 1. Лавочкин. 2. Ваза. 3. Гашек. 4. Драга. 5. Парк. 6. Электрон. 8. Корреспонденция. 13. Баркарола. 14. Ионосфера. 16. Скопа. 17. Мимас. 19. Варламов. 21. Коперник. 25. Тонио. 26. «Враги». 28. Азов. 29. Гром.

На первой странице обложки: Подстанция Сырдарьинской ГРЭС. Высоко над землей работают монтажники Петр Петров и Геннадий Малахов.

Фото Э. Эттингера.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 2/X-72 г. А 00746. Подп. к печ. 17/X-72 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2261. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3581.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

1

Л. СЕМЕНОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

ПРАЗДНИК ДЖИГ

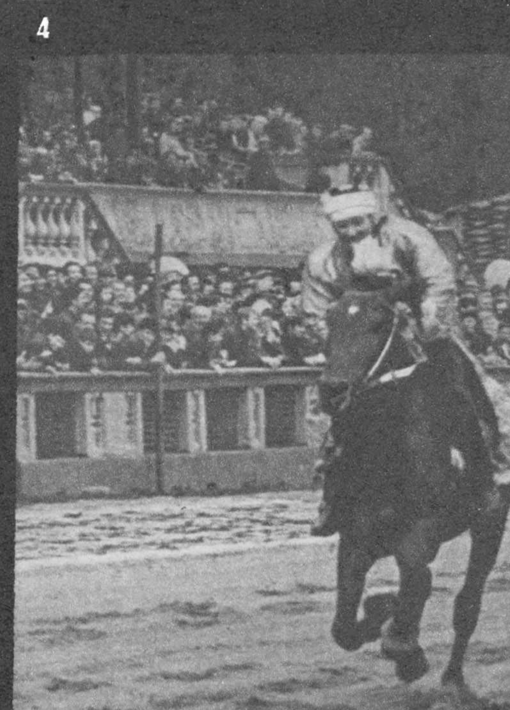
2

3

4

Начнем с солнца. Оно словно по заказу хлынуло из-за туч на парад конников пятнадцати республик. Зрители Центрального московского ипподрома увидели в седлах тех, кто ходил в ночные дозоры, командовал в боях. Легендарный Щорс на коне, Буденный, Чапаев... Это только фрагмент театрализованного, красочного парада, посвященного XV Всесоюзным соревнованиям конников в честь 50-летия СССР. Командовал им заслуженный тренер Г. Т. Анастасьев на вороном Пепле. Именно на этом коне, рожденном в Сальских степях под Ростовом, Елена Петушкова завоевала звание чемпиона мира по выездке и одержала победу на Олимпиаде в Мюнхене.

...И закипели страсти на дорожках. Джигиты состязались в жарких национальных играх, в скачках, бегах.

1. Дистанция 2 400 метров. Скачка на приз «Дружба народов».

2. Среди всадников Грузии дважды Герой Социалистического Труда Антимоз Рогава, Герой Советского Союза Мелитон Кантария и чемпион по конному спорту Георгий Григолия.

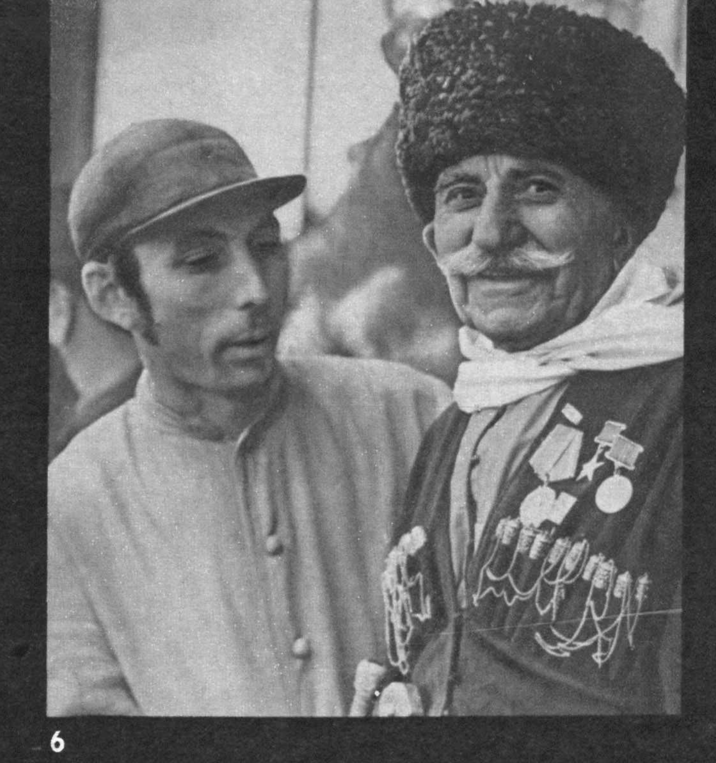
3. Заезд рысаков. Наши лошади побеждали в этом году на ипподромах ФРГ, Венгрии, Финляндии.

4. Если в игре «Догони девушку» джигит не смог настичь всадницу и поцеловать, то она наказывает его хлыстом.

5. Наездницы Украины.

6. Два джигита — Герой Социалистического Труда Темур Тугович Тарба, которому исполнилось сто пять лет, и ростовчанин Александр Казантаев.

7. Это игра «Кок-пар». Схватить тушу барана — и галопом к воротам... Здесь сильнейшими оказались команды Киргизии и Таджикистана.

6

7

ИТОВ

5

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663